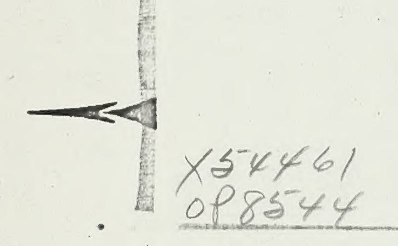
This "O-P Book" Is an Authorized Reprint of the Original Edition, Produced by Microfilm-Xerography by University Microfilms, Inc., Ann Arbor, Michigan, 1966

N.M. Karamzin

СОЧИНЕНІЯ

КАРАМЗИНА.

ТОМЪ ВТОРЫЙ. =2

Gabr Geitlin

МОСКВА,
ВЪ Типографіи С. Селивановскаго,
1803.

Съ дозволенія
Московскаго Гражданскаго Губернатора.

ПИСЬМА

РУСКАГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА.

ЧАСТЬ I.

Я хотѣлъ при новомъ изданіи многое перемѣнить въ сихъ Письмахъ, и... не перемѣнилъ почти ничего. Какъ они были писаны, какъ удостоились лестнаго благоволенія Публики, пусть такъ и остаются. Пестрота, неровность въ слогѣ есть слѣдствіе различныхъ предметовъ, которые дѣйствовали на душу молодаго, неопытнаго Рускаго Путешественника: онъ сказывалъ друзьямъ своимъ, что ему приключалось, что онъ видѣлъ, слышалъ, чувствовалъ, думалъ — и описывалъ свои впечатлѣнія не на досугѣ, не въ тишинѣ кабинета, а гдѣ и какъ случалось, дорогою, на лоскуткахъ, карандашемъ. Много неважнаго, мѣлочи — соглашаюсь; но естьли въ Ричардсоновыхъ, Фильдинговыхъ романахъ безъ скуки читаемъ мы—

на примѣръ, что Грандисонъ всякой день пилъ два раза чай съ любезною Миссъ Биронъ; что Томъ Джонесъ спалъ ровно семь часовъ въ такомъ-то сельскомъ трактирѣ: то для чего же и Путешественнику не простить нѣкоторыхъ бездѣльныхъ подробностей? Человѣкъ въ дорожномъ платьѣ, съ посохомъ въ рукѣ, съ котомкою за плечами, не обязанъ говорить съ осторожною разборчивостїю какого нибудь Придворнаго, окруженнаго такими же Придворными, или Профессора въ Шпанскомъ парикѣ, сидящаго на большихъ, ученыхъ креслахъ. — А кто въ описанїи путешествїй ищетъ однихъ статистическихъ и географическихъ свѣдѣнїй, тому, вмѣсто сихъ Писемъ, совѣтую читать Бишингову Географїю.

СОЧИНЕНІЯ КАРАМЗИНА.

ТОМЪ II.

ПИСЬМА РУСКАГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА.

ЧАСТЬ I.

Тверь, 18 Маія 1789.

Разстался я съ вами, милые, разстался! Сердце мое привязано къ вамъ всѣми нѣжнѣйшими своими чувствами, а я безпрестанно отъ васъ удаляюсь и буду удаляться!

О сердце, сердце! кто знаетъ, чего ты хочешь? — Сколько лѣтъ путешествіе было пріятнѣйшею мечтою моего воображенія? Не въ восторгѣ ли сказалъ я самому себѣ: наконецъ ты поѣдешь? Не въ радости ли просыпался всякое утро? Не съ удовольствіемъ ли засыпалъ, думая: ты поѣдешь? Сколько времени не могъ ни о чемъ думать, ничѣмъ заниматься, кромѣ путешествія? Не считалъ ли дней и часовъ? Но — когда пришелъ желаемой день, я сталъ грустить, вообразивъ въ первой разъ живо, что мнѣ надлежало разстаться съ любезнѣйшими для меня людьми въ свѣтѣ, и со всѣмъ, что, такъ сказать, входило въ составъ нравственнаго бытія моего. На что ни смотрѣлъ — на столъ, гдѣ нѣсколько лѣтъ изливались на бумагу незрѣлыя мысли и чувства мои — на окно, подъ которымъ сиживалъ я подгорю-

нившись въ припадкахъ своей меланхоліи, и гдѣ такъ часто заставало меня восходящее солнце — на готической домъ, любезной предметъ глазъ моихъ въ часы ночные — однимъ словомъ, все, что попадалось мнѣ въ глаза, было для меня драгоцѣннымъ памятникомъ прошедшихъ лѣтъ моей жизни, не обильной дѣлами, но за то мыслями и чувствами обильной. Съ вещами бездушными прощался я какъ съ друзьями; и въ самое то время, какъ былъ размягченъ, растроганъ, пришли люди мои, начали плакать и просить меня, чтобы я не забылъ ихъ, и взялъ опять къ себѣ, когда возвращуся. Слезы заразительны, мои милые, а особливо въ такомъ случаѣ.

Но вы мнѣ всего любезнѣе, и съ вами надлежало разстаться. Сердце мое такъ много чувствовало, что я говорить забывалъ. Но что вамъ сказывать! — Минута,

вЪ которую мы прощались, была такова, что тысячи пріятныхЪ минутЪ вЪ будущемЪ едва ли мнѣ за нее заплатятЪ.

Милой Птрв. провожалЪ меня до заставы. ТамЪ обнялись мы сЪ нимЪ, и еще вЪ первой разЪ видѣлЪ я слезы его; — тамЪ сѣлЪ я вЪ кибитку, взглянулЪ на Москву, гдѣ оставалось для меня столько любезнаго, и сказалЪ: *прости!* КолокольчикЪ зазвенѣлЪ, лошади помчались... и другЪ вашЪ осиротѣлЪ вЪ мірѣ, осиротѣлЪ вЪ душѣ своей!

Все прошедшее есть сонЪ и тѣнь: ахЪ! гдѣ, гдѣ часы, вЪ которые такЪ хорошо бывало сердцу моему посреди васЪ, милые? — Естьли бы человѣку, самому благополучному, вдругЪ открылося будущее, то замерло бы сердце его отЪ ужаса, и языкЪ его онѣмѣлЪ бы вЪ самую ту минуту, вЪ кото-

рую онъ думалъ назвать себя щасшливѣйшимъ изъ смершныхъ! . .

Во всю дорогу не приходило мнѣ въ голову ни одной радостной мысли; а на послѣдней станціи къ Твери грусть моя такъ усилилась, что я, въ деревенскомъ тракширѣ, стоя передъ каррикатурами Королевы Французской и Римскаго Императора, хотѣлъ бы, какъ говоритъ Шекспиръ, *выплакать сердце свое.* Тамъ - то все оставленное мною явилось мнѣ въ такомъ трогательномъ видѣ — — Но полно, полно! Мнѣ опять становится чрезмѣрно грустно. — Простите! Дай Богъ вамъ множество утѣшеній! — Помните друга, но безъ всякаго горестнаго чувства! —

С. Петербургъ, 26 Маїя 1789.

Проживъ здѣсь пять дней, друзья мои, черезъ часъ поѣду въ Ригу.

Въ Петербургѣ я не веселился. Пріѣхавъ къ своему Д**, нашелъ его въ крайнемъ уныніи. Сей достойной, любезной человѣкъ (*) открылъ мнѣ свое сердце; оно чувствительно — онъ нещастливъ!.. „Состояніе мое совсѣмъ твоему противоположно, сказалъ онъ со вздохомъ: главное твое желаніе исполняется: ты ѣдешь наслаждаться, веселиться; а я поѣду искать смерти, которая одна можетъ окончить мое страданіе.“ Я не смѣлъ утѣшать его, и довольствовался однимъ сердечнымъ участіемъ въ его горести. Но не думай, мой другъ — сказалъ я ему — чтобы ты видѣлъ передъ собою человѣка, довольнаго своею судьбою; пріобрѣ-

(*) Его уже нѣтъ въ здѣшнемъ свѣтѣ.

тая одно, лишаюсь другова, и жалѣю. — Оба мы вмѣстѣ отъ всего сердца жаловались на нещастной жребій человѣчества, или молчали. По вечерамъ прохаживались въ лѣтнемъ саду, и всегда больше думали, нежели говорили; каждой о своемъ думалъ. До обѣда бывалъ я на биржѣ, чтобы видѣться съ знакомымъ своимъ Англичаниномъ, черезъ котораго надлежало мнѣ получить вексели. Тамъ, смотря на корабли, я вздумалъ-было ѣхать водою, въ Данцигъ, въ Штетинъ или въ Любекъ, чтобы скорѣе быть въ Германіи. Англичанинъ мнѣ то же совѣтовалъ, и сыскалъ Капитана, которой черезъ нѣсколько дней хотѣлъ плыть въ Штетинъ. Дѣло, казалось, было съ концомъ; однако жь вышло не такъ. Надлежало объявить мой пашпортъ въ Адмиралтействѣ; но тамъ не хотѣли надписать его, потому, что онъ данъ изъ Московскаго, а не изъ Петер-

бургскаго Губернскаго Правленія, и что въ немъ не сказано, какъ я поѣду; то есть, не сказано, что поѣду моремъ. Возраженія мои не имѣли успѣха — я не зналъ порядка, и мнѣ оставалось ѣхать сухимъ путемъ, или взять другой паспортъ въ Петербургѣ. Я рѣшился на первое; взялъ подорожную — и лошади готовы. И такъ простите, любезные друзья! Когда-то будетъ мнѣ веселѣе! А до сей минуты все грустно. Простите!

Рига, 31 Маія 1789.

Вчера, любезнѣйшіе друзья мои, пріѣхалъ я въ Ригу, и остановился въ Hôtel de Petersbourg. Дорога меня измучила. Не довольно было сердечной грусти, которой причина вамъ извѣстна: надлежало еще итти сильнымъ дождямъ; надлежало, чтобы я вздумалъ,

къ нещастью, ѣхать изъ Петербурга *на перекладныхъ*, и нигдѣ не находилъ хорошихъ кибитокъ. Все меня сердило. Вездѣ, казалось, брали съ меня лишнее; на каждой перемѣнѣ держали слишкомъ долго. Но нигдѣ не было мнѣ такъ горько, какъ въ Нарвѣ. Я пріѣхалъ туда весь мокрой, весь въ грязи; на силу могъ найти купить двѣ рогожи, чтобы сколько-нибудь закрыться отъ дождя, и заплатилъ за нихъ по крайней мѣрѣ какъ за двѣ кожи. Кибитку дали мнѣ негодную, лошадей скверныхъ. Лишь только отъѣхали съ полверсты, переломилась ось; кибитка упала въ грязь, и я съ нею. Илья мой поѣхалъ съ ямщикомъ назадъ за осью, а бѣдной вашъ другъ остался на сильномъ дождѣ. Этова еще мало: пришелъ какой-то Полицейской, и началъ шумѣть, что кибитка моя стояла середи дороги. Спрячь ее въ карманъ! ска-

залъ я съ притворнымъ равнодушіемъ, и завернулся въ плащъ. Богъ знаетъ, каково мнѣ было въ эту минуту! Всѣ пріятныя мысли о путешествіи затмились въ душѣ моей. О естьли бы мнѣ можно было тогда перенестись къ вамъ, друзья мои! Внутренно проклиналъ я то безпокойство сердца человѣческаго, которое влечетъ насъ отъ предмета къ предмету, отъ вѣрныхъ удовольствій къ невѣрнымъ, какъ скоро первыя уже не новы — которое настроиваетъ къ мечтамъ наше воображеніе, и заставляетъ насъ искать радостей въ неизвѣстности будущаго!

Есть всему предѣлъ; волна, ударившись о берегъ, назадъ возвращается, или, поднявшись высоко, опять внизъ упадаетъ — и въ самой тотъ мигъ, какъ сердце мое стало полно, явился хорошо-одѣтой мальчикъ, лѣтъ тринадцати, и съ милою, сердечною улыбкою сказалъ

мнѣ по-Нѣмецки: „У васъ изломалась кибитка? Жаль, очень жаль! Пожалуйте къ намъ — вотъ нашъ домъ — батюшка и матушка приказали васъ просить къ себѣ.“ — Благодарю васъ, государь мой! Только мнѣ не льзя отойти отъ своей кибитки; къ тому же я одѣтъ слишкомъ по-дорожному, и весь мокръ. — „Къ кибиткѣ приставимъ мы человѣка; а на платье дорожныхъ кто смотритъ? Пожалуйте, сударь, пожалуйте!“ — — Тутъ улыбнулся онъ такъ убѣдительно, что я долженъ былъ стряхнуть воду съ шляпы своей, — разумѣется, для того, чтобы съ нимъ итти. Мы взялись за руки, и побѣжали бѣгомъ въ большой каменной домъ, гдѣ въ залѣ перваго этажа нашелъ я многочисленную семью, сидящую вокругъ стола; хозяйка разливала чай и кофе. Меня приняли такъ ласково, потчивали такъ сердечно, что я забылъ все свое горе. Хозяинъ, по-

жилой человѣкъ, у котораго добродушіе на лицѣ написано, съ видомъ искренняго участія разспрашивалъ меня о моемъ путешествіи. Молодой человѣкъ, племянникъ его, не давно возвратившійся изъ Германіи, сказывалъ мнѣ, какъ удобнѣе ѣхать изъ Риги въ Кенигсбергъ. Я пробылъ у нихъ около часа. Между тѣмъ привезли ось, и все было готово. „Нѣтъ, еще постойте!" сказали мнѣ—и хозяйка принесла на блюдѣ три хлѣба. „Нашъ хлѣбъ, говорятъ, хорошъ: возьмите его." *Богъ съ вами!* примолвилъ хозяинъ, пожавъ мою руку: *Богъ съ вами!*—Я сквозь слезы благодарилъ его, и желалъ, чтобы онъ и впредь своимъ гостепріимствомъ утѣшалъ печальныхъ странниковъ, разставшихся съ милыми друзьями.—Гостепріимство, священная добродѣтель, обыкновенная во дни юности рода человѣческаго, и столь рѣдкая во дни наши! естьли я когда нибудь тебя

забуду, то пусть забудутъ меня друзья мои! Пусть вѣчно буду бездомнымъ на землѣ странникомъ и нигдѣ не найду втораго Крамера! (*) Простился со всею любезною семьею, сѣлъ въ кибитку и поскакалъ, обрадованный находкою добрыхъ людей! —.

Почта отъ Нарвы до Риги называется Нѣмецкою, для того, что Коммиссары на станціяхъ Нѣмцы. Почтовые домы вездѣ одинакіе — низенькіе, деревянные, раздѣленные на двѣ половины: одна для проѣзжихъ, а въ другой живетъ самъ Коммиссаръ, у котораго можно найти все нужное для утоленія голода и жажды. Станціи маленькія; есть по двѣнадцати и десяти верстъ. Вмѣсто ямщиковъ ѣздятъ

(*) Одинъ изъ моихъ пріятелей, будучи въ Нарвѣ, читалъ Крамеру сіе письмо — онъ былъ доволенъ — я еще больше!

отставные солдаты, изъ которыхъ иные помнятъ Миниха; разсказывая сказки, забываютъ они погонять лошадей, и для того пріѣхалъ я сюда изъ Петербурга не прежде, какъ въ пятой день. На одной станціи за Дерптомъ надлежало мнѣ ночевать: Г. З.**, ѣдущій изъ Италіи, забралъ всѣхъ лошадей. Я съ полчаса говорилъ съ нимъ, и нашелъ въ немъ любезнаго человѣка. Онъ настращалъ меня песчаными Прускими дорогами, и совѣтовалъ лучше ѣхать черезъ Польшу и Вѣну; однако жь мнѣ не хочется перемѣнить своего плана. Пожелавъ ему щастливаго пути, бросился я на постелю; но не могъ заснуть до самаго того времени, какъ Чухонецъ пришелъ мнѣ сказать, что кибитка для меня впряжена.

Я не примѣтилъ никакой розницы между Эстляндцами и Лифляндцами, кромѣ языка и кафтановъ: одни носятъ черные, а дру-

гіе сѣрые. Языки ихъ сходны; имѣютъ въ себѣ мало собственнаго, много Нѣмецкихъ, и даже нѣсколько Славянскихъ словъ. Я замѣтилъ, что они всѣ Нѣмецкія слова смягчаютъ въ произношеніи: изъ чего можно заключить, что слухъ ихъ нѣженъ; но видя ихъ непроворство, неловкость и недогадливость, всякой долженъ думать, что они, просто сказать, глуповаты. Господа, съ которыми удалось мнѣ говорить, жалуются на ихъ лѣность, и называютъ ихъ сонливыми людьми, которые по волѣ ничего не сдѣлаютъ; и такъ надобно, чтобы ихъ очень неволили, потому что они очень много работаютъ, и мужикъ въ Лифляндіи, или въ Эстляндіи, приноситъ господину вчетверо болѣе нашего Казанскаго или Симбирскаго.

Сіи бѣдные люди, *работающіе господеви со страхомъ и трепетомъ* во всѣ будничные дни, за то уже

безъ памяти веселятся въ праздники, которыхъ, правда, весьма не много по ихъ Календарю. Дорога усѣяна корчмами, и всѣ онѣ въ проѣздъ мой были наполнены гуляющимъ народомъ — праздновали Троицу.

Мужики и господа Лютеранскаго исповѣданія. Церкви ихъ похожи на наши, кромѣ того, что на верьху стоитъ не крестъ, а пѣтухъ, которой долженъ напоминать о паденіи Апостола Петра. Проповѣди говорятся на ихъ языкѣ; однако жь Пасторы всѣ знаютъ по-Нѣмецки.

Что принадлежитъ до мѣстоположеній, то въ этой сторонѣ смотрѣть не на что. Лѣса, песокъ, болота; нѣтъ ни большихъ горъ, ни пространныхъ долинъ. — Напрасно будешь искать и такихъ деревень, какъ у насъ. Въ одномъ мѣстѣ видишь два двора, въ другомъ три, четыре, и церковь. Избы больше нашихъ, и раздѣлены

обыкновенно на двѣ половины: въ одной живутъ люди, а другая служитъ хлѣвомъ. — Тѣ, которые ѣдутъ не на почтовыхъ, должны останавливаться въ корчмахъ. Впрочемъ я почти совсѣмъ не видалъ проѣзжихъ: такъ пуста эта дорога въ нынѣшнее время.

О городахъ говорить много не чего, потому что я въ нихъ не останавливался. Въ Ямбургѣ, маленькомъ городкѣ, извѣстномъ по своимъ суконнымъ фабрикамъ, есть изрядное каменное строеніе. Нѣмецкая часть Нарвы, или собственно такъ называемая Нарва, состоитъ по большой части изъ каменныхъ домовъ; другая, отдѣляемая рѣкою, называется Иванъ-городъ. Въ первой все на Нѣмецкую стать, а въ другой все на Рускую. Тутъ была прежде наша граница — о Петръ, Петръ!

Когда скрылся мнѣ Дерптъ, я сказалъ: прекрасной городокъ! Тамъ все праздновало и веселилось.

Мущины и женщины ходили по городу обнявшись, и въ окрестныхъ рощахъ мелькали гуляющія пары. *Что городъ, то норовъ; что деревня, то обычай.* — Здѣсь-то живетъ братъ нещастнаго Л** (*). Онъ главной Пасторъ, всѣми любимъ, и доходъ имѣетъ очень хорошій. Помнитъ ли онъ брата? Я говорилъ объ немъ съ однимъ Лифляндскимъ дворяниномъ, любезнымъ, пылкимъ человѣкомъ. „Ахъ, государь мой! сказалъ онъ мнѣ: самое то, что одного прославляетъ и щастливитъ, дѣлаетъ другова злополучнымъ. Кто, читая Поэму шестнад-

(*) Ленца, Нѣмецкаго Автора, который нѣсколько времени жилъ со мною въ одномъ домѣ. Глубокая меланхолія, слѣдствіе многихъ нещастій, свела его съ ума; но въ самомъ сумасшествіи онъ удивлялъ насъ иногда своими піитическими идеями, а всего чаще трогалъ добродушіемъ и терпѣніемъ.

цатилѣтняго Л**, и все то, что онъ писалъ до двадцати пяти лѣтъ, не увидитъ *утренней зари великаго духа?* Кто не подумаетъ: вотъ юной Клопштокъ, юной Шекспиръ? Но черныя тучи помрачили эту прекрасную зарю, и солнце никогда не возсіяло. *Глубокая* чувствительность, безъ которой Клопштокъ не былъ бы Клопштокомъ и Шекспиръ Шекспиромъ, погубила его. Другія обстоятельства, и Л* безсмертенъ!" —

Лишь только въѣдешь въ Ригу, увидишь, что это торговой городъ — много лавокъ, много народа — рѣка покрыта кораблями и судами разныхъ націй — биржа полна. Вездѣ слышишь Нѣмецкой языкъ—гдѣ-гдѣ Руской—и вездѣ требуютъ не рублей, а талеровъ. Городъ не очень красивъ; улицы узки—но много каменнаго строенія, и есть хорошіе домы.

Въ трактирѣ, гдѣ я остановился, хозяинъ очень услужливъ: самъ носилъ паспортъ мой въ Правленіе и въ Благочиніе, и сыскалъ мнѣ извощика, которой за тринадцать червонцевъ нанялся довезти меня до Кенигсберга, вмѣстѣ съ однимъ Французскимъ купцомъ, которой нанялъ у него въ свою коляску четыре лошади; а я поѣду въ кибиткѣ.—Пишу отправлю отсюда прямо въ Москву.

Милые друзья! всегда, всегда о васъ думаю, когда могу думать. Я еще не выѣхалъ изъ Россіи, но давно уже въ чужихъ краяхъ, потому что давно съ вами разстался.

Курляндская корчма, 1 Іюня 1789.

Еще не успѣлъ я окончить письма къ вамъ, любезнѣйшіе друзья, какъ лошади были впряжены, и трактирщикъ пришелъ сказать мнѣ, что

черезъ полчаса запрутъ городскія вороты. Надобно было дописать письмо, расплатиться, укласть чемоданъ и приказать кое-что Ильѣ. Хозяинъ воспользовался моимъ недосугомъ, и подалъ мнѣ самой аптекарской счетъ; то есть, за однѣ сутки онъ взялъ съ меня около девяти рублей!

Удивляюсь еще, какъ я въ такихъ торопяхъ ничего не забылъ въ трактирѣ. Наконецъ все было готово, и мы выѣхали изъ воротъ. Тутъ простился я съ добродушнымъ Ильею — онъ къ вамъ поѣхалъ, милые! — Начинало смеркаться. Вечеръ былъ тихъ и прохладенъ. Я заснулъ крѣпкимъ сномъ молодаго путешественника, и не чувствовалъ, какъ прошла ночь. Восходящее солнце разбудило меня лучами своими; мы приближались къ заставѣ, маленькому домику съ рогаткою. Парижской купецъ пошелъ со мною къ Маіору, которой

принялъ меня учтиво, и послѣ осмотра велѣлъ насъ пропустить. Мы въѣхали въ Курляндію — и мысль, что я уже внѣ отечества, производила въ душѣ моей удивительное дѣйствіе. На все, что попадалось мнѣ въ глаза, смотрѣлъ я съ отмѣннымъ вниманіемъ, хотя предметы сами по себѣ были весьма обыкновенны. Я чувствовалъ такую радость, какой со времени нашей разлуки, милые! еще не чувствовалъ. Скоро открылась Миттава. Видъ сего города некрасивъ, но для меня былъ привлекателенъ. Вотъ первой иностранной городъ! думалъ я — и глаза мои искали чего нибудь отмѣннаго, новаго. На берегу рѣки Аа, черезъ которую мы переѣхали на плоту, стоитъ дворецъ Герцога Курляндскаго, не малой домъ, впрочемъ по своей наружности весьма не великолѣпной. Стекла почти вездѣ выбиты или вынуты; и видно, что внутри

комнатЪ передѣлываютЪ. ГерцогЪ живетЪ вЪ лѣтнемЪ замкѣ, не далеко отЪ Митавы. БерегЪ рѣки покрытЪ лѣсомЪ, которымЪ самЪ ГерцогЪ исключительно торгуетЪ, и которой составляетЪ для него немалой доходЪ. Стоявшіе на караулѣ солдаты казались инвалидами. Что принадлежитЪ до города, то онЪ великЪ, но не хорошЪ. Домы почти всѣ маленькіе, и довольно неопрятны; улицы узки и худо вымощены; садовЪ и пустырей много.

Мы остановились вЪ трактирѣ, которой считается лучшимЪ вЪ городѣ. ТотчасЪ окружили насЪ Жиды сЪ разными бездѣлками. ОдинЪ предлагалЪ трубку, другой старой Лютеранской молитвенникЪ и Готшедову Грамматику, третій зрительное стекло, и каждой хотѣлЪ продать товарЪ свой такимЪ добрымЪ господамЪ за самую сходную цѣну. Француженка,

ѣдущая съ Парижскимъ купцомъ, женщина лѣтъ въ сорокъ пять, стала оправлять свои сѣдые волосы передъ зеркаломъ, а мы съ купцомъ, заказавъ обѣдъ, пошли ходить по городу—видѣли, какъ молодой Офицеръ училъ старыхъ солдатъ, и слышали, какъ пожилая курносая Нѣмка въ чепчикѣ бранилась съ пьянымъ мужемъ своимъ, сапожникомъ!

Возвратясь, обѣдали мы съ добрымъ аптекаремъ, и послѣ обѣда имѣли время напиться кофе, чаю, и поговорить довольно. Я узналъ отъ сопутника своего, что онъ родомъ Италіянецъ, но въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ оставилъ свое отечество и вошелъ въ коммерцію въ Парижѣ; много путешествовалъ, и въ Россію пріѣзжалъ отчасти по своимъ дѣламъ, отчасти для того, чтобы узнать всю жестокость зимы; и теперь возвращается опять въ Парижъ, гдѣ на-

мѣрснѣ навсегда остаться. — За все вмѣстѣ заплатили мы въ тракиръ по рублю съ человѣка.

Выѣхавъ изъ Минавы, увидѣлъ я пріятнѣйшія мѣста. Сія земля гораздо лучше Лифляндіи, которую не жаль проѣхать зажмурясь. Намъ попались фурманы изъ Либау и Пруссіи. Странные экипажи! Длинныя фуры цугомъ; лошади пребольшія, и висящія на нихъ гремушки производятъ несносной для ушей шумъ.

Отъѣхавъ пять миль, остановились мы ночевать въ корчмѣ. Дворъ хорошо покрытъ; комнаты довольно чисты, и въ каждой готова постеля для путешественниковъ.

Вечеръ пріятенъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ корчмы течетъ чистая рѣка. Берегъ покрытъ мягкою зеленою травою, и осѣненъ въ иныхъ мѣстахъ густыми деревами. Я отказался отъ ужина, вышелъ на берегъ, и вспомнилъ

одинЪ Московской вечерЪ, вЪ которой, гуляя сЪ Пт. подЪ Андроньевымъ монастыремЪ, сЪ отмѣннымЪ удовольствіемЪ смотрѣли мы на заходящее солнце. ДумалЪ ли я тогда, что ровно черезЪ годЪ буду наслаждаться пріятностями вечера вЪ Курляндской корчмѣ! Еще другая мысль пришла мнѣ вЪ голову. Нѣкогда началЪ-было я писать романЪ, и хотѣлЪ вЪ воображеніи обЪѣздить точно тѣ земли, вЪ которыя теперь ѣду. ВЪ мысленномЪ путешествіи, выѣхавЪ изЪ Россіи, остановился я ночевать вЪ корчмѣ: и вЪ дѣйствительномЪ то же случилось. Но вЪ романѣ писалЪ я, что вечерЪ былЪ самой ненастной; что дождь не оставилЪ на мнѣ сухой нитки, и что вЪ корчмѣ надлежало мнѣ сушиться передЪ каминомЪ; а на дѣлѣ вечерЪ выдался самой тихой и ясной. Сей первой ночлегЪ былЪ нещастливЪ

для романа: боясь, чтобы ненастное время не продолжилось и не обезпокоило меня въ моемъ путешествіи, сжегъ я его въ печи, въ благословенномъ своемъ жилищѣ на Чистыхъ Прудахъ.—Я легъ на травѣ подъ деревомъ, вынулъ изъ кармана записную книжку, чернилицу и перо, и написалъ то, что вы теперь читали.

Между тѣмъ вышли на берегъ два Нѣмца, которые въ особливой кибиткѣ ѣдутъ съ нами до Кенигсберга; легли подлѣ меня на травѣ, закурили трубки, и отъ скуки начали бранить Руской народъ. Я, переставъ писать, хладнокровно спросилъ у нихъ, были ли они въ Россіи далѣе Риги? Нѣтъ, отвѣчали они. А когда такъ, государи мои, сказалъ я, то вы не можете судить о Руской націи, побывавъ только въ пограничномъ городѣ. Они не разсудили за благо спорить, но долго не хотѣли признать ме-

ня Рускимъ, воображая, что мы не умѣемъ говорить иностранными языками. Разговоръ продолжался. Одинъ изъ нихъ сказалъ мнѣ, что онъ имѣлъ щастіе быть въ Голландіи, и скопилъ тамъ много полезныхъ знаній. „Кто хочетъ узнать свѣтъ, говорилъ онъ, тому надобно ѣхать въ Роттердамъ. Тамъ-то живутъ славно, и всѣ гуляютъ на шлюпкахъ! Нигдѣ не увидишь того, что тамъ увидишь. Повѣрьте мнѣ, государь мой, что въ Роттердамѣ я сдѣлался человѣкомъ!" — Хорошъ гусь! думалъ я — и пожелалъ имъ добраго вечера.

Поланга, $\frac{3}{14}$ Іюня 1789.

Наконецъ, проѣхавъ Курляндіею болѣе двухъ сотъ верстъ, въѣхали мы въ Польскія границы, и остановились ночевать въ Соганой кор-

чмѣ. Въ день переѣзжаемъ обыкновенно десять миль, или верстъ семдесятъ. Въ корчмахъ находили мы по сіе время что пить и ѣсть: супъ, жареное съ салатомъ, яицы; и за это платили мы не болѣе, какъ копѣекъ по двадцати съ человѣка. Есть вездѣ кофе и чай; правда, что все не очень хорошо. — Дорога довольно пуста. Кромѣ фурмановъ, которые намъ раза три попадались, и старомодныхъ берлиновъ, въ которыхъ Курляндскіе дворяне ѣздятъ другъ къ другу въ гости, не встрѣчались намъ никакіе проѣзжіе. Впрочемъ дорога не скучна; вездѣ видишь плодоносную землю, луга, рощи; тамъ и сямъ маленькія деревеньки, или врозь разсѣянные крестьянскіе домики.

Съ Французскимъ Италіянцомъ мы ладимъ. Къ Француженкѣ у меня не лежитъ сердце, для того что ея физіогномія и ухватки

мнѣ не нравится. Впрочемъ можно ее похвалить за опрятность. Лишь только остановимся, извощикъ нашъ Гаврила, котораго она зоветъ Габріелемъ, долженъ нести за нею въ горницу уборной ларчикъ ея, и по крайней мѣрѣ часъ она помадится, пудрится, притирается, такъ что всегда надобно ее дожидаться къ обѣду. Долго совѣтовались мы, сажать ли съ собою за столъ Нѣмцовъ. Мнѣ поручено было узнать ихъ состояніе. Открылось, что они купцы. Всѣ сомнѣнія исчезли, и съ того времени они съ нами обѣдаютъ; а какъ Италіянецъ съ Француженкою не разумѣютъ по Нѣмецки, а они по Французски, то я долженъ служить имъ переводчикомъ. Нѣмецъ, которой въ Роттердамѣ сталъ человѣкомъ, увѣрялъ меня, что онъ прежде совершенно зналъ Французской языкъ, и забылъ его весьма недавно; а чтобы еще бо-

лѣе увѣрить въ этомъ меня и товарища своего, то при всякомъ поклонѣ Француженкѣ говоритъ онъ: *оплише, Мадамъ!* obligé, Madame!

На Польской границѣ осмотръ былъ не строгой. Я далъ приставамъ копѣекъ сорокъ; послѣ чего они только заглянули въ мой чемоданъ, вѣря, что у меня нѣтъ ничего новаго.

Море отъ корчмы не далѣе двухъ сотъ саженъ. Я около часа сидѣлъ на берегу, и смотрѣлъ на пространство волнующихся водъ. Видъ величественной и унылой! Напрасно глаза мои искали корабля или лодки! Рыбакъ не смѣлъ показаться на морѣ; порывистой вѣтръ опрокинулъ бы челнъ его.— Завтра будемъ обѣдать въ Мемелѣ, откуда отправлю къ вамъ это письмо, друзья мои!

Мемель, 15 Іюня, 1789.

Я ожидалъ, что при въѣздѣ въ Пруссію на самой границѣ насъ остановятъ; однакожъ этова не случилось. Мы пріѣхали въ Мемель въ одиннадцатомъ часу, остановились въ трактирѣ — и дали нѣсколько грошей осмотрщикамъ, чтобы они не перерывали нашихъ вещей.

Городъ не великъ; есть каменныя строенія, но мало порядочныхъ. Цитадель очень крѣпка; однакожъ наши Рускіе умѣли взять ее въ 57 году.

Мемель можно назвать хорошимъ торговымъ городомъ. Курляндской Гафъ, на которомъ онъ лежитъ, очень глубокъ. Пристань наполнена разными судами, которыя грузятъ по большой части пенькою и лѣсомъ для отправленія въ Англію и Голландію.

Изъ Мемеля въ Кенигсбергъ три пути; по берегу Гафа считается

до Кенигсберга 18 миль, а черезъ Тилзитъ 30: большая розница! Но извощики всегда почти избираютъ сей послѣдній путь, жалѣя своихъ лошадей, которыхъ весьма утомляютъ ужасные пески набережной дороги. Всѣ они берутъ здѣсь билеты, платя за каждую лошадь и за каждую милю до Кенигсберга. Нашъ Габріель заплатилъ три талера, сказавъ, что онъ поѣдетъ берегомъ. Мы же въ самомъ дѣлѣ ѣдемъ черезъ Тильзитъ; но Руской человѣкъ смекнулъ, что за 30 миль взяли бы съ него болѣе, нежели за 18! Третій путь водою черезъ Гафъ, самой кратчайшій въ хорошую погоду, такъ что въ семь часовъ можно быть въ Кенигсбергѣ. Нѣмцы наши, которые наняли извощика только до Мемеля, ѣдутъ водою: что имъ обоимъ будетъ стоить только два червонца. Габріель уговаривалъ и насъ съ Италіянцомъ—

съ которымъ обыкновенно говоритъ онъ или знаками, или черезъ меня — ѣхать съ ними же: что было бы для него весьма выгодно; но мы предпочли покойное и вѣрное безпокойному и невѣрному, а въ случаѣ бури и опасному.

За обѣдомъ ѣли мы живую, вкусную рыбу, которою Мемель изобилуетъ; а какъ намъ сказали, что Пруския корчмы очень бѣдны, то мы запаслись здѣсь хорошимъ хлѣбомъ и виномъ.

Теперь, милые друзья, время отнести письмо на почту; у насъ лошадей впрягаютъ.

Что принадлежитъ до моего сердца.... благодарю судьбѣ! оно стало повеселѣе. То думаю о васъ, моихъ милыхъ — но не съ такою уже горестію, какъ прежде — то даю волю глазамъ своимъ бродить по лугамъ и полямъ, ничего не думая; то воображаю себѣ будущее, и почти всегда въ пріятныхъ

видахъ. — Простите! Будьте здоровы, спокойны, и воображайте себѣ странствующаго друга вашего *рыцаремъ веселаго образа!* —

Корчма, въ милѣ за Тильзитомъ, 17 Іюня 1789, 11 часовъ ночи.

Все вокругъ меня спитъ. Я и самъ было-легъ на постелю; но около часа напрасно ожидавъ сна, рѣшился встать, засвѣтить свѣчу и написать нѣсколько строкъ къ вамъ, друзья мои.

Я радъ, что изъ Мемеля не согласился ѣхать водою. Мѣста, черезъ которыя мы проѣзжали, очень пріятны. То обширныя поля съ прекраснымъ хлѣбомъ, то зеленые луга, то маленькія рощицы и кусты, какъ будто бы въ искусственной симметріи расположенные, представлялись глазамъ нашимъ. Маленькія деревеньки вдали

составляли также пріятной видЪ, Qu'il est beau, ce pays-ci! твердили мы сЪ ИталіянцомЪ.

Вообще, кажется, земля вЪ Пруссіи еще лучше обработана, нежели вЪ Курляндіи, и вЪ хорошіе годы во всей здѣшней сторонѣ хлѣбЪ бываетЪ очень дешевЪ; но вЪ прошедшій годЪ урожай былЪ такЪ худЪ, что Правительству надлежало довольствовать народЪ хлѣбомЪ изЪ заведенныхЪ магазиновЪ. Пять, шесть лѣтЪ хлѣбЪ родится хорошо; вЪ седьмой годЪ худо, и поселянину ѣсть не чего — отЪ того, что онЪ всегда излишно надѣется на будущее лѣто, не представляя себѣ ни засухи, ни града, и продаетЪ все сверьхЪ необходимаго.— ТильзитЪ есть весьма изрядно выстроенной городокЪ и лежитЪ среди самыхЪ плодоноснѣйшихЪ долинЪ на рѣкѣ Мемелѣ. ОнЪ производитЪ знат-

ной торгъ хлѣбомъ и лѣсомъ, отправляя все водою въ Кенигсбергъ.

Насъ остановили у городскихъ воротъ, гдѣ стояли на караулѣ не солдаты, а граждане: для того, что полки, составляющіе здѣшній гарнизонъ, не возвратились еще со смотру. Толстой часовой, у котораго подъ брюхомъ мошалась маленькая шпаженка, поднявъ на плечо изломанное и веревками связанное ружье, съ гордымъ видомъ сдѣлалъ три шага впередъ и престрашнымъ голосомъ закричалъ мнѣ: Wer sind Sie? *Кто вы?* Будучи занятъ разсматриваніемъ его необыкновенной физіогноміи и фигуры, не могъ я тотчасъ отвѣчать ему. Онъ надулся, искривилъ гла а и закричалъ еще страшнѣйшимъ голосомъ: Wer seyd ihr? гораздо уже неучтивѣе! Нѣсколько разъ надлежало мнѣ сказывать свою фамилію, и при вся-

комъ разъ шаталъ онъ головою, дивясь чудному Рускому имени. Съ Италіянцомъ исторія была еще длиннѣе. Напрасно отзывался онъ незнаніемъ Нѣмецкаго языка: толстобрюхой часовой непремѣнно хотѣлъ, чтобъ онъ отвѣчалъ на всѣ его вопросы, вѣроятно съ великимъ трудомъ наизусть вытверженные. Наконецъ я былъ призванъ на помощь, и насилу добились мы до того, чтобы насъ пропустили. — Въ городѣ показывали мнѣ башню, въ разныхъ мѣстахъ прострѣленную Рускими ядрами.

Въ Прусскихъ корчмахъ не находимъ мы ни мяса, ни хорошаго хлѣба. Француженка дѣлаетъ намъ des oeufs au lait, или Рускую яишницу, которая съ молошнымъ супомъ и салатомъ составляетъ нашъ обѣдъ и ужинъ. За то мы съ Италіянцомъ пьемъ въ день чашекъ по десяти кофе, которое вездѣ находили.

Лишь только расположились мы вЪ корчмѢ, гдѢ теперь ночуемЪ, услышали лошадиной топотЪ, и черезЪ полминуты вошелЪ человѢкЪ вЪ темномЪ фракѢ, вЪ пребольшой шляпѢ и сЪ длинымЪ хлыстомЪ; подошелЪ кЪ столу, взглянулЪ на насЪ — на Француженку, занятую вечернимЪ туалетомЪ; на Италіянца, разсматривавшаго мою дорожную ландкарту, и на меня, пившаго чай — скинулЪ шляпу, пожелалЪ намЪ добраго вечера, и оборотясь кЪ хозяйкѢ, которая лишь только показала лобЪ изЪ другой горницы, сказалЪ: „Здравствуй, Лиза! КакЪ поживаешь?"

Лиза (сухая женщина лѢтЪ вЪ тридцать). А, ГосподинЪ ПоручикЪ! Добро пожаловать! Откуда? откуда?

Поручикъ. ИзЪ города, Лиза. БаронЪ ФонЪ М** писалЪ ко мнѢ, что у нихЪ Комедіанты. „ПріѢз-

жай, брашъ, пріѣзжай! Шалуны повеселятъ насъ за наши грошн!" Чортъ меня возьми! Естьли бы я зналъ, что за твари эти Комедіанты, не изъ чего бы не поѣхалъ.

Лиза. И, ваше благородіе! Развѣ вы не жалуете Комедіи?

Поручикъ. О! я люблю все, что забавно, и переплатилъ въ жизнь свою довольно полновѣсныхъ талеровъ за Доктора Фауста съ Гансъ Вурстомъ (*).

(*) Докторъ Фаустъ, по суевѣрному народному преданію, есть великой колдунъ, и по сіе время бываетъ обыкновенно героемъ глупыхъ піесъ, играемыхъ въ деревняхъ или въ городахъ на площадныхъ Театрахъ *странствующими* Актерами. Въ самомъ же дѣлѣ Іоаннъ Фаустъ жилъ, какъ честной гражданинъ, во Франкфуртѣ на Майнѣ, около средины пятаго-надесять вѣка; и когда Гуттенбергъ, Майнцской уроженецъ, изобрѣлъ печатаніе книгъ, Фаустъ

Лиза. Гансъ Вурстъ очень смѣшенъ, сказываютъ.— А что играли Комедіанты, Господинъ Поручикъ?

Порутчикъ. Комедію, въ которой не было ничего смѣшнаго. Иной кричалъ, другой кривлялся,

вмѣстѣ съ нимъ пользовался выгодами сего изобрѣтенія. По смерти Гуттенберговой Фаустъ взялъ себѣ въ помощники своего писаря, Петра Шонффера, которой искусство книгопечатанія довелъ до такого совершенства, что первыя вышедшія книги привели людей въ изумленіе; и какъ простолюдины того вѣка приписывали дѣйствію сверьхъ-естественныхъ силъ все то, чего они изъяснить не умѣли, то Фаустъ провозглашенъ былъ сообщникомъ дьявольскимъ, которымъ онъ слыветъ и понынѣ между чернію и въ сказкахъ.—А Гансъ Вурстъ значитъ на площадныхъ Нѣмецкихъ Театрахъ то же, что у Италіянцовъ Арлекинъ.

третій таращилъ глаза, а путнаго ничего не вышло.

Лиза. Много было въ Комедіи, Господинъ Порутчикъ?

Порутчикъ. Развѣ мало дураковъ въ Тильзитѣ?

Лиза. Господинъ Бургомистръ съ сожительницею изволилъ ли быть тамъ?

Порутчикъ. Развѣ онъ изъ послѣднихъ? Толстобрюхой дуракъ зѣвалъ, а чванная супруга его безпрестанно терла себѣ глаза платкомъ, какъ будто бы попалъ въ нихъ табакъ, и толкала его подъ бокъ, чтобы онъ не заснулъ и перестаалъ пялить ротъ.

Лиза. То-то насмѣшникъ!

Порутчикъ. (садясь и кладя свою шляпу на столъ подлѣ моего чайника). Um Vergebung, mein Herr! Простите, государь мой!—Я усталъ, Лиза. Дай мнѣ кружку пива. Слышишь ли?

Лиза. Тотчасъ, Господинъ Порутчикъ.

Порутчикъ (вошедшему слугѣ своему). Каспаръ! набей мнѣ трубку.— (оборотившись къ Француженкѣ). Осмѣлюсь спросить съ моимъ почтеніемъ, жалуете ли вы табакъ?

Француженка. Monsieur!—Qu'est ce qu'il demande, Mr. Nicolas? (Такъ она меня называетъ).

Я. S'il peut fumer?— Курите, курите, Г. Порутчикъ. Я вамъ за нее отвѣчаю.

Француженка. Dites qu'oui.

Порутчикъ. А! Мадамъ не говоритъ по-Нѣмецки. Жалѣю, весьма жалѣю, Мадамъ.— Откуда ѣдете, естьли смѣю спросить, государь мой?

Я. Изъ Петербурга, Господинъ Порутчикъ.

Порутчикъ. Радуюсь, радуюсь, государь мой. Что слышно о Шведахъ, о Туркахъ?

Я. Старая пѣсня, Г. Поручикъ: и тѣ и другіе бѣгаютъ отъ Руских.

Порутчикъ. Чортъ меня возьми! Руские стоятъ крѣпко. — Скажу вамъ по пріязни, государь мой, что естьли бы Король мой не отговорилъ мнѣ, то давно бы я былъ не послѣднимъ Штабъ-Офицеромъ въ Руской службѣ. У меня вездѣ не безъ друзей. На примѣръ, племянникъ мой служитъ старшимъ Адъютантомъ у Князя Потемкина. Онъ ко мнѣ обо всемъ пишетъ. Постойте—я покажу вамъ письмо его. Чортъ меня возьми! я забылъ его дома. Онъ описываетъ мнѣ взятье Очакова. Пятнадцать тысячь легло на мѣстѣ, государь мой, пятнадцать тысячь!

Я. Не правда, Г. Порутчикъ.

Порутчикъ. Не правда? (съ насмѣшкою) Вы конечно сами тамъ были?

Я. Хоть и не былъ, однако жь знаю, что Турковъ убито около 8000, а Рускихъ 1500.

Порутчикъ. О! я не люблю спорить, государь мой; а что знаю, то знаю. (Принимаясь за кружку, которую между тѣмъ принесла ему хозяйка) Разумѣете ли, государь мой?

Я. Какъ вамъ угодно, Г. Порутчикъ.

Порутчикъ. Ваше здоровье, государь мой! — Ваше здоровье, Мадамъ! — (Италiянцу) Ваше здоровье! — Пиво изрядно, Лиза. — Послушайте, государь мой! — Теперь вы называете меня Господиномъ Порутчикомъ: для чего?

Я. Для того, что хозяйка васъ такъ называетъ.

Порутчикъ. Скажите, отъ того, что я (надѣвъ шляпу) поклонился моему Королю — и безвременно пошелъ въ отставку. А то теперь говорили бы вы мнѣ (приподнявъ

шляпу): „Господинъ Маіоръ, здравствуйте!“ (Допивая кружку) Разумѣете ли? Чортъ меня возьми, естьли я не по уши влюбился въ свою Анюту! Правда, что она была какъ розовая пышка. И теперь еще не худа, государь мой, даромъ что уже четверыхъ принесла мнѣ. — Лиза! скажи, какова моя Анюта?

Лиза. И, Г. Порутчикъ! какъ будто вы сами этова не знаете! — Чего говорить, что пригожа! — Скажу вамъ смѣхъ, Г. Порутчикъ. Какъ вы на святой недѣлѣ вечеромъ проѣхали въ городъ, ночевалъ у меня молодой господинъ изъ Кенигсберга — правду сказать, баринъ доброй, и заплатилъ мнѣ честно за всякую бездѣлку. Кушать онъ много не спрашивалъ — —

Порутчикъ. Ну гдѣ же смѣхъ, Лиза?

Лиза. Такъ этотъ доброй господинъ стоялъ на крыльцѣ, и уви-

дѣлъ Госпожу Порутчицу, которая сидѣла въ коляскѣ на правой сторонѣ—такъ ли, Господинъ Порутчикъ?

Порутчикъ. Ну что же онъ сказалъ?

Лиза. То-то баба! сказалъ онъ — ха! ха! ха!

Порутчикъ. Видно, онъ не глупъ былъ — ха! ха! ха!

Я. И такъ любовь заставила васъ итти въ отставку, Г. Порутчикъ?

Порутчикъ. Проклятая любовь, государь мой. — Каспаръ, трубку! — Правда, я надѣялся на хорошее приданое. Мнѣ сказали, что у старика фонъ Т* золотыя горы. Дѣвка добра, думалъ я: дай женимся! Старикъ радъ былъ выдать за меня дочь свою; только она никакъ не хотѣла итти за служиваго. „Мамзель Анюта! сказалъ я: люблю тебя какъ душу; только люблю и службу Королев-

скую." На миленькихъ ея глазенкахъ навернулись слезы. Я топнулъ ногою, и — пошелъ въ отставку. Что же вышло? На другой день послѣ свадьбы любезной мой шестюшка, вмѣсто золотыхъ горъ, наградилъ меня тремя сотнями талеровъ. Вотъ тебѣ приданое! — Дѣлать было не чего, государь мой. Я поговорилъ съ нимъ крупно, а послѣ за бутылкою стараго Рейнскаго вина заключилъ вѣчной миръ. Правду сказать, старикъ былъ добросердеченъ — помяни Богъ его душу! Мы жили дружно. Онъ умеръ на рукахъ моихъ, и оставилъ намъ въ наслѣдство дворянской домъ. —

Но перервемъ разговоръ, которой занялъ уже слишкомъ двѣ страницы, и начинаетъ утомлять серебряное перо мое (*). Словоохотной Поручикъ до десяти ча-

(*) Всѣ свои замѣчанія писалъ я въ дорогѣ серебрянымъ перомъ.

совъ наговорилъ съ три короба, которыхъ я, жалѣя Габріелевыхъ лошадей, не возьму съ собою. Между прочимъ, услышавъ, что я изъ Кенигсберга поѣду въ публичной коляскѣ, совѣтовалъ мнѣ 1) занять мѣсто въ срединѣ, и 2) естьли будутъ со мной дамы, потчивать ихъ во всю дорогу чаемъ и кофе. Въ заключеніе желалъ, чтобы я путешествовалъ съ пользою, такъ какъ извѣстной Баронъ Тренкъ, съ которымъ онъ будто бы очень друженъ. — Господинъ Поручикъ, всунувъ свою трубку въ сапогъ, сѣлъ на коня и пустился во всю прыть, закричавъ мнѣ: *щастливой путь, государь мой!*

Чего не напишешь въ минуты безсонницы! — Простите до Кенигсберга! —

Кенигсбергъ, Іюня 19, 1789.

Вчера, въ семь часовъ утра, пріѣхалъ я сюда, любезные друзья мои, и сталъ, вмѣстѣ съ своимъ сопутникомъ, въ трактирѣ у Шенка.

Кенигсбергъ, столица Пруссіи, есть одинъ изъ большихъ городовъ въ Европѣ, будучи въ окружности около пятнадцати верстъ. Нѣкогда былъ онъ въ числѣ славныхъ *Ганзейскихъ* городовъ. И нынѣ коммерція его довольно важна. Рѣка Прегель, на которой онъ лежитъ, хотя не ширѣ 150 или 160 футовъ, однакожъ такъ глубока, что большія купеческія суда могутъ ходить по ней. Домовъ считается около 4000, а жителей 40000 — какъ мало по величинѣ города! Но теперь онъ кажется многолюднымъ, потому что множество людей собралось сюда на ярмонку, которая начнется съ завтрашняго дня. Я видѣлъ довольно хорошихъ домовъ, но не видалъ такихъ

огромныхъ, какъ въ Москвѣ или въ Петербургѣ, хотя вообще Кенигсбергъ выстроенъ едва ли не лучше Москвы.

Здѣшній гарнизонъ такъ многочисленъ, что вездѣ попадаются въ глаза мундиры. Не скажу, чтобы Прусскіе солдаты были одѣты лучше нашихъ; а особливо не нравятся мнѣ ихъ двуугольныя шляпы. Что принадлежитъ до Офицеровъ, то они очень опрятны, а жалованья получаютъ, выключая Капитановъ, малымъ чѣмъ болѣе нашихъ. Я слыхалъ, будто въ Прусской службѣ нѣтъ такихъ молодыхъ Офицеровъ, какъ у насъ; однакожъ видѣлъ здѣсь по крайней мѣрѣ десять пятнадцатилѣтнихъ. Мундиры синіе, голубые и зеленые съ красными, бѣлыми и оранжевыми отворотами.

Вчера обѣдалъ я за общимъ столомъ, гдѣ было старыхъ Маіоровъ, толстыхъ Капитановъ, осани-

стыхъ Порутчиковъ, безбородыхъ Подпорутчиковъ и Прапорщиковъ человѣкъ съ тридцать. Содержаніемъ громкихъ разговоровъ былъ прошедшій смотръ. Офицерскія шутки также со всѣхъ сторонъ сыпались. На примѣръ: „Что за причина, Г. Ритмейстеръ, что у васъ нынѣ и днемъ окна закрыты? Конечно вы не письмомъ занимаетесь? ха! ха! ха!" — „То-то фонъ Кребсъ! Все знаетъ что у меня дѣлается!" — и проч. и проч. Однакожъ они учтивы. Лишь только наша Француженка показалась, всѣ встали, и за обѣдомъ служили ей съ великимъ усердіемъ. — Какъ бы то ни было, только въ другой разъ разсудилъ я за благо обѣдать одинъ въ своей комнатѣ, растворивъ окна въ садъ, откуда лились въ мой Нѣмецкой супъ ароматическія испаренія сочной зелени.

Вчерась же послѣ обѣда былъ я у славнаго Канта, глубокомыслен-

наго, тонкаго Метафизика, которой опровергаетъ и Малебранша и Лейбница, и Юма и Боннета — Канта, котораго Іудейской Сократъ, покойной Мендельзонъ, иначе не называлъ, какъ der alles zermalmende Kant, т. е. *все сокрушающій Кантъ*. Я не имѣлъ къ нему писемъ; но смѣлость города беретъ — и мнѣ отворились двери въ кабинетъ его. Меня встрѣтилъ маленькой, худенькой старичекъ, отмѣнно бѣлой и нѣжной. Первыя слова мои были: „Я Руской дворянинъ, люблю великихъ мужей, и желаю изъявить мое почтеніе Канту.“ Онъ тотчасъ попросилъ меня сѣсть, говоря: „Я писалъ такое, что не можетъ нравиться всѣмъ; не многіе любятъ метафизическія тонкости.“ Съ полчаса говорили мы о разныхъ вещахъ: о путешествіяхъ, о Китаѣ, объ открытіи новыхъ земель. Надобно было удивляться его историческимъ и гео-

графическимъ знаніямъ, которыя, казалось, могли бы одни загромоздить магазинъ человѣческой памяти; но это у него, какъ Нѣмцы говорятъ, *дѣло постороннее*. Потомъ я, не безъ скачка, обратилъ разговоръ на моральную натуру человѣка; и вотъ что могъ удержать въ памяти изъ его разсужденій:

„Дѣятельность есть наше опредѣленіе. Человѣкъ не можетъ быть никогда совершенно доволенъ обладаемымъ, и стремится всегда къ пріобрѣтеніямъ. Смерть застаетъ насъ на пути къ чему нибудь, что мы еще имѣть хотимъ. Дай человѣку все, чего желаетъ; но онъ въ ту же минуту почувствуетъ, что это *все* не есть *все*. Не видя цѣли или конца стремленія нашего въ здѣшней жизни, полагаемъ мы будущую, гдѣ узлу надобно развязаться. Сія мысль тѣмъ пріятнѣе для человѣка, что здѣсь нѣтъ никакой соразмѣрности меж-

ду радостями и горестями, между наслажденіемъ и страданіемъ. Я утѣшаюсь тѣмъ, что мнѣ уже шестьдесятъ лѣтъ, и что скоро придетъ конецъ жизни моей: ибо надѣюсь вступить въ другую, лучшую. Помышляя о тѣхъ услажденіяхъ, которыя имѣлъ я въ жизни, не чувствую теперь удовольствія; но представляя себѣ тѣ случаи, гдѣ дѣйствовалъ сообразно съ *моральнымъ закономъ*, начертаннымъ у меня въ сердцѣ, радуюсь. Говорю о *моральномъ законѣ*: назовемъ его совѣстію, чувствомъ добра и зла — но онъ *есть*. Я солгалъ; никто не знаетъ лжи моей, но мнѣ стыдно. — Вѣроятность не есть очевидность, когда мы говоримъ о будущей жизни; но, сообразивъ все, разсудокъ велитъ намъ вѣрить ей. Да и что бы съ нами было, когда бы мы, такъ сказать, *глазами увидѣли ее?* Естьли бы она намъ очень полюбилась, мы бы

не могли уже заниматься нынѣшнею жизнію и были въ безпрестанномъ томленіи; а въ противномъ случаѣ не имѣли бы утѣшенія сказать себѣ въ горестяхъ здѣшней жизни: *авось тамъ будетъ лучше!* — Но говоря о нашемъ опредѣленіи, о жизни будущей и пр., предполагаемъ уже мы бытіе ВСЕВѢЧНАГО ТВОРЧЕСКАГО РАЗУМА, все для чего нибудь, и все благо творящаго. Что? Какъ? . . . Но здѣсь первой мудрецъ признается въ своемъ невѣжествѣ. Здѣсь разумъ погашаетъ свѣтильникъ свой, и мы во тьмѣ остаемся; одна фантазія можетъ носиться во тьмѣ сей и творить несобытное." — Почтенной мужъ! прости, естьли въ сихъ строкахъ обезобразилъ я мысли твои!

Онъ знаетъ Лафатера, и переписывался съ нимъ. „Лафатеръ весьма любезенъ по добротѣ сво-

его сердца, говоритъ онъ: но имѣя чрезмѣрно живое воображеніе, часто ослѣпляется мечтами, вѣритъ магнетизму," и пр.—Коснулись до его непріятелей. „Вы ихъ узнаете, сказалъ онъ, и увидите, что они всѣ добрыя люди."

Онъ записалъ мнѣ титулы двухъ своихъ сочиненій, которыхъ я не читалъ: Kritik der practischen Vernunft и Metaphysik der Sitten— и сію записку буду хранить какъ священной памятникъ.

Вписавъ въ свою карманную книжку мое имя, пожелалъ онъ, чтобы рѣшились всѣ мои сомнѣнія; потомъ мы съ нимъ разстались.

Вотъ вамъ, друзья мои, краткое описаніе весьма интересной для меня бесѣды, которая продолжалась около трехъ часовъ.— Кантъ говоритъ скоро, весьма тихо и не вразумительно; и потому надлежало мнѣ слушать его съ напряженіемъ всѣхъ нервъ слуха.

Домикъ у него маленькой, и внутри приборовъ не много. Все просто, кромѣ.... его Метафизики.

Здѣшняя каѳедральная церковь огромна. Съ великимъ примѣчаніемъ разсматривалъ я тамъ древнее оружіе, латы и шишакъ благочестивѣйшаго изъ Маргграфовъ Бранденбургскихъ и храбрѣйшаго изъ рыцарей своего времени. Гдѣ вы—думалъ я—гдѣ вы, мрачные вѣки, вѣки варварства и героизма? Блѣдныя тѣни ваши ужасаютъ робкое просвѣщеніе нашихъ дней. Одни сыны вдохновенія дерзаютъ вызывать ихъ изъ бездны минувшаго—подобно Улиссу, зовущему тѣни друзей своихъ изъ мрачныхъ жилищъ смерти—чтобы въ унылыхъ пѣсняхъ своихъ сохранять память чудеснаго измѣненія народовъ. — Я мечталъ около часа, прислонясь къ столбу.—На стѣнѣ изображена Маргграфова бере-

менная супруга, которая, забывая свое состояніе, бросается на колѣни и съ сердечнымъ усердіемъ молитъ Небо о сохраненіи жизни Героя, идущаго побѣждать враговъ. Жаль, что здѣсь искусство не соотвѣтствуетъ трогательности предмета!—Тамъ же видно множество разноцвѣтныхъ знаменъ, трофеевъ Маргграфовыхъ.

Французъ, наемной лакей, провожавшій меня, увѣрялъ, что оттуда есть подземной ходъ за городъ въ старую церковь, до которой будетъ около двухъ миль, и показывалъ мнѣ маленькую дверь съ лѣстницею, которая ведетъ подъ землю. Правда ли это или нѣтъ, не знаю; но знаю то, что въ средніе вѣки на всякой случай прокапывали такіе ходы, чтобы сохранять богатство и жизнь отъ руки сильнаго.

Вчера ввечеру простился я съ

своимъ товарищемъ, Господиномъ Ф***, котораго пріязни не забуду никогда. Не знаю, какъ ему, а мнѣ грустно было съ нимъ разставаться. Онъ съ Француженкою поѣхалъ въ Берлинъ, гдѣ можетъ быть еще увижу его.

Нынѣ былъ я у нашего Консула, Господина И,*** которой принялъ меня ласково. Онъ разсказывалъ мнѣ много кое-чего, что я съ удовольствіемъ слушалъ; и хотя уже давно живетъ въ Нѣмецкомъ городѣ, и весьма хорошо говоритъ по Нѣмецки, однако же ни мало не *обгерманился*, и сохранилъ въ цѣлости Руской характеръ. Онъ далъ мнѣ письмо къ Почтмейстеру, въ которомъ просилъ его отвести мнѣ лучшее мѣсто въ почтовой коляскѣ.

Вчера судьба познакомила меня съ однимъ молодымъ Французомъ, которой называетъ себя искуснымъ зубнымъ лекаремъ. Узнавъ,

что въ трактиръ къ Шенку пріѣхали иностранцы—ему сказали, Французы—явился онъ къ Господину Ф*** съ ношею комплиментовъ. Я тутъ былъ—и такъ мы познакомились. „Въ Парижѣ есть мнѣ равные въ искусствѣ, сказалъ онъ: для того не хотѣлъ я тамъ остаться, поѣхалъ въ Берлинъ, перелечилъ, перечистилъ Нѣмецкіе зубы; но я имѣлъ дѣло съ великими скрягами, и для того—уѣхалъ изъ Берлина. Теперь ѣду въ Варшаву. Польскіе господа, слышно, умѣютъ цѣнить достоинства и таланты: попробуемъ, полечимъ, почистимъ! А тамъ отправлюсь въ Москву — въ ваше отечество, государь мой, гдѣ конечно найду умныхъ людей болѣе, нежели гдѣ нибудь.“—Нынѣ, когда я только-что управился съ своимъ обѣдомъ, пришелъ онъ ко мнѣ съ бумагами, и сказавъ, что узнаетъ людей съ перваго взгля-

да, и что имѣетъ уже ко мнѣ полную довѣренность, началъ читать мнѣ.... трактатъ о зубной болѣзни.

Между тѣмъ, какъ онъ читалъ, наемной лакей пришелъ сказать мнѣ, что въ другомъ трактирѣ, обо дворъ, остановился Руской курьеръ, Капитанъ Гвардіи. Allons le voir! сказалъ Французъ, спрятавъ въ карманъ свой трактатъ. Мы пошли вмѣстѣ — и вмѣсто Капитана нашелъ я Вахмистра конной Гвардіи, Господина * * *, молодаго любезнаго человѣка, которой ѣдетъ въ Копенгагенъ. Онъ еще въ первой разъ посланъ курьеромъ, и не знаетъ по-Нѣмецки, чему Прусскіе Офицеры, окружившіе насъ на крыльцѣ, весьма дивились. Въ самомъ дѣлѣ не удобно ѣздить по чужимъ землямъ, зная только одинъ Французской языкъ, которымъ не всѣ говорятъ. — Въ то время, какъ мы

разговаривали, одинъ изъ стоявшихъ на крыльцѣ получилъ письмо изъ Берлина, въ которомъ пишутъ къ нему, что близъ сей столицы разбили почту, зарѣзали постилліона и отняли нѣсколько тысячь талеровъ: непріятная вѣсть для тѣхъ, которые туда ѣдутъ!—Я пожелалъ земляку своему щастливаго пути.

Въ старинномъ замкѣ, или во дворцѣ, построенномъ на возвышеніи, осматриваютъ путешественники цейггаузъ и библіотеку, въ которой вы найдете нѣсколько фоліантовъ и квартантовъ, окованныхъ серебромъ. Тамъ же есть такъ называемая *Московитская зала*, длиною въ 166 шаговъ, а шириною въ 30, которой сводъ сведенъ безъ столбовъ, и гдѣ показываютъ старинной осьмиугольной столъ, цѣною въ 40000 талеровъ. Для чего сія зала назы-

вается Московитскою, не могЪ узнать. ОдинЪ сказалЪ, будто для того, что тутЪ нѣкогда сидѣли Рускіе плѣнники; но это не очень вѣроятно.

Здѣсь есть изрядные сады, гдѣ можно сЪ удовольствіемЪ прогуливаться. ВЪ большихЪ городахЪ весьма нужны народныя гульбища. РемесленникЪ, художникЪ, ученый отдыхаетЪ на чистомЪ воздухѣ по окончаніи своей работы, не имѣя нужды итти за городЪ. КЪ тому же испаренія садовЪ освѣжаютЪ и чистятЪ воздухЪ, которой вЪ большихЪ городахЪ всегда бываетЪ наполненЪ гнилыми частицами.

Ярманка начинается. Всѣ наряжаются вЪ лучшее свое платье, и толпа за толпою встрѣчается на улицахЪ. Гостей принимаютЪ на крыльцѣ, гдѣ подаютЪ чай и кофе.

Я уже отправилъ свой чемоданъ на почту. Ѣдущіе въ публичной коляскѣ могутъ имѣть 60 фунтовъ безъ платы; у меня менѣе шестидесяти.

Adieu! Землякъ мой Габріель, которой, говоря его словами, не нашелъ еще работы, пришелъ сказать мнѣ, что почтовая коляска скоро будетъ готова.

Я васъ люблю также, друзья мои, какъ и прежде; но разлука не такъ уже для меня горестна. Начинаю наслаждаться путешествіемъ. Иногда, думая о васъ, вздохну; но легкой вѣтерокъ струитъ воду, не возмущая свѣтлости ея. Таково сердце человѣческое; въ сію минуту благодарю Судьбу за то, что оно таково. — Будьте только благополучны, друзья мои, и никогда обо мнѣ не безпокойтесь! Въ Берлинѣ надѣюсь получить отъ васъ письмо.

Марїенбургъ, 21 Іюня, ночью.

Прусская, такъ называемая почтовая коляска совсѣмъ не похожа на коляску. Она есть ничто иное, какъ длинная покрытая фура съ двумя лавками, безъ ремней и безъ рессоръ. Я выбралъ себѣ мѣсто на передней лавкѣ. У меня было двое товарищей, Капитанъ и Подпорутчикъ, которые сѣли назади на чемоданахъ. Я думалъ, что мое мѣсто выгоднѣе; но послѣдствіе доказало, что выборъ ихъ былъ лучше моего. Слуга Капитанской и такъ называемой Ширмейстеръ, или проводникъ, сѣли къ намъ же въ коляску на другой лавкѣ. Печальныя мысли, которыми голова моя наполнилась при готическомъ видѣ нашего экипажа, скоро разсѣялись. Въ городѣ видѣлъ я вездѣ пріятную картину праздника — вездѣ веселящихся людей. Офицеры мои были весьма учтивы, и разговоръ, начавшійся между нами,

довольно занималъ меня. Мы говорили о Турецкой и Шведской войнѣ, и Капитанъ отъ добраго сердца хвалилъ храбрость нашихъ солдатъ, которые, по его мнѣнію, *едва ли* хуже Прусскихъ. Онъ разсказывалъ анекдоты послѣдней войны, которые всѣ относились къ чести Прусскихъ воиновъ. Ему крайне хотѣлось, чтобы Королю миръ наскучилъ. „Пора снова драться, говорилъ онъ: солдаты наши пролежали бока; намъ нужна экзерциція, экзерциція!" Миролюбивое мое сердце оскорбилось. Я вооружился противъ войны всѣмъ своимъ краснорѣчіемъ, описывая ужасность ея: стонъ, вопль нещастныхъ жертвъ, кровавою рѣкою на тотъ свѣтъ уносимыхъ; опустошеніе земель, тоску отцевъ и матерей, женъ и дѣтей, друзей и сродниковъ; сиротство Музъ, которыя скрываются во мракъ, подобно какъ въ бурное вре-

мя бѣдныя малиновки и синички по кустамъ прячутся, и пр. Немилостивой мой Капитанъ смѣялся и кричалъ: „Намъ нужна экзерциція, экзерциція!“ Наконецъ я примѣтилъ, что взялся за работу Данаидъ; замолчалъ и обратилъ все свое вниманіе на пріятныя окрестности дороги. Постильйонъ нашъ не жалѣлъ лошадей, и такимъ образомъ не примѣтно доѣхали мы до перемѣны, гдѣ только-что имѣли время отужинать на скорую руку.

Ночь была пріятна. Я нѣсколько разъ засыпалъ, но не надолго, и почувствовалъ выгоду, которую имѣли мои товарищи. Они могли лежать на чемоданахъ, а мнѣ надлежало дремать сидя. На разсвѣтѣ пріѣхали мы на другую станцію. Чтобы сколько нибудь ободриться послѣ безпокойной ночи, выпили мы съ Капитаномъ ча-

шекъ по̀ пяти кофе — что въ самомъ дѣлѣ меня оживило.

Мѣста пошли совсѣмъ не пріятныя, а дорога худая. Гейлигенбейль, маленькой городокъ въ семи миляхъ отъ Кенигсберга, приводитъ на мысль времена язычества. Тутъ возвышался нѣкогда величественной дубъ, безмолвной свидѣтель рожденія и смерти многихъ вѣковъ — дубъ, священной для древнихъ обитателей сей земли. Подъ мрачною его тѣнію обожали они идола Курхо, приносили ему жертвы, и славили его въ дикихъ своихъ гимнахъ. Вѣчное мерцаніе сего естественнаго храма и шумъ листьевъ наполнялъ сердца ужасомъ, въ которой жрецы язычества облекали Богопочитаніе. Такъ Друиды въ густотѣ лѣсовъ скрывали свою Религію; такъ гласъ Греческихъ Оракуловъ исходилъ изъ глубины мрака! — Нѣмецкіе Рыцари въ третьемъ-

надесять вѣкѣ, покоривъ мечемъ Пруссію, разрушили олтари язычества, и на ихъ развалинахъ воздвигнули храмъ Христіянства. Гордой дубъ, почтенной старецъ въ царствѣ растѣній, претыканіе бурь и вихрей, палъ подъ сокрушительною рукою побѣдителей, уничтожавшихъ всѣ памятники идолопоклонства: жертва невинная! — Суевѣрное преданіе говоритъ, что долгое время не могли срубить дуба; что всѣ топоры отскакивали отъ толстой коры его, какъ отъ жесткаго алмаза; но что наконецъ сыскался одинъ топоръ, которой разрушилъ очарованіе, и отдѣлилъ дерево отъ корня; и что въ память побѣдительной сѣкиры назвали сіе мѣсто Heiligenbeil, т. е. *сѣкира Святыхъ*. Нынѣ эта *сѣкира святыхъ* славится какимъ-то отмѣннымъ пивомъ и бѣлымъ хлѣбомъ.

Браунсбергъ, гдѣ мы обѣдали и

въ третій разъ перемѣняли лошадей, есть довольно многолюдной городокъ.

Здѣсь жилъ и умеръ Коперникъ, сказалъ мнѣ Капитанъ, когда мы проѣзжали черезъ одно маленькое мѣстечко. — „И такъ это Фрауенбергъ?“ — Точно.

Какъ же досадно было мнѣ, что я не могъ видѣть тѣхъ компанъ, въ которыхъ жилъ сей славной Математикъ и Астрономъ, и гдѣ онъ, по своимъ наблюденіямъ и вычетамъ, опредѣлилъ движеніе земли вокругъ ея оси и солнца — земли, которая, по мнѣнію его предшественниковъ, стояла неподвижно въ центрѣ Планетъ, и которую послѣ Тихо-де-Браге хотѣлъ-было опять остановить, но тщетно! — И такимъ образомъ Пиѳагоровы идеи, надъ которыми смѣялись Греки, вѣрившіе своимъ чувствамъ болѣе, нежели Философу, воскресли въ системѣ Нико-

лая Коперника! — Сей Астрономъ былъ щастливѣе Галилея: суевѣріе — хотя онъ жилъ еще подъ его скипетромъ — не заставило его клятвенно отрицаться отъ ученія истины. Коперникъ умеръ спокойно въ своемъ мирномъ жилищѣ, но Тихо-де-Браге долженъ былъ оставить свой философской замокъ и отечество. Науки, подобно Религіи, имѣли своихъ страдальцовъ. —

Передъ вечеромъ пріѣхали мы въ Эльбингъ, не большой, но торговой городъ, и весьма изрядно выстроенной, гдѣ стоятъ два или три полка. Почтѣ надлежало тутъ пробыть болѣе часа. Мы пошли въ трактиръ, гдѣ, кромѣ хозяина и гостей, все было довольно чисто. Выѣхавъ изъ Кенигсберга, еще не видалъ я порядочно одѣтаго человѣка. Двое играли въ билліардъ: одинъ въ зеленомъ кафтанѣ, дикомъ камзолѣ, и въ сальномъ па-

рикѣ, человѣкъ лѣтъ за сорокъ; а другой молодой человѣкъ въ пестромъ кургузомъ фракѣ; первый игралъ очень худо, и сердился; а другой хотѣлъ надъ нимъ шутить, смѣялся во все горло при каждомъ его промахѣ, поглядывалъ на насъ и въ зеркало, и оправлялъ безпрестанно свой толстой, запачканной галстухъ. Каррикатура за каррикатурою приходила въ трактиръ, и всякая каррикатура требовала пива и трубку. Мнѣ было очень скучно. Къ тому же я чувствовалъ сильное волненіе въ крови отъ кофе и отъ тряскаго движенія почтовой коляски.

Вышедши садиться, нашли мы у коляски молодаго Офицера и старую женщину, которые рекомендовались въ нашу благосклонность, и обьявили, что они ѣдутъ съ нами. Такимъ образомъ стало намъ гораздо тѣснѣе. Офицеры мои рады были новому товарищу,

съ которымъ могли они говорить о прошедшемъ смотрѣ. Женщина, родомъ изъ Шведской Провинціи, услышавъ, что я Руской, подняла руки къ небу и закричала: *Ахъ злодѣи! вы губите нашего бѣднаго Короля!* Офицеры смѣялись; и я смѣялся, хотя не совсѣмъ отъ добраго сердца.

Между тѣмъ прекрасной вечеръ настроилъ душу мою къ пріятнымъ впечатлѣніямъ. На обѣихъ сторонахъ дороги разстилались богатые луга; воздухъ былъ свѣжъ и чистъ; многочисленныя стада бленніемъ и ревомъ своимъ праздновали захожденіе солнца. Крестьянки доили коровъ, вдыхая въ себя цѣлебной паръ молока, которое составляетъ богатство всѣхъ тамошнихъ деревень. Жители принадлежатъ, естьли не ошибаюсь, къ сектѣ Перекрестителей, Wiedertäufer. Хвалятъ ихъ нравы, миролюбіе и честность. Рука ихъ

не подымается на ближняго. Кровь человѣческая, говорятъ они, вопіетъ на небо. — Тишина наступившей ночи сомкнула глаза мои.

Теперь мы въ Маріенбургѣ, гдѣ я имѣлъ время написать къ вамъ столько страницъ. Сей городъ достоинъ примѣчанія только тѣмъ, что древній его замокъ былъ нѣкогда столицею Великихъ Мастеровъ Нѣмецкихъ Рыцарей. — Отъ старой женщины, моей непріятельницы, мы здѣсь освободились; но мѣсто ея займетъ высокой Офицеръ, которой теперь сидитъ подлѣ меня, дожидаясь отправленія почты. — Разсвѣтало. Простите! Изъ Данцига надѣюсь еще что нибудь приписать.

Данцигъ, 22 Іюня, 1789.

Проѣхавъ черезъ предмѣстіе Данцига, остановились мы въ Прус-

скомъ мѣстечкѣ Штоценбергѣ, лежащемъ на высокой горѣ сего имени. Данцигъ у насъ подъ ногами какъ на блюдечкѣ, такъ что можно считать кровли. Сей прекрасно-выстроенной городъ, море, гавань, корабли въ пристани и другіе, разсѣянные по волнующемуся, необозримому пространству водъ—все сіе вмѣстѣ образуетъ такую картину, любезнѣйшіе друзья мои, какой я еще не видывалъ въ жизни своей, и на которую смотрѣлъ два часа въ безмолвіи, въ глубокой тишинѣ, въ сладостномъ забвеніи самого себя.

Но блескъ сего города померкъ съ нѣкотораго времени. Торговля, любящая свободу, болѣе и болѣе сжимается и упадаетъ отъ тѣснящей руки сильнаго. Подобно какъ монахи строжайшаго Ордена, встрѣтясь другъ съ другомъ въ унылой мрачности своихъ жилищъ, вмѣсто всякаго привѣтствія умы-

рающимъ голосомъ произносятъ: *помни смерть!* такъ жители сего города въ глубокомъ уныніи взываютъ другъ ко другу: *Данцигъ! Данцигъ! гдѣ твоя слава?* — Король Прусской наложилъ чрезмѣрную пошлину на всѣ товары, отправляемые отсюда въ море, отъ котораго Данцигъ лежитъ верстахъ въ пяти или шести.

Шотландцы, которые присылаютъ сюда сельди свои, пользовались въ Данцигѣ всѣми правами гражданства, для того, что нѣкогда Шотланецъ Догласъ оказалъ городу важную услугу. Тѣ изъ жителей, съ которыми я говорилъ, не могли мнѣ сказать навѣрно, не ограничены ли нынѣ сіи права, и въ чемъ именно состояла услуга Догласова. Такой знакъ благодарности дѣлаетъ честь сему городу.

Я не зналъ, что почта пробудетъ здѣсь такъ долго; а то бы успѣлъ осмотрѣть въ Данцигѣ

нѣкоторыя примѣчанія достойныя вещи. Теперь уже поздго: хотятъ впрягать лошадей. Болѣе всего хотѣлось бы мнѣ видѣть славную Эйхелеву картину, въ главной Лютеранской церкви, представляющую страшной судъ. Король Французской — не знаю, которой — давалъ за нее 100000 гульденовъ. — Хотѣлось бы мнѣ видѣть и Профессора Тренделенбурга, чтобы поблагодарить его за Греческую Грамматику, имъ сочиненную, которою я пользовался и впредь надѣюсь пользоваться (*). — Огромнѣйшее зданіе въ городѣ есть Ратуша. Вообще всѣ домы въ пять этажей. Отмѣнная чистота стеколъ украшаетъ видъ ихъ.

Данцигъ имѣетъ собственныя деньги, которыя однакожь внѣ го-

(*) Авторъ начиналъ тогда учиться Греческому языку; но послѣ не имѣлъ уже времени думать объ немъ.

рода не ходятъ ; и въ самомъ городѣ Прусскія предпочитаются.

На западъ отъ Данцига возвышаются три песчаныя горы, которыхъ верьхи гораздо выше городскихъ башенъ ; одна изъ сихъ горъ есть Штоценбергъ. Въ случаѣ осады непріятельскія батареи могутъ оттуда разрушить городъ. На горѣ Гагелсбергѣ былъ нѣкогда разбойничій замокъ; эхо ужаса его далеко отзывалось въ окрестностяхъ. Тамъ показываютъ могилу Русскихъ, убитыхъ въ 1734 году, когда Графъ Минихъ штурмовалъ городъ. Осажденные знали, съ которой стороны будетъ приступъ; по чему гарнизонъ и жители обратили туда всѣ силы свои, и дрались какъ отчаянные. Извѣстно, что городъ держалъ сторону Станислава Лещинскаго противъ Августа III, за котораго вступилась Россія. Наконецъ Данцигъ покорился.

Товарищи мои, Офицеры, хотѣли осмотрѣть городскія укрѣпленія; но часовые не пустили ихъ, и грозили выстрѣломъ. Они посмѣялись надъ излишнею строгостію, и возвратились назадъ. Солдаты по большой части старые, и одѣты неопрятно. Магистратъ поручаетъ Коммендантское мѣсто обыкновенно какому нибудь иностранному Генералу съ большимъ жалованьемъ.

Первая станція отъ Данцига.

Въ Данцигѣ присоединились къ намъ Офицеръ, молодой Французской купецъ и Магистеръ. Для нихъ и для Капитанскаго слуги Ширмейстеръ взялъ тамъ открытую фуру. Офицеръ сѣлъ къ намъ въ коляску, гдѣ оставалось еще одно мѣсто, которое хотѣлъ занять Магистеръ; но Французъ

поднялъ крикъ, доказывая свое старшинство, и Ширмейстеръ рѣшилъ дѣло въ его пользу, узнавъ, что онъ въ самомъ дѣлѣ записался на почтѣ ранѣе. Магистеръ крайне упрашивалъ насъ, чтобы мы какъ нибудь потѣснились и дали ему мѣсто въ коляскѣ, представляя ученымъ образомъ, что ему съ Ширмейстеромъ и слугою будетъ скучно; но онъ *проповѣдывалъ глухимъ ушамъ*, какъ говорятъ Нѣмцы. Французъ, по дорожному очень хорошо одѣтой, въ торжествѣ сѣлъ на лавкѣ между двухъ Офицеровъ, съ насмѣшкою жалѣя, что бѣднаго Магистера вымочитъ дождь, которой накрапывалъ. Новой нашъ товарищъ, Офицеръ, желая сидѣть просторнѣе, взглядывалъ на него очень косо, и началъ его жать. Французъ весьма учтиво объявилъ, что ему становится *тѣсновато*. Тѣмъ хуже для васъ, отвѣчалъ ему Офи-

церъ съ сердцемъ, закурилъ трубку и началъ пускать ему въ носъ и въ ротъ дымныя облака. Французъ чихалъ, кашлялъ, и наконецъ спросилъ, *чтобы это значило?* — „То, чтобы вы убрались въ фуру къ Магистеру.“ — „Государь мой!“ сказалъ Французъ съ гордымъ видомъ.—„Государь мой!“ отвѣчалъ Офицеръ съ досадою: „вамъ говорятъ, чтобы вы убрались отъ насъ.“ — Французъ съ важностію увѣрялъ, что имѣетъ равное съ нимъ право сидѣть въ коляскѣ; но Офицеръ, худой Юристъ, началъ сыпать на него пепелъ съ огнемъ, говоря, что Везувій за дымомъ выбрасываетъ пламя. Еще мало: онъ упкнулъ ему въ бокъ ефесъ своей сабли. Бѣдной Французъ, видя, что терпѣніемъ не отдѣлаться, сквозь слезы просилъ Офицера оставить его въ покоѣ до первой перемѣны, обѣщаясь пересѣсть тамъ въ фуру. Старые мои то-

варищи, насмѣявшись досыта, сжалились надъ мученикомъ, и уговорили своего собрата, чтобы онъ удовольствовался его обѣщаніемъ. И я смѣялся; однакожь искренно жалѣлъ о Французѣ, хотя онъ тотчасъ забылъ все, и сталъ веселъ.

Теперь перемѣняютъ лошадей и готовятъ намъ легкой ужинъ.

Выѣхавъ изъ Данцига, смотрѣлъ я на море, которое синѣлось на правой сторонѣ. Болѣе не попадалось въ глаза ничего занимательнаго, кромѣ пространнаго Данцигскаго гульбища, гдѣ было очень мало людей, для того, что небо покрывалось со всѣхъ сторонъ тучами. Въ серединѣ идетъ большая дорога, а по сторонамъ въ алеяхъ прогуливаются.

Офицеры сговорились-было атаковать Магистера; но онъ довольно искусно отбилъ первые приступы, такъ что они наконецъ

оставили его. Онъ ѣдетъ въ Италію разсматривать древности. Многіе восточные языки, по его словамъ, ему извѣстны. Онъ показывалъ мнѣ письмо Графа * * *, которой прислалъ ему экземпляръ Алъ - Корана, напечатаннаго въ Петербургѣ. Мы другъ съ другомъ гораздо согласнѣе, нежели съ Офицерами (*).

Штолпе, 24 Іюня.

Путешественники говорятъ всегда съ великимъ неудовольствіемъ о грубости Прусскихъ постиллiоновъ. Нынѣшній Король издалъ указъ, по которому всѣ Почтмей-

(*) Послѣ читалъ я о Магистерѣ Рингѣ въ прибавленіи къ Енскимъ Литтературнымъ Вѣдомостямъ. Онъ извѣстенъ въ Германіи по своей учености.

стеры обязаны имѣть болѣе уваженія къ проѣзжимъ, и не держать никого долѣе часа на перемѣнахъ, а постилліонамъ запрещаются всѣ самовольныя остановки на дорогѣ. Нахальство сихъ послѣднихъ было несносно. У всякой корчмы они останавливались пить пиво, и нещастные путешественники должны были терпѣть, или вымanивать ихъ деньгами. Указъ имѣлъ хорошія слѣдствія; однакожь не во всей точности исполняется. На примѣръ, не доѣзжая за милю до Штолпе, мы принуждены были съ часъ дожидаться постилліоновъ, которые спокойно пили и ѣли въ корчмѣ, не смотря на позывы съ нашей стороны. Пріѣхавъ въ городъ, всѣ мои товарищи грудью приступили къ Почтмейстеру, и требовали, чтобы онъ наказалъ ихъ — *Выговоромъ?* спросилъ Почтмейстеръ — *Палкою*, отвѣчали Офицеры. — „Я не имѣю права

бить ихъ.“—„Вздоръ! вздоръ! сказалъ Капитанъ: или я самъ со всѣми управлюсь!“—Тутъ онъ страшнымъ образомъ стукнулъ въ полъ своею тростью. „Насиліе! насиліе!“ закричалъ Почтмейстеръ: „хотятъ драться, бить меня!“—Капитанъ вдругъ перемѣнилъ тонъ, и сказалъ тихо: „Я не хочу драться, а въ Берлинѣ поговорю объ васъ съ Министромъ.“ Сказалъ и вышелъ вонъ, а за нимъ и всѣ. Постилліоны, какъ будто бы ничего не зная, пришли къ намъ просить на вино. Ихъ выгнали—дверь затворилась и опять потихоньку стала отворяться—всѣ туда оборотили глаза, и увидѣли Почтмейстерову голову. Что вамъ угодно? спросилъ Капитанъ суровымъ голосомъ. Тутъ Почтмейстеръ всунулъ къ намъ въ горницу все свое туловище, началъ шаркать и кланяться Капитану, и называть его Господиномъ Капитаномъ, и опять Господиномъ

Капитаномъ, и увѣрять его, что онъ имѣетъ къ нему почтеніе, и знаетъ Маіора его полку, и знаетъ его фамилію, и знаетъ, что онъ правъ, и отдаетъ ему въ полную власть тѣхъ постилліоновъ, которые повезутъ насъ изъ Штолпе, и проч. и проч. — Капитанъ смягчился, улыбался и отвѣчалъ на все: „хорошо, хорошо, Господинъ Почтмейстеръ!" — Мы съ Магистеромъ также улыбались; а Офицеры говорили тихонько: „дуракъ! трусъ!" —

Теперь не могу вамъ сказать ничего примѣчанія достойнаго, кромѣ того, что въ мѣстечкѣ Луповѣ, гдѣ мы обѣдали, есть прекрасныя форели и прекрасной бишофъ. И такъ естьли вы, друзья мои, будете когда въ Лутовѣ, то вспомните, что другъ вашъ тамъ обѣдалъ, — вспомните, и велите подать себѣ форелей и бишофу.

Здѣсь остается тотъ Офицеръ, которой мучилъ Француза; и такъ сей послѣдній сядетъ съ нами.— Adieu!

Штаргардъ, 26 Іюня.

О Штаргардѣ, куда мы пріѣхали ужинать, могу вамъ сказать единственно то, что онъ есть изрядной городъ, и что здѣшняя церковь Маріи считается высочайшею въ Германіи.

Мы проѣхали черезъ Кеслинъ и Керлинъ, два маленькіе городка. Въ первомъ бросается въ глаза большое четвероугольное мѣсто со статуею Фридриха Вильгельма. Ты достоинъ сей почести! думалъ я, читая надпись. Не знаю, кого справедливѣе можно назвать *великимъ*, отца или сына, хотя послѣдняго всѣ безъ разбора *величаютъ*. Здѣсь должно смотрѣть только

на дѣла ихъ, полезныя для государства — не на ученость, не на острыя слова, не на авторство. Кто привлёкъ въ свое государство множество чужестранцевъ? Кто обогатилъ его мануфактурами, фабриками, искусствами? Кто населилъ Пруссiю? Кто всегда отходилъ отъ войны? Кто отказывался отъ всѣхъ излишностей, для того, чтобы его подданные не терпѣли недостатка въ нужномъ? Фридрихъ Вильгельмъ! — По Кеслинъ будетъ для меня памятенъ не только по его монументу: тамъ миловидная трактирщица угостила насъ хорошимъ обѣдомъ! Неблагодаренъ путешественникъ, забывающiй такiе обѣды, такихъ добрыхъ, ласковыхъ трактирщицъ! По крайней мѣрѣ я не забуду тебя, миловидная Нѣмка! Вспомнивъ статую Фридриха Вильгельма, вспомню и любезное твое угоще-

ніе, пріятные взоры, пріятныя слова твои!....

„Что, будетъ ли у насъ война, Господа Офицеры?" спросилъ у моихъ товарищей старикъ, трактирщикъ въ Керлинѣ. Не думаю, отвѣчалъ Капитанъ. „Дай Богъ, чтобы и не было!" сказалъ трактирщикъ: „я боюсь не Австрійскихъ гусаровъ, а Руских козаковъ. О! что это за люди!" — А по чему ты ихъ знаешь? спросилъ Капитанъ.— „По чему? Развѣ они не были въ Керлинѣ? Ничто не уйдетъ отъ ихъ пики. Къ тому же у нихъ такія страшныя лица, что меня по кожѣ подираетъ, когда воображу ихъ!" Да вотъ Руской козакъ! сказалъ Капитанъ, указавъ на меня. Руской козакъ! закричалъ трактирщикъ, и ударился затылкомъ въ стѣну. Мы всѣ засмѣялись, а трактирщикъ заохалъ. „За эту шутку вы заплатите мнѣ дороже; господа!"

сказалъ онъ, взявъ кофейникъ изъ рукъ служанки.

Я видѣлъ одинъ изъ древнихъ разбойничьихъ замковъ. Онъ лежитъ на возвышенiи, и обведенъ со всѣхъ сторонъ широкими рвами, которые прежде были наполнены водою. Тутъ, въ высокомъ теремѣ, сидѣли мать и дочь за пяльцами, и поглядывали въ окно, когда мужъ и отецъ какъ голодной левъ рыскалъ по лѣсамъ и полямъ, ища добычи. „Ѣдетъ! Ѣдетъ!" кричали онѣ, и мосты гремѣли и опускались—гремѣли и опять подымались — и грабитель былъ безопасенъ въ объятiяхъ своей жены и дочери. Тутъ раскладывались похищенныя богатства, и женщины отъ радости ахали. Тутъ нещастные путешественники, которые въ тотъ день попались въ руки злодѣю, заключались въ подземную темницу, въ двадцать семь саженъ глубиною, гдѣ густой воз-

духъ спирался и тяготилъ дыханіе, и гдѣ громъ цѣпей былъ имъ первымъ привѣтствіемъ. Иногда бѣдной отецъ прибѣгалъ къ симъ широкимъ рвамъ, и смотря на сіи острыя башни, восклицалъ: „Отдайте мнѣ сына, и возьмите все, что имѣю! Нещастная мать день и ночь крушится; печальная невѣста всякой часъ слезами обливается. Отдайте матери сына и невѣстѣ жениха!“

Стой, воображеніе! сказалъ я самъ себѣ, и—заплатилъ два гроша сухой старухѣ и уродливому мальчику, которые показывали мнѣ замокъ. Онъ издавна стоитъ пустой, и начинаетъ уже развалиться.

Теперь накрываютъ намъ столъ. Ужинъ будетъ прощальной. Всѣ мои товарищи, кромѣ Капитана, ѣдутъ отсюда въ Штетинъ, куда мнѣ не дорога. Вѣроятно, что намъ уже никогда не видать другъ

друга. Правда, что эта мысль для меня не очень горестна. Я не поблагодарилъ бы судьбы, естьли бы она велѣла мнѣ всегда жить съ такими людьми. Съ ними можно говорить только о смотрахъ, маршахъ и тому подобномъ. Самой языкъ ихъ страненъ. Не зная по-Французски, употребляютъ они въ разговорѣ множество Французскихъ словъ, произнося ихъ по своему. На прим. Da ist eine Precipice—ich habe eine Ture gemacht —ich chanchire es, и проч.

Къ намъ присталъ еще молодой человѣкъ, Почтмейстерской сынъ, которой ѣдетъ учиться въ Университетъ. Слыша, что Офицеры въ шутку называли меня Докторомъ, вздумалъ онъ показать мнѣ свою ученость, и спросилъ, какъ, *по моему мнѣнію*, можно перевести на Нѣмецкой Латинское слово ratio? Потомъ началъ говорить о *духѣ языковъ*, и

проч. Надобно знать, что Магистеръ уже отъ насъ отсталъ; а то бы онъ не далъ ему много говорить. Офицеры не полюбили сего ученаго Почтмейстерскаго сына, и старались его дурачить. Пріѣхавъ сюда, вынулъ онъ изъ кармана превеликія шпоры, и положилъ на столъ. Офицеры, находя страннымъ, что человѣкъ, ѣдущій учиться въ Университетъ, вмѣсто книгъ везетъ въ карманѣ такую вещь, стали смѣяться. Французъ подскочилъ съ лорнетомъ, и началъ разсматривать шпоры съ великимъ вниманіемъ. Смѣхъ умножился. Что вы находите въ нихъ? спросилъ Капитанъ. „Знакомыя черты,“ съ важностію отвѣчалъ Французъ: „кажется, какъ будто бы я видалъ ихъ прежде; однакожъ нѣтъ — я видѣлъ только ихъ изображеніе на эстампахъ въ Донъ-Кишотѣ.“ Тутъ Офицеры во все горло захохотали,

а Студентъ осердился. Насмѣявшись досыта, Капитанъ сказалъ мнѣ: „Естьли когда нибудь издадите вы журналъ своего путешествія, то прошу васъ не забыть шпоръ.“ Не забудьте шпоръ! закричали всѣ Офицеры. Ваше желаніе исполню, отвѣчалъ я.—

Надобно сказать нѣчто о Прусскихъ допросахъ. Во всякомъ городкѣ и мѣстечкѣ останавливаютъ проѣзжихъ при въѣздѣ и выѣздѣ, и спрашиваютъ, кто, откуда и куда ѣдетъ? Иные въ шутку сказываются смѣшными и разными именами, т. е. при въѣздѣ однимъ, а при выѣздѣ другимъ, изъ чего выходятъ чудныя донесенія начальникамъ. Иной называется Луциферомъ, другой Мамономъ; третій въ городъ въѣдетъ Авраамомъ, а выѣдетъ Исаакомъ. Я не хотѣлъ шутить, и для того Офицеры просили меня въ такихъ случаяхъ притворяться спящимъ, чтобы

имъ за меня отвѣчать. Иногда былъ я какой нибудь Баракоменеверусъ, и ѣхалъ отъ горы Араратской; иногда Аристидъ, выгнанной изъ Аѳинъ; иногда Альцибіадъ, ѣдущій въ Персію; иногда Докторъ Панглосъ, и проч. и проч.

Кушанье поставили. Простите!

Берлинъ, 30 Іюня, 1789.

Вчера пріѣхалъ я въ Берлинъ, друзья мои; а нынѣ, къ великому своему удовольствію, получилъ отъ васъ письмо, котораго ждалъ съ такимъ нетерпѣніемъ. Извѣстіе, что вы остались здоровы, меня утѣшило, успокоило. Но на что вы иногда грустите? Этова не было въ уговорѣ. А естьли вы и впредь будете такъ немилостивы къ себѣ и къ другу своему, которой за нѣсколько тысячь верстъ беретъ участіе даже въ минутной

вашей непріятности: то онъ, въ отмщеніе вамъ, самъ будетъ грустить съ утра до вечера.

Послѣднее письмо отправилъ я къ вамъ изъ Штаргарда. Мы выѣхали оттуда въ полночь. Кромѣ Капитана, было у меня двое новыхъ товарищей: Офицеръ, ѣдущій въ Имперію для набора рекрутъ, и купецъ Штаргардской. Я сѣлъ въ коляскѣ назади, на своемъ чемоданѣ; могъ протянуть ноги, могъ прилечь на подушку; спина моя распрямилась, и движеніе крови стало ровнѣе; тряская коляска казалась мнѣ усыпительною колыбелью—и я, почитая себя блаженнѣйшимъ человѣкомъ въ свѣтѣ, заснулъ крѣпкимъ сномъ, и спалъ до первой перемѣны, гдѣ разбудили меня пить кофе.

Не доѣзжая за десять миль до Берлина, Капитанъ насъ оставилъ. Мы простились другъ съ другомъ какъ пріятели, и я далъ ему сло-

во сыскать его въ Кенигсбергѣ, когда поѣду обратно черезъ сей городъ. „Вѣдь намъ еще надобно хоть одинъ разъ въ жизни видѣться," сказалъ онъ, пожимая руку мою: „заѣзжайте ко мнѣ, и разскажите, что увидите въ свѣтѣ." —Хорошо, хорошо, Г. Капитанъ! Будьте между тѣмъ здоровы! — И такъ мы разстались.

Въ послѣднюю ночь нашего путешествія, приближаясь къ Берлину, начиналъ я думать, что тамъ дѣлать буду, и кого увижу. Ночью всякія мечты воображенія бываютъ живѣе, и я такъ ясно представилъ себѣ любезнаго А*( ), идущаго ко мнѣ на встрѣчу съ

(*) Алексѣя Михайловича Кутузова, добродушнаго и любезнаго человѣка, которой черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того умеръ въ Берлинѣ, бывъ жертвою нещастныхъ обстоятельствъ.

трубкою и кричащаго: *кого вижу? братъ Рамзей въ Берлинѣ?* что руки мои протянулись обнять его; но вмѣсто моего дражайшаго пріятеля, которой въ сію минуту былъ отъ меня такъ далеко, чуть не обнялъ я мокрой женщины, сидѣвшей съ нами въ коляскѣ. „Но какъ зашла къ намъ мокрая женщина?" Вотъ какъ. Солнце сѣло, пошелъ дождь, и вечеръ превратился въ глубокую ночь. Вдругъ коляска наша остановилась; Ширмейстеръ, сидѣвшій съ нами, выглянулъ и началъ съ кѣмъ-то бормотать; потомъ, оборотившись къ намъ, сказалъ: „Господа! позволите ли сѣсть въ коляску одной честной женщинѣ и доѣхать съ нами до перваго мѣстечка, куда она идетъ съ своимъ мужемъ? Дождь промочилъ ее насквозь, и она боится занемочь." А хороша ли она? спросилъ Офицеръ, ѣдущій въ Имперію. Теперь темно, отвѣчалъ Шир-

мейстерЪ. Пускай ее садится, сказалЪ ОфицерЪ. Я то же сказалЪ, и купецЪ то же. Женщина взлѣзла кЪ намЪ вЪ коляску, и была подлинно очень мокра, такЪ что мы пятились отЪ нее какЪ можно далѣе, боясь воды, которая текла сЪ нее ручьями. ОфицерЪ вступилЪ сЪ нею вЪ разговорЪ, и узналЪ отЪ нее, что она жена портнаго мастера, очень любитЪ своего мужа, и сЪ нимЪ никогда не разстается; что они ужинали вЪ гостяхЪ у своего дяди, зажиточнаго купца, которой торгуетЪ заморскими товарами, и пошли домой пѣшкомЪ для того, чтобы наслаждаться пріятностями вечера, никакЪ не ожидавЪ дождя; что она взяла у дяди книжку, *жизнь Барона Тренка*, вЪ которой описываются самыя чудныя приключенія, и все справедливыя; что дочь дяди ихЪ, которой минуло уже девятнадцать лѣтЪ, однажды не спала

цѣлую ночь, читая эту книгу, а на другую ночь увидѣла во снѣ Тренка въ цѣпяхъ, и такъ закричала, что отецъ пришелъ къ ней со свѣчею посмотрѣть, что съ нею сдѣлалось, — и проч. и проч. Вотъ все дѣло!

Но есть ли я не найду его въ Берлинѣ! пришло мнѣ вдругъ на мысль — и въ самую ту минуту встрѣтилась намъ коляска. Насилу могъ я удержаться, чтобы не закричать: *стой!* Это вѣрно онъ, думалъ я, это вѣрно онъ! Прости! Пріѣзжай благополучно въ наше отечество, къ своимъ друзьямъ! Ты увидишь моихъ любезныхъ; увидишь, и не скажешь имъ ничего обо мнѣ! — Между тѣмъ мы пріѣхали на станцію. Я тотчасъ пошелъ къ Почтмейстеру спросить, кто проѣхалъ въ коляскѣ. „Руской — купецъ изъ Риги," отвѣчалъ онъ. Тутъ я готовъ былъ выпрыгнуть отъ радости, что это былъ не нашъ А*.

Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Берлина начинается прекрасная алея изъ каштановыхъ деревьевъ, и дорога становится лучше и веселѣе. О видѣ Берлина не льзя было мнѣ судить потому, что безпрестанной дождь мѣшалъ видѣть далеко впередъ. У воротъ мы остановились. Сержантъ вышелъ изъ караульни насъ допрашивать: *Кто вы? Откуда ѣдете? За чѣмъ пріѣхали въ Берлинъ? Гдѣ будете жить? Долго ли здѣсь пробудете? Куда поѣдете изъ Берлина?* Судите о любопытствѣ здѣшняго Правительства! — Наконецъ мы въѣхали въ улицу прекраснаго Берлина, гдѣ я надѣялся отдохнуть въ объятіяхъ сердечной пріязни, разсказывать Рускому о Россіи и другу о друзьяхъ, говорить о нашихъ веселыхъ Московскихъ вечерахъ и философскихъ спорахъ!... Но судьба смѣялась надо мною!

Коляска наша остановилась у почтоваго дома. Тамъ прежде всего спросилъ я у Секретаря, гдѣ живетъ А*? И что же? Съ хладнокровіемъ, совсѣмъ противнымъ моему нетерпѣнію, отвѣчалъ онъ: „Его уже здѣсь нѣтъ?" — Его здѣсь нѣтъ? — Нѣтъ, сударь, повторилъ онъ, и началъ перебирать письма. — Гдѣ же онъ? — „Во Франкфуртѣ на Майнѣ. Подите къ своему Священнику; тамъ лучше все узнаете." — Я бросился на стулъ и готовъ былъ заплакать. Секретарь взглянулъ на меня съ улыбкою. Вы думали его навѣрно здѣсь найти? спросилъ онъ. „Думалъ, государь мой, думалъ!" и съ сими словами я хотѣлъ идти вонъ. „Постойте, сказалъ Секретарь: надобно осмотрѣть вашъ чемоданъ." То есть, надобно было взять съ меня нѣсколько грошей. — Вообразите друга вашего, идущаго въ самыхъ го-

рестныхЪ размышленіяхЪ по Берлинскимъ улицамЪ, вЪ слѣдЪ за инвалидомЪ, которой несЪ чемоданЪ мой! Ни огромные домы, ни многолюдство, ни стукЪ каретЪ не могли вывести меня изЪ меланхолической задумчивости. Я самЪ себѣ казался жалкимЪ сиротою, бѣднымЪ, нещастнымЪ, и единственно отЪ того, что А* не хотѣлЪ меня дождаться вЪ Берлинѣ!

„Жаль, жаль, государь мой — сказалЪ мнѣ Г. БлумЪ, трактирщикЪ *Англійскаго Короля* вЪ *братской улицѣ* — жаль, что у меня нѣтЪ теперь для васЪ мѣста. ВЪ домѣ моемЪ заняты всѣ комнаты. Вы, думаю, знаете, что кЪ нашему Королю пожаловала гостья, его сестрица. ВЪ Берлинѣ будутЪ праздники, и многіе господа пріѣхали сюда на это время. Повѣрите ли, что я нынѣ отказалЪ уже десяти человѣкамЪ?“ — И такЪ,

Г. Блумъ — — „Вы изъ Россіи пріѣхали?“ — Изъ Россіи. И такъ —„У васъ все войною занимаются?“ — Да, Г. Блумъ, у насъ война. И такъ мнѣ остается — — „Послушайте: теперь только опросталась у меня одна комната, и вы можете занять ее. Что же у васъ съ Турками дѣлается?“ — Прикажите мнѣ указать комнату; а послѣ, естьли угодно— — „Очень хорошо! очень хорошо! Пойдемте, пойдемте!“ Онъ привелъ меня въ маленькую горенку съ однимъ окномъ. „Не правда ли, что она очень хороша и очень уютна?“ — Я доволенъ, Г. Блумъ. — Тутъ пришелъ ко мнѣ фельдшеръ, парикмахеръ. Г. Блумъ отъ меня не выходилъ, безпрестанно говорилъ, и наконецъ мнѣ же вздумалъ разсказывать, что у насъ въ Россіи дѣлается. Послушайте, Г. Блумъ, сказалъ я: это все писано къ вамъ отъ перваго числа Апрѣля по

старому или по новому стилю. — „Какъ, государь мой!“ — Какъ вамъ угодно, отвѣчалъ я, — взялъ трость и пошелъ со двора.

Человѣкъ рожденъ къ общежитію и дружбѣ — сію истину живо чувствовало мое сердце, когда я шелъ къ Д*, желая найти въ немъ хотя часть любезныхъ свойствъ нашего А*; желая полюбить его, и говорить съ нимъ со всею дружескою искренностію, свойственною моему сердцу! — Благодарю Судьбу! Я нашелъ, чего желалъ — нашелъ въ Д* любезнаго, добродушнаго, искренняго человѣка. Онъ любитъ свое отечество, и я люблю его; онъ любитъ А*, и я люблю его; онъ сроденъ къ откровенности, и я тоже: и такъ долго ли было намъ познакомиться? Мы проговорили съ нимъ до вечера, и онъ захотѣлъ еще проводить меня.

Лишь только вышли мы на ули-

цу, я долженъ былъ зажать себѣ носъ отъ дурнаго запаха, которой происходитъ отъ всякой нечистоты въ каналахъ. Для чего бы ихъ не чистить? Не уже ли нѣтъ у Берлинцевъ обонянія?—Д* повелъ меня черезъ славную *липовую* улицу, которая въ самомъ дѣлѣ прекрасна. Въ срединѣ посажены алеи для пѣшихъ, а по сторонамъ мостовая. Чище ли здѣсь живутъ, или испаренія липъ истребляютъ нечистоту въ воздухѣ—только въ сей улицѣ не чувствовалъ я никакого непріятнаго запаха. Домы не такъ высоки, какъ нѣкоторые въ Петербургѣ, но очень красивы. Въ алеяхъ, которыя простираются въ длину шаговъ на тысячу или болѣе, прогуливалось много людей.

Лишь только я въ своей комнатѣ расположился пить чай, пожаловалъ ко мнѣ Г. Блумъ съ бумажкою въ рукахъ. Вамъ надобно на это отвѣчать, сказалъ онъ. Я

увидѣлъ на бумагѣ тѣ вопросы, которые дѣлали мнѣ при въѣздѣ въ городъ, съ прибавленіемъ одного: *въ какія ворота вы въѣхали?* Они напечатаны, и мнѣ надлежало подъ каждымъ писать отвѣтъ. Боже мой! какая осторожность! Развѣ Берлинъ въ осадѣ? — Г. Блумъ объявилъ мнѣ съ важнымъ видомъ, что завтра Берлинская публика узнаетъ черезъ газеты о моемъ пріѣздѣ!

Нынѣ поутру ходилъ я съ Д* осматривать городъ. Его по справедливости можно назвать прекраснымъ; улицы и домы очень хороши. Къ украшенію города служатъ также большія площади: *Вильгельмова, Жандармская, Денгофская* и пр. На первой стоятъ четыре большія мраморныя статуи славныхъ Прусскихъ Генераловъ: Шверина, Кейта, Винтерфельда и Зейдлица. Шверинъ держитъ въ рукѣ знамя, съ которымъ онъ, въ жаркомъ сра-

женія подъ Прагою, бросился на непріятеля, закричавъ своему полку: *дѣти! за мной!* Тутъ умеръ онъ смертію Героя, и Король сожалѣлъ о семъ искусномъ и храбромъ Генералѣ болѣе, нежели о потерѣ двадцати тысячь воиновъ. — Фридрихъ, принявъ Кейта въ свою службу, сказалъ: *я много выигралъ.* Фридрихъ зналъ людей, и Кейтъ оказалъ ему важныя услуги. — Говорятъ, что Графъ Петръ Александровичь Румянцовъ похожъ на Винтерфельда. Я не имѣлъ щастія видѣть нашего Задунайскаго Героя, и потому не могъ искать сего сходства въ хладномъ мраморѣ, изображающемъ Винтерфельда. — Зейдлицъ былъ любимецъ Королевской, пылкой, отважной воинъ. Отдавая справедливость его достоинствамъ, осуждаютъ въ немъ нѣкоторыя слабости, и говорятъ, что онѣ были причиною безвременной смерти его. Онъ умеръ не

на полѣ чести, а на одрѣ мучительной болѣзни. Король тужилъ о немъ, какъ о своемъ любимцѣ.— Такимъ образомъ Фридрихъ хотѣлъ во мраморѣ предать вѣкамъ память своихъ полководцевъ. Юной воинъ, смотря на ихъ изображенія, чувствуетъ желаніе подражать Героямъ, и жить въ памяти потомства. Я самъ люблю разсматривать памятники славныхъ людей, и представлять себѣ дѣла ихъ.—На такъ называемомъ *длинномъ мосту*, черезъ рѣку Шпре, стоитъ изъ мѣди вылитой монументъ Фридриха Вильгельма Великаго. Когда Руския войска пришли сюда, то нѣкоторые изъ солдатъ въ забаву рубили его тесаками. Мнѣ показывали сіи знаки, которые возбуждаютъ въ Берлинцахъ непріятное воспоминаніе.

Мы пошли въ Королевскую Библіотеку. Она огромна—и вотъ все, что могу сказать о ней! Бо-

лѣе всего занимало меня богатое анатомическое сочиненіе съ изображеніями всѣхъ частей человѣческаго тѣла. Покойной Король заплатилъ за него 700 талеровъ. Есть довольно восточныхъ рукописей, на которыя я только взглянулъ. Показывали мнѣ еще Лютеровъ Нѣмецкой манускриптъ; но я почти совсѣмъ не могъ разобрать его, не читавъ никогда рукописей того вѣка. — Книги давать на домъ запрещено; однакожъ извѣстной человѣкъ, задобривъ деньгами помощника Библіотекарскаго, можетъ имѣть нѣкоторыя. Такимъ образомъ Д* взялъ для меня Николаево описаніе Берлина, которое хотѣлось мнѣ просмотрѣть. Библіотекою управляетъ нынѣ Г. Докторъ Бистеръ, которой и живетъ въ семъ большомъ домѣ.

За столомъ у Господина Блума сидѣло человѣкъ тридцать: Офицеровъ, купцовъ и важныхъ Сак-

сонскихъ Бароновъ, пріѣхавшихъ въ Берлинъ на праздники. Теперь все готовится ко встрѣчѣ Штатгальтерши, которая послѣ завтра будетъ сюда изъ Потсдама вмѣстѣ съ Королемъ. Объ этомъ только и говорятъ; да о разбойникахъ, которые близь Ораніенбурга разбили почту. — Ввечеру Д* водилъ меня въ звѣринецъ. Онъ простирается отъ Берлина до Шарлотенбурга; и состоитъ изъ разныхъ алей: однѣ идутъ во всю длину его, другія поперегъ, иныя вкось и перепутываются: славное гульбище! Долго искалъ я того мѣста, о которомъ нѣкогда нашъ А* писалъ ко мнѣ слѣдующее: „Я нашелъ въ звѣринцѣ длинную алею, состоящую изъ древнихъ соснъ; мрачность и непремѣняющаяся зелень деревъ производятъ въ душѣ нѣкоторое священное благоговѣніе. Не забуду я одного утра, когда, гуляя въ звѣринцѣ одинъ, и пре-

давшись стремленію своего воображенія, которое, какъ извѣстно тебѣ, склонно къ пасмурнымъ представленіямъ, вступилъ я нечаянно въ сію алею. До того мѣста освѣщало меня лучезарное солнце; но вдругъ исчезъ весь свѣтъ. Я поднялъ глаза, и увидѣлъ передъ собою сей путь мрачности. Только вдали при выходѣ виденъ былъ свѣтъ. Я остановился и долго глядѣлъ. Наконецъ одна мысль пробудила меня. . . . Не есть ли — думалъ я — не есть ли тьма сія изображеніе твоего состоянія, когда ты, разлучившись съ тѣломъ, вступишь въ неизвѣстной тебѣ путь? Мысль сія такъ во мнѣ усилилась, что я уже представилъ себя облегченнаго отъ земнаго бремени, идущаго къ оному вдали свѣтящемуся свѣту, и —— Съ того времени всякой разъ, когда бываю въ звѣринцѣ, захожу туда, и часто поминаю тебя." Любезной

меланхоликъ! я самъ думалъ о тебѣ, вступая въ сiю алею, и стоялъ, можетъ быть, точно на томъ мѣстѣ, гдѣ ты обо мнѣ думалъ. Можетъ быть ты опять здѣсь стоять будешь, но я буду далеко, далеко отъ тебя! —

Въ звѣринцѣ много кофейныхъ домовъ. Мы заходили въ одинъ изъ нихъ, чтобы утолить жажду бѣлымъ пивомъ, которое мнѣ очень не полюбилось. — Садъ Принца Фердинанда, въ которой мы прошли изъ звѣринца, отворенъ для всѣхъ порядочно-одѣтыхъ людей. Я не взялъ бы тысячи такихъ садовъ за звѣринецъ. Тутъ прогуливался самъ Принцъ, и съ угрюмымъ видомъ отплатилъ намъ поклонъ. — Бьетъ часъ.

Іюля 1.

Нынѣ поутру, побывавъ у Господина М**, къ которому было у меня письмо отъ Князя Д*, я видѣлся съ извѣстнымъ Николаемъ, Авторомъ и книгопродавцемъ, живущимъ въ той же улицѣ, гдѣ я живу, т. е. въ Brüderstrasse. Онъ встрѣтилъ меня съ такою ловкостію, съ такою учтивостію, какой бы не льзя было ожидать отъ Нѣмецкаго Ученаго и книгопродавца. „Васъ знаютъ и въ Россіи, сказалъ я ему: знаютъ, что Нѣмецкая Литтература обязана вамъ частію своихъ успѣховъ. Пріѣхавъ въ Берлинъ, спѣшилъ я видѣть друга Лессингова и Мендельзонова.“—Благодарю васъ, отвѣчалъ онъ съ улыбкою, и посадилъ меня на софѣ. Съ путешественникомъ всего ближе говорить о путешествіяхъ: и такъ, услышавъ, что я ѣду въ Швейцарію, началъ онъ говорить со мною о тѣхъ удовольствіяхъ, которыя можно

имѣть въ этой примѣчанія достойной землѣ, гдѣ онъ самъ былъ за нѣсколько лѣтъ передъ симъ. Но скоро обратилъ я разговоръ на Берлинской Іезуитизмъ. Надобно знать, что съ нѣкотораго времени начали писать въ Германіи — или, лучше сказать, въ Берлинѣ, и Николай первой подалъ къ тому мысль — будто есть тайные Іезуиты, которые всѣми силами стараются снова овладѣть Европою; будто Калліостро и подобные суть ихъ Миссіонеры, которые, обольщая легковѣрныхъ людей пышными обѣщаніями, порабощаютъ ихъ власти тайныхъ Іезуитскихъ начальниковъ и проч. и проч. Съ сего времени стали вездѣ искать скрытыхъ Іезуитовъ: между Учеными и неучеными, между Пасторами и солдатами. Въ сочиненіяхъ нѣкоторыхъ Писателей нашли что-то Іезуитское. Началась ужасная война, и Берлин-

ской Журналъ, издаваемой Бистеромъ и Гедике, избранъ былъ въ театръ сей войны. Съ Іезуитизмомъ слили въ одно Католицизмъ; доказывали, что *тотъ* и *тотъ* изъ извѣстныхъ Протестантскихъ Ученыхъ тайно приняли Католическую Религію; что они опасныя люди, и проч. Тѣ, которыхъ наименовали, разсердились и начали браниться или отбраниваться, доказывая, что Берлинцы бредятъ. Все это еще и нынѣ продолжается. Вотъ что сказалъ мнѣ Николай:

„Извѣстно, что Іезуиты имѣли вездѣ связи; что у нихъ были свои банки, свои банкиры. Общество ихъ хотя и называло Папу своимъ покровителемъ, но цѣль его была тайная, и сокрывалась во внутренности Ордена. Папа, лишивъ Орденъ своего покровительства, могъ ли уничтожить существо его? Могъ ли заставить

внутреннихъ начальниковъ, или хранителей тайны, отказаться отъ ихъ цѣли? Не уже ли закрылись всѣ тайные каналы, черезъ которые они дѣйствовали? Не уже ли исчезли всѣ банки ихъ? — Я предложилъ свои чаянія, и хотѣлъ только возбудить вниманіе къ сему предмету. Гипотеза моя, казалось, могла изъяснить нѣкоторыя явленія нашихъ временъ.— Что принадлежитъ до Католицизма, то всякой Протестантъ имѣетъ причину не желать его распространенія. Мы, слава Богу! можемъ обо всемъ разсуждать, можемъ пользоваться своимъ разумомъ; но духъ Католицизма не терпитъ никакой свободы въ умствованіяхъ, и налагаетъ цѣпи на разумъ. Естьли вы читаете книги, выходящія въ Германіи, то конечно замѣтили великую розницу между тѣми, которыя печатаются въ Протестантскихъ и

Католическихъ земляхъ: гдѣ болѣе просвѣщенія?" — Все это очень хорошо, сказалъ я; но за чѣмъ съ такою жестокостію писать противъ нѣкоторыхъ почтеннѣйшихъ мужей Германіи, для того единственно, что они сомнѣваются въ существованіи тайныхъ Іезуитовъ, и въ томъ, чтобы Католики могли нынѣ быть опасны Протестантамъ? Признаться вамъ, я не могъ безъ досады читать колкаго отвѣта Доктора Бистера Господину Гарве, одному изъ первыхъ вашихъ Философовъ, которой съ такою скромностію предложилъ свои сомнѣнія. — „Однакожь Гарве, отвѣчалъ Николай, перемѣнилъ свои мысли; мы съ нимъ нарочно для этова видѣлись. Не надобно думать, чтобы Католики совсѣмъ перестали нынѣ стараться обращать Протестантовъ въ свое исповѣданіе. Извѣстно ученіе ихъ церкви, что

внѣ ея нѣтъ спасенія: и такъ они, по нѣкоторому человѣколюбію, хотятъ распространять ея область. Однимъ словомъ, осторожность была нужна.—Впрочемъ всякой отвѣчаетъ за себя. Естьли нѣкоторые зашли слишкомъ далеко, я не виноватъ. Только во многомъ насъ *хотятъ* криво толковать, къ чему Шпаркъ (*) и подобные имѣютъ свои причины. Правда, что дѣло, дѣлаемое съ добрымъ намѣреніемъ, можетъ имѣть нѣкоторыя худыя слѣдствія; но естьли оно имѣетъ несравненно болѣе добрыхъ, то не льзя не назвать его хорошимъ дѣ-

(*) Придворной Дармштатской Проповѣдникъ, котораго Берлинцы объявили тайнымъ Католикомъ, Іезуитомъ, мечтателемъ; которой судился съ Издателями Берлинскаго Журнала гражданскимъ судомъ, и писалъ цѣлыя книги противъ своихъ обвинителей.

ломъ." — Завтра ѣдетъ Николай къ водамъ. Путешествіе есть для меня лекарство, сказалъ онъ. Я записалъ ему на карточкѣ свое имя, и пожелалъ щастливаго пути. Потомъ онъ также учтиво проводилъ меня, какъ встрѣтилъ. — Жаль, что онъ ѣдетъ. Я хотѣлъ бы еще поговорить съ нимъ о нѣкоторыхъ вещахъ въ досужные для него часы. Признаться, сердце мое не можетъ одобрить тона, въ которомъ Господа Берлинцы пишутъ. Гдѣ искать терпимости, естьли самые Философы, самые просвѣтители — а они такъ себя называютъ — оказываютъ столько ненависти къ тѣмъ, которые думаютъ не такъ, какъ они? Тотъ есть для меня истинной Философъ, кто со всѣми можетъ ужиться въ мирѣ; кто любитъ и несогласныхъ съ его образомъ мыслей. Должно показывать заблужденія разума человѣческаго,

съ благороднымъ жаромъ, но безъ злобы. Скажи человѣку, что онъ ошибается, и почему; но не поноси сердца его, и не называй его безумцемъ. Люди, люди! подъ какимъ предлогомъ вы себя не мучите! — Лафатеръ есть одинъ изъ тѣхъ, которыхъ Берлинцы бранятъ при всякомъ случаѣ; и есть ли онъ у нихъ не совершенной Іезуитъ, то по крайней мѣрѣ великой мечтатель. Я къ Лафатеру не пристрастенъ, и обо многомъ думаю совсѣмъ не такъ, какъ онъ думаетъ; однакожъ увѣренъ, что его Физіогномическіе Фрагменты будутъ читаемы и тогда, когда забудутъ, что жилъ на свѣтѣ почтенной Докторъ Бистеръ. Но оставимъ ихъ. — Что принадлежитъ до Николаевой наружности, то въ ней хотя и нѣтъ ничего особенно привлекательнаго, однакожъ есть что-то почтенное. Онъ высокъ, худощавъ, смуглъ. Лафа-

теръ въ Физіогномикѣ своей говоритъ, что высокой лобъ его показываетъ весьма разсудительнаго человѣка.

У Г. Блума живетъ одинъ молодой Шведской купецъ. Нынѣ, когда мы сидѣли за столомъ, пришелъ къ нему Секретарь ихъ Посольства, и вызвалъ его. Минутъ черезъ пять возвратился нашъ Шведъ съ веселою улыбкою, и объявилъ всему столу, что Шведы въ одномъ дѣлѣ одержали верьхъ надъ Рускими. Секретарь Датскаго Посольства, которой тутъ же обѣдалъ, началъ смѣяться надъ его патріотическою ревностію. Прусскіе Офицеры хотѣли знать подробности дѣла, но Шведъ самъ не зналъ ихъ. Да еще вѣрить ли вашей побѣдѣ? сказалъ Датчанинъ: мы будемъ ждать подтвержденія. Какова подтвержденія! закричалъ Шведъ: я вамъ ручаюсь. Датчанинъ смѣялся, а Шведъ горячился. Ме-

жду тѣмъ Г. Блумъ, подошедши ко мнѣ, крайне упрашивалъ меня не входить въ разговоръ. „За чѣмъ вамъ тутъ мѣшаться? Вы видите, что Шведъ очень горячъ. Сохрани Боже, естьли бы что нибудь вышло у васъ съ нимъ въ моемъ домѣ!" Я увѣрялъ его, что ссоры у насъ не будетъ; но послѣ стола не могъ утерпѣть, чтобы не подойти къ Шведу и не вступить съ нимъ въ разговоръ. Г. Блумъ тотчасъ подлетѣлъ къ намъ, и посматривалъ то на меня, то на него, будучи готовъ затушить огонь при первомъ его воспыланіи. Однако жь мы довольно спокойно разговаривали. Шведъ былъ въ Россіи, и по мундиру моему тотчасъ узналъ, что я Руской. При началѣ войны меня выслали изъ Петербурга, сказалъ онъ, хотя мнѣ очень хотѣлось пожить тамъ. Жалуйтесь на своего Короля, отвѣчалъ я, которой объявилъ намъ войну

безъ всякой справедливой причины. Тутъ Блумъ дернулъ меня за полу, боясь, чтобы Шведъ не разсердился; но онъ съ улыбкою сказалъ: Короли поступаютъ не по тѣмъ правиламъ, которыя для насъ, частныхъ людей, должны быть закономъ. „Это говоритъ Фридрихъ," сказалъ сквозь зубы Прусской Маіоръ, сидѣвшій за столомъ. Тутъ пришелъ ко мнѣ Д*, и Г. Блумъ былъ очень радъ, что я убрался въ свою компанію. Онъ боялся поединка.

Послѣ обѣда былъ я въ Гарнизонной церкви, и видѣлъ монументы и портреты славныхъ воиновъ. Тамъ Клейстъ подлѣ Шверина и Виттерфельда, любезной Клейстъ, безсмертной пѣвецъ Весны, герой и патріотъ. Знаете ли вы конецъ его? Въ 1759 году, въ жаркомъ сраженіи при Куммерсдорфѣ, командовалъ онъ батальіономъ, и

взялъ три батареи. У правой руки отстрѣлили у него два пальца: онъ взялъ шпагу въ лѣвую. Пулею прострѣлили ему лѣвое плечо: онъ взялъ шпагу опять въ правую руку. Въ самую ту минуту, какъ храбрый Клейстъ уже готовъ былъ лѣзть на четвертую батарею, картеча раздробила ему правую ногу. Онъ упалъ и закричалъ своимъ солдатамъ: *Друзья! не покиньте Короля!* Наѣхали козаки, раздѣли Клейста и бросили въ болото. Кто не подивится тому, что онъ въ сію минуту смѣялся отъ всего сердца надъ странною физіогноміею и ухватками одного козака, которой снималъ съ него платье? Наконецъ отъ слабости заснулъ онъ такъ покойно, какъ бы въ палаткѣ. Ночью нашли его наши гусары, вытащили на сухое мѣсто, положили близъ огня на солому, и закрыли плащемъ. Одинъ изъ нихъ хотѣлъ всунуть

ему въ руку нѣсколько талеровъ; но какъ онъ не принялъ сего подарка, то гусаръ съ досадою бросилъ деньги на плащъ и ускакалъ съ своими товарищами. Поутру увидѣлъ Клейстъ нашего Офицера, Барона Бульдберга, и сказалъ ему свое имя. Баронъ тотчасъ отправилъ его во Франкфуртъ. Тамъ перевязали ему раны, и онъ съ веселымъ видомъ разговаривалъ съ Философомъ Баумгартеномъ, нѣкоторыми Учеными и нашими Офицерами, которые посѣщали его. Черезъ нѣсколько дней умеръ Клейстъ съ твердостію Стоическаго Философа. Всѣ наши Офицеры присутствовали на его погребеніи. Одинъ изъ нихъ, видя, что на гробѣ у него не было шпаги, положилъ свою, сказавъ: *у такого храбраго Офицера должна быть шпага и во могилѣ.*— Клейстъ есть одинъ изъ любезныхъ моихъ Поэтовъ. Весна не

была бы для меня такъ прекрасна, естьли бы Томсонъ и Клейстъ не описали мнѣ всѣхъ красотъ ея.

Іюля 2.

Нынѣ пріѣхалъ сюда Король съ своею гостьею, Шпатгалтершею. Не можете вообразить, что за пышная была ей встрѣча! Всѣ граждане стояли въ ружьѣ, и никакая сорочья стая не можетъ такъ пестриться, какъ пестрился этотъ фрунтъ. Офицеры отличались отъ рядовыхъ только тѣмъ, что у нихъ косы привиты были гораздо круче. Въ ожиданіи Шпатгальтерши тянули они всѣмъ фрунтомъ водку, и такъ неосторожно, что нѣкоторые стукались лбами. Капитаны ходили и увѣщевали своихъ согражданъ отмахнуть на караулъ мастерски. „И конечно, конечно! кричали они: мы

не ударимъ себя лицомъ въ грязь." Не льзя было не смѣяться этому фарсу.—Купцы, всѣ въ красныхъ кафтанахъ, подъ начальствомъ одного банкира, выѣзжали встрѣчать Штатгальтершу за городъ. — И за то, что я посмѣялся надъ Берлинскими гражданами и взглянулъ на Штатгальтершу и Прусскаго Короля, вымочилъ меня дождь. Теперь начнутся здѣсь пиры. — Иду въ Театръ.

Въ 10 часовъ ночи. Давно уже не былъ я такъ пріятно растроганъ, какъ нынѣ въ Театрѣ. Представляли Драму: *Ненависть къ людямъ и раскаяніе*, сочиненную Господиномъ Коцебу, Ревельскимъ жителемъ. Авторъ осмѣлился вывести на сцену невѣрную жену, которая, забывъ мужа и дѣтей, ушла съ любовникомъ; но она мила, нещастлива — и я плакалъ какъ ребенокъ, не думая осуждать Сочинителя. Сколько бываетъ въ

свѣтѣ подобныхъ исторій! . . . Коцебу знаетъ сердце. Жаль только, что онъ въ одно время заставляетъ зрителей и плакать и смѣяться! Жаль, что не имѣетъ вкуса, или не хочетъ его слушаться! Послѣдняя сцена въ піесѣ несравненна. — Г. Флекъ играетъ ролю мужа съ такимъ чувствомъ, что каждое слово его доходитъ до сердца. По крайней мѣрѣ я еще не видывалъ такого Актера. Въ немъ соединены великія природныя дарованія съ великимъ искусствомъ. Гж. Унцельманъ представляетъ жену очень трогательно. Въ игрѣ ея обнаруживается какая-то нѣжная томность, которая дѣлаетъ ее любезною для зрителя. — Я думаю, что у Нѣмцовъ не было бы такихъ Актеровъ, естьли бы не было у нихъ Лессинга, Гете, Шиллера и другихъ Драматическихъ Авторовъ, которые съ такою живостію представля-

ютъ въ Драмахъ своихъ человѣка, каковъ онъ есть, отвергая всѣ излишнія украшенія, или Французскія румяны, которыя человѣку съ естественнымъ вкусомъ не могутъ быть пріятны. Читая Шекспира, читая лучшія Нѣмецкія Драмы, я живо воображаю себѣ, какъ надобно играть Актеру, и какъ что произнести; но при чтеніи Французскихъ Трагедій рѣдко могу представить себѣ, какъ можно въ нихъ играть Актеру хорошо, или такъ, чтобы меня тронуть.—Вышедши изъ Театра, отеръ я на крыльцѣ послѣднюю сладкую слезу. Повѣрите ли, друзья мои, что нынѣшній вечеръ причисляю я къ щастливѣйшимъ вечерамъ моей жизни? И пусть теперь доказываютъ мнѣ, что Изящныя Искусства не имѣютъ вліянія на щастіе наше! Нѣтъ, я буду всегда благословлять ихъ дѣйствіе, пока сердце будетъ биться въ гру-

ди моей — пока будетъ оно чувствительно!

Іюля 4.

Вчера въ шесть часовъ утра поѣхали мы съ Д* верьхомъ въ Потсдамъ. Ничего нѣтъ скучнѣе этой дороги: вездѣ глубокой песокъ, и никакихъ занимательныхъ предметовъ въ глаза не попадается. Но видъ Потсдама, а особливо *Санъ-Суси*, очень хорошъ. Мы остановились въ трактирѣ, не доѣзжая до городскихъ воротъ, и заказавъ обѣдъ, пошли въ городъ. У воротъ записали наши имена; однакожъ въ разсужденіи допросовъ нынѣ нѣтъ уже такой строгости, какъ прежде. Покойной Король, живучи въ Потсдамѣ, хотѣлъ знать обо всѣхъ пріѣзжихъ. — На парадномъ мѣстѣ противъ дворца, которое украшено Римскими колоннадами, учи-

лась гвардія: прекрасные люди, прекрасные мундиры! Видъ дворца со стороны сада очень хорошъ. Городъ вообще прекрасно выстроенъ; въ большой, такъ называемой *Римской улицѣ* много великолѣпныхъ домовъ, строенныхъ отчасти по образцу огромнѣйшихъ Римскихъ палатъ, и на собственныя деньги покойнаго Короля: онъ дарилъ ихъ, кому хотѣлъ. Теперь сіи огромныя зданія пусты, или занимаются солдатами. Жителей очень мало: причиною то, что нынѣшній Король совсѣмъ оставилъ сей городъ, предпочитая ему Шарлотенбургъ. Не для того ли противенъ ему Потсдамъ, что онъ, будучи Принцомъ, имѣлъ тамъ много неудовольствій и досадъ? Вообразите, что цѣлой домъ въ два этажа можно нанять тамъ за пятьдесятъ рублей въ годъ; да и то нанимать не кому. На дверяхъ большихъ домовъ висятъ

солдатскія сумы, камзолы, и проч. Коротко сказать, Потсдамъ кажется такимъ городомъ, изъ котораго жители удалились, слыша о приближеніи непріятеля, и въ которомъ остался только гарнизонъ для его защиты. Не можете вообразить, какъ печаленъ сей видъ пустоты!

Въ Потсдамѣ есть Руская церковь подъ надзираніемъ стараго Рускаго солдата, которой живетъ тамъ со временъ царствованія Императрицы Анны. Мы насилу могли сыскать его. Дряхлой старикъ сидѣлъ на большихъ креслахъ, и слыша, что мы Рускіе, протянулъ къ намъ руки, и дрожащимъ голосомъ сказалъ: *слава Богу! слава Богу!* Онъ хотѣлъ сперва говорить съ нами по-Руски; но мы съ трудомъ могли разумѣть другъ друга. Намъ надлежало повторять почти каждое слово; а что мы съ товарищемъ между

собою говорили, того онъ никакъ не понималъ, и даже не хотѣлъ вѣрить, чтобы мы говорили по-Руски. „Видно, что у насъ на Руси языкъ очень перемѣнился, сказалъ онъ: или я, можетъ быть, забываю его.“ И то и другое правда, отвѣчали мы. „Пойдемте въ церковь Божію, сказалъ онъ, и помолимся вмѣстѣ, хотя нынѣ и нѣтъ праздника.“ Старикъ насилу могъ передвигать ноги. Сердце мое наполнилось благоговѣніемъ, когда отворилась дверь въ церковь, гдѣ столько времени царствуетъ глубокое молчаніе, едва перерываемое слабыми вздохами и тихимъ голосомъ молящагося старца, который по воскресеньямъ приходитъ туда читать святѣйшую изъ книгъ, приготовляющую его къ блаженной вѣчности. Въ церкви все чисто. Церковныя утвари и книги хранятся въ сундукѣ. Отъ времени до времени старикъ перебираетъ

ихъ съ молитвою. „Часто отъ всего сердца, сказалъ онъ, сокрушаюсь я о томъ, что по смерти моей, которая отъ меня конечно уже не далеко, не кому будетъ смотрѣть за церковью.“ — Съ полчаса пробыли мы въ семъ священномъ мѣстѣ; простились съ почтеннымъ старикомъ и пожелали ему — тихой смерти.

Послѣ обѣда были мы въ Санъ-Суси. Сей увеселительной замокъ лежитъ на горѣ, откуда можно видѣть городъ со всѣми окрестностями, что составляетъ весьма пріятную картину. Здѣсь жилъ не Король, а Философъ Фридрихъ — не Стоической и не Циникъ — но Философъ, любившій удовольствія и находившій ихъ въ Изящныхъ Искусствахъ и Наукахъ. Онъ хотѣлъ соединить здѣсь простоту съ великолѣпіемъ. Домъ низокъ и малъ; но, взглянувъ на него, всякой назоветъ его прекрас-

нымъ. Внутри комнаты отдѣланы со вкусомъ и богато. Въ круглой мраморной залѣ надобно удивляться колоннамъ, живописи и прекрасно набранному полу. Комната, гдѣ Король бесѣдовалъ съ мертвыми и живыми Философами, убрана вся кедровымъ деревомъ. Съ горы, срытой уступами, (которые одинъ другой закрываютъ, такъ, что взглянувъ снизу вверьхъ, видишь только одну зеленую гладкую гору) сошли мы въ пріятной садъ, украшенной мраморными фигурами и группами. Здѣсь гулялъ Фридрихъ съ своими Вольтерами и Даланбертами. Гдѣ ты теперь? думалъ я. Сажень земли вмѣстила прахъ твой. Любезныя мѣста твои, для украшенія которыхъ призывалъ ты лучшихъ художниковъ, теперь осиротѣли и пусты. — Изъ сада прошли мы въ паркъ, гдѣ встрѣчается глазамъ Японской домикъ на лѣвой сторонѣ

главной алеи; а далѣе, перешедши черезъ каменной мостъ, видишь на обѣихъ сторонахъ прекрасные храмики. Мы прошли къ *новому дворцу*, построенному покойнымъ Королемъ со всею царскою пышностію. Внутренность еще великолѣпнѣе внѣшности; и дивясь богатству, дивишься и вкусу, которой видѣнъ въ уборѣ комнатъ. Болѣе шести милліоновъ талеровъ стоилъ Королю сей дворецъ. — Правда, я былъ тутъ не въ такомъ расположеніи, въ какомъ надобно разсматривать пышныя произведенія искусствъ. Кровь моя волновалась, голова болѣла, и я насилу могъ ходить. Оставивъ дворецъ, поѣхали мы назадъ въ городъ, чтобы отдохнуть нѣсколько въ томъ трактирѣ, гдѣ обѣдали.

День склонялся къ вечеру, и надобно было думать о возвращеніи. Вода съ виномъ освѣжила ме-

ня, и мы поѣхали назадъ въ Берлинъ по Шарлотенбургской дорогѣ. Мнѣ хотѣлось видѣть сей городокъ. Товарищъ мой путь не ѣзжалъ; но всѣ увѣряли насъ, что намъ не льзя сбиться съ дороги. Чѣмъ далѣе ѣхали мы, тѣмъ хуже мнѣ становилось. Разъ шесть сходилъ я съ лошади и отдыхалъ на травѣ. Ночь застала насъ въ большомъ лѣсу. Наконецъ я такъ ослабѣлъ, что не могъ ни ѣхать, ни итти пѣшкомъ, и какъ полумертвой лежалъ подъ деревомъ съ закрытыми глазами. Въ лѣсу царствовала глубокая тишина. Товарищъ мой стоялъ подлѣ меня, держа обѣихъ лошадей, и горевалъ, не зная, какъ мнѣ помочь. Однимъ словомъ, насъ можно было въ эту минуту изобразить на одномъ изъ тѣхъ эстамповъ, которыми украшаются модные романы! Я вздумалъ-было искать по близости какого нибудь селенія, нанять не-

лѣгу и везти меня въ Берлинъ; но какъ же было остаться мнѣ одному ночью, въ лѣсу и въ такой слабости? Пруссія не Аркадія, и нашъ вѣкъ не золотой: меня могли ограбить, а со мною было все мое богатство. Наконецъ, черезъ часъ, я всталъ, и пожавъ руку у моего любезнаго товарища, сказалъ ему, что мнѣ лучше. Съ версту прошли мы пѣшкомъ, и сѣли на лошадей. Смертельная жажда томила меня, и за стаканъ воды отдалъ бы я половину своихъ червонцевъ. Шарлоттенбургъ былъ отъ насъ еще не близко. Нѣсколько разъ надѣялись мы видѣть его, подъѣзжали и видѣли— лѣсъ и мракъ. Наконецъ пріѣхали въ городъ; и съ жадностію, какой еще никогда въ жизни своей не чувствовалъ, лилъ я въ себя холодную воду. До Берлина оставалась одна миля. Мнѣ хотѣлось какъ нибудь добраться до мѣста, и мы въѣхали въ алею звѣринца.

Луна взошла надъ нами; ясной свѣтъ ея разливался по зелени листьевъ; тихой и чистой воздухъ упитанъ былъ благовонными испареніями липъ. И я могъ жаловаться въ сіи минуты — тогда, какъ мать Природа дышала ароматами вокругъ меня? Эта ночь оставила во мнѣ какія-то романическія, пріятныя впечатлѣнія. — Городскія ворота были уже затворены; однакожь насъ впустили.

Нынѣ поутру всталъ я совершенно здоровъ, одѣлся и поѣхалъ къ Господину М**. Онъ повезъ меня къ Формею, Секретарю Берлинской Академіи, которой принялъ насъ ласково. Сей старикъ все еще бодръ и веселъ. Онъ читалъ намъ письмо, полученное имъ изъ П* отъ своего родственника, которой всякую недѣлю пишетъ къ нему, и не щадя бумаги. „Не повѣрите, съ какимъ удовольствіемъ я все это читаю!" сказалъ

онъ. Г. Формей былъ знакомъ съ Вольтеромъ, и разсказывалъ намъ нѣкоторые анекдоты касательно до его пребыванія въ Берлинѣ. — Въ слѣдующій четвертокъ будетъ собраніе въ Берлинской Академіи, въ которое угодно было Господину Формею пригласить меня. Мы поѣхали къ зятю его, Господину М*, Профессору, содержателю большаго пансіона и также Члену Академіи. Онъ показывалъ намъ минеральной кабинетъ и библіотеку сестры покойнаго Короля, состоящую изъ Французскихъ, Англійскихъ, Италіянскихъ и Нѣмецкихъ книгъ — Философовъ, Историковъ и Поэтовъ. — Послѣ обѣда я былъ у Графа Н*; объ немъ ни слова! Говорятъ, что онъ въ старину имѣлъ имя остроумнаго человѣка въ свѣтѣ. Австрійскій Посолъ, Князь Р*, бывшій у него въ гостяхъ, казался мнѣ ласковѣе хозяина.

Я поѣхалъ въ Оперу. Оперной домъ великъ и очень хорошъ. Тутъ видѣлъ я всю Королевскую фамилію и Штатгальтершу съ дочерью. Играли Оперу Медею, въ которой пѣла Тоди. Я слышалъ эту славную пѣвицу еще въ Москвѣ, и скажу — можетъ быть къ стыду своему—что ея пѣніе мало трогаетъ мое сердце. Для меня не пріятно видѣть напряженіе, съ которымъ она поетъ. Впрочемъ, будучи только любителемъ музыки, не могу цѣнить искусства ея. Что принадлежитъ до декорацій, то онѣ были великолѣпны. —

Іюля 5.

Нынѣ былъ я у старика Рамлера, Нѣмецкаго Горація. Самой почтенной Нѣмецъ! Ваши сочиненія, сказалъ я ему, почитаются у насъ классическими. Ему пріятно

было слышать, что и въ Россiи читаютъ его стихи и знаютъ ихъ цѣну. Рамлеръ напитался духомъ древнихъ, а особливо Латинскихъ Поэтовъ. Въ Одахъ его есть истинные восторги, высокое паренiе мыслей и языкъ вдохновенiя. Только иногда присвоиваетъ онъ себѣ и чужiе восторги, и заимствуетъ огонь у Горацiя или другихъ древнихъ Поэтовъ — правда, всегда искуснымъ образомъ. Теперь онъ уже прожилъ вѣкъ Поэзiи. Въ новыхъ его пiесахъ надобно удивляться круглости, чистотѣ и гармонiи, т. е. искусству его въ механизмѣ стихотворства; но въ нихъ нѣтъ уже пiитическаго жара, которой всегда съ лѣтами проходитъ. Кажется, что онъ самъ это чувствуетъ, и потому нынѣ мало сочиняетъ. Главное его упражненiе съ нѣкотораго времени состоитъ въ переводахъ Римскихъ Поэтовъ, въ которыхъ почти все-

гда соблюдаетъ мѣру оригинала. Сіи піесы, печатаемыя въ Берлинскомъ Журналѣ, могутъ служить примѣромъ въ искусствѣ переводить. „Теперь, сказалъ онъ мнѣ, принялся я за Марціала. Только немногія изъ его эпиграммъ были до сего времени извѣстны на Нѣмецкомъ языкѣ. Самъ Лессингъ перевелъ нѣкоторыя, не упоминая Марціалова имени.“ — Еще при жизни Геснеровой началъ онъ перекладывать въ стихи его Идилліи. „Я подражаю Сократу — писалъ онъ къ Автору, своему другу — которой въ старости своей перелагалъ въ стихи Езоповы басни.“ Искусные Критики не довольны трудомъ его. Легкость и простота Геснерова языка, говорятъ они, пропадаетъ въ экзаметрахъ. Къ тому же въ Идилліяхъ Швейцарскаго Теокрита есть какая-то гармонія, которая не уступаетъ гармоніи стиховъ. Но Рам-

леръ думаетъ, и мнѣ сказалъ, что Геснеровы Идилліи были единственно потому несовершенны, что Авторъ писалъ ихъ не экзаметрами. — Стихи свои, еще въ рукописи, читаетъ онъ одной пріятельницѣ, которая, не будучи ученою, имѣетъ природное нѣжное *чувство изящнаго*. „Иногда, сказалъ онъ мнѣ, я спорю съ ней, когда она находитъ что нибудь противное въ моихъ піесахъ. *Говорите, что хотите*, отвѣчаетъ она: *я не могу опровергать васъ, но остаюсь при своемъ чувствѣ*. Наконецъ, подумавъ хорошенько, нахожу, что она права, и винюсь передъ нею."
— Мнѣ пришла на мысль Аспазія, которой Аѳинскіе пѣвцы отдавали на судъ свои творенія; ушамъ ея вѣрили они болѣе, нежели своимъ — и я думаю, что женщины вообще могутъ чувствовать нѣкоторыя красоты Поэзіи живѣе мущинъ. — Рамлеръ возстаетъ про-

тивъ Греческихъ мифологическихъ именъ, которыя Графъ Штолбергъ, Фосъ и другіе удерживали въ своихъ переводахъ. Мы уже привыкли къ Латинскимъ, говоритъ онъ: на что переучивать насъ безъ всякой нужды? — Онъ очень любитъ Театръ, и все, что я слышалъ отъ него объ искусствѣ представленія мнѣ очень полюбилось. Славной Экгофъ утверждалъ, что Актеру не надобно чувствовать для того, чтобы хорошо играть; естьли не ошибаюсь, то и Энгель въ своей Мимикѣ то же говоритъ: но Рамлеръ думаетъ противное, и, кажется, справедливѣе ихъ. Въ разговорѣ о Лейпцигскихъ Ученыхъ упомянулъ я о Вейсе. „Вейсе лучшій другъ мой,“ сказалъ онъ, и указалъ мнѣ на стѣнѣ портретъ его. — Наконецъ я простился съ нимъ, и онъ на память подарилъ мнѣ Оду, сочиненную имъ нынѣшнему Королю, или, лучше сказать,

кантатѣ; выбранной изъ псальмовъ.—Рамлеръ высокъ, худощавъ, долгоносъ; говоритъ отборно и протяжно.

Нынѣ представляли Донъ Карлоса, Шиллерову Трагедію. Нещастная любовь Принца къ его мачихѣ Елисаветѣ, которая прежде была его невѣстою, есть содержаніе сей Трагедіи. Характеръ Короля Филиппа II, о которомъ Исторія говоритъ столько худаго и добраго; которой, для истребленія ереси, проливалъ кровь человѣческую; но услышавъ о погибели флота своего, разсѣяннаго вѣтромъ и разбитаго Англичанами, равнодушно сказалъ: *Я послалъ его противъ Англичанъ, а не противъ вѣтровъ: буди воля Божія!* и сіе нещастіе перенесъ съ твердостію Героя — сей характеръ изображенъ съ великимъ искусствомъ. Благородной и пылкой въ страстяхъ своихъ Донъ Карлосъ тро-

гаетъ зрителя до глубины сердца. Великодушной МаркизъПоза, другъ Принцовъ, пробуждающій въ немъ ревность къ добродѣтели и къ героическимъ дѣламъ, которую усыпила нещастная страсть, представленъ Авторомъ въ примѣръ истинно-великаго мужа. Есть трогательныя и ужасныя сцены. — Короля игралъ Флекъ, и я еще болѣе увѣрился въ томъ, что онъ великой Актеръ. Маттаушъ, молодой человѣкъ, представлявшій Донъ Карлоса, довольно хорошо выражалъ живость и пылкость Принцова характера. Къ тому же онъ очень не дуренъ собою. Что принадлежитъ до роли Маркиза Позы, то Унцельманъ игралъ ее какъ-то очень бездушно. Ему гораздо свойственнѣе представлять въ *Ненависти къ людямъ* стараго Генерала, которой отъ скуки бьетъ мухъ, нежели важнаго Маркиза Позу. Ролю Королевы играла

очень слабо какая-то молодая Актриса. Гж. Унцельманъ трогательно представляла молодую Принцессу, влюбленную въ Принца. — Сія Трагедія есть одна изъ лучшихъ Нѣмецкихъ драматическихъ піесъ, и вообще прекрасна. Авторъ пишетъ въ Шекспировомъ духѣ. Есть только слишкомъ фигурныя выраженія (такъ какъ и у самого Шекспира), которыя хотя и показываютъ остроуміе Автора, однакожь въ Драмѣ не у мѣста.

Берлинъ, Іюля 6.

Веди меня къ Морицу, сказалъ я нынѣ поутру наемному своему лакею. — „А кто этотъ Морицъ?“ — Кто? Филиппъ Морицъ, Авторъ, Философъ, Педагогъ, Психологъ — — „Постойте, постойте! Вы мнѣ много насказали; на-

добно поискать его въ календарѣ подъ какимъ нибудь однимъ именемъ. И такъ (*вынувъ изъ кармана книгу*) и такъ онъ Философъ, говорите вы? Посмотримъ." — Простодушіе сего добраго человѣка, которой съ важностію переворачивалъ листы въ своемъ всезаключающемъ календарѣ, и непремѣнно хотѣлъ найти въ немъ роспись Философовъ, заставило меня смѣяться. Посмотри его лучше между Профессорами — сказалъ я — пока еще число любителей мудрости не извѣстно въ Берлинѣ. — *Карлъ Филиппъ Морицъ, живетъ въ* — — „Пойдемъ же къ нему."

Я имѣлъ великое почтеніе къ Морицу, прочитавъ его Anton Reiser, весьма интересную психологическую книгу, въ которой описываетъ онъ собственныя свои приключенія, мысли и чувства, и развитіе душевныхъ своихъ спо-

собности. Confessions de J. J. Rousseau, Stillings Jugendgeschichte и Anton Reiser, предпочитаю я всѣмъ систематическимъ Психологіямъ въ свѣтѣ.

Человѣку съ живымъ чувствомъ и съ любопытнымъ духомъ трудно ужиться на одномъ мѣстѣ; неограниченная дѣятельность души его требуетъ всегда новыхъ предметовъ, новой пищи. Такимъ образомъ Морицъ, накопивъ отъ Профессорскаго дохода своего нѣсколько луидоровъ, ѣздилъ въ Англію, а потомъ въ Италію, собирать новыя идеи и новыя чувства. Подробное и, можно сказать, оригинальное описаніе перваго путешествія его, которое издалъ онъ подъ титуломъ Reisen eines Deutschen in England, читалъ я съ великимъ удовольствіемъ. О путешествіи его по Италіи, откуда онъ недавно возвратился, Нѣмецкая Публика еще ничего не знаетъ.

Я представлялъ себѣ Морица — не знаю, по чему — старикомъ; но какъ же удивился, нашедши въ немъ еще молодаго человѣка лѣтъ въ тридцать, съ румянымъ и свѣжимъ лицемъ! — „Вы еще такъ молоды, сказалъ я, а успѣли уже написать столько прекраснаго!" Онъ улыбнулся. — Я пробылъ у него часъ, въ которой мы перебрали довольно разныхъ матерій.

„Ничего нѣтъ пріятнѣе, какъ путешествовать, говоритъ Морицъ. Всѣ идеи, которыя мы получаемъ изъ книгъ, можно назвать мертвыми въ сравненіи съ идеями очевидца. — Кто хочетъ видѣть просвѣщенной народъ, которой посредствомъ своего трудолюбія дошелъ до высочайшей степени утонченія въ жизни, тому надобно ѣхать въ Англію; кто хочетъ имѣть надлежащее понятіе о Древнихъ, тотъ долженъ видѣть Италію." — Онъ спрашивалъ меня

о нашемъ языкѣ, о нашей Литтературѣ. Я долженъ былъ прочесть ему нѣсколько стиховъ разной мѣры, которыхъ гармонія казалась ему довольно пріятною. „Можетъ быть придетъ такое время, сказалъ онъ, въ которое мы будемъ учиться и Рускому языку; но для этова надобно вамъ написать что нибудь превосходное.“ Тутъ невольной вздохъ вылетѣлъ у меня изъ сердца. Всѣмъ новымъ языкамъ предпочитаетъ онъ Нѣмецкой, говоря, что ни въ которомъ изъ нихъ нѣтъ столько *значительныхъ* словъ, какъ въ семъ послѣднемъ. Надобно сказать, что Морицъ есть одинъ изъ первыхъ знатоковъ Нѣмецкаго языка, и что можетъ быть никто еще не разбиралъ его такъ философически, какъ онъ. Весьма любопытны небольшія его піесы Uber die Sprache in psychologischer Rücksicht, которыя сообщаетъ онъ въ своемъ

Психологическомъ Магазинѣ. — „Намъ должно всегда *соединенными силами* искать истины, говоритъ онъ: она укрывается отъ *уединеннаго* искателя, и *утомленному* Философу часто призракъ истины кажется истиною.“ — Морицъ въ ссорѣ съ Кампе, славнымъ Нѣмецкимъ Педагогомъ, которой въ Вѣдомостяхъ разбранилъ его за то, что онъ вышелъ изъ связи съ нимъ, и не захотѣлъ болѣе печатать своихъ сочиненій въ его типографіи. „Я хотѣлъ отвѣчать ему въ такомъ же тонѣ, сказалъ Морицъ, и написалъ-было уже листа два; однакожь одумался, бросилъ въ огонь написанное, и хладнокровно предложилъ Публикѣ свое оправданіе.“ — Странныя вы люди! думалъ я: вамъ не льзя ужиться въ мирѣ. Нѣтъ почти ни одного извѣстнаго Автора въ Германіи, которой бы съ кѣмъ нибудь не имѣлъ публичной

ссоры; и Публика читаетъ съ удовольствіемъ бранныя ихъ сочиненія!— Adieu, Г. Профессоръ!—

Я хотѣлъ-было видѣть Энгеля, сочинителя *Свѣтскаго Философа* и *Мимики;* но, къ сожалѣнію, не засталъ его дома. Послѣ обѣда былъ на фарфоровой фабрикѣ, которая, по чистотѣ и твердости фарфора, есть одна изъ первыхъ въ Европѣ. Мнѣ показывали множество прекрасныхъ вещей, въ которыхъ надобно удивляться искусству рукъ человѣческихъ.

Въ Театрѣ представляли нынѣ Шредерову Familiengemählde — піесу, которая не сдѣлала во мнѣ никакого пріятнаго впечатлѣнія, можетъ быть отъ того, что ее худо играли — и Оперу *Два охотника*. Въ послѣдней ролю дѣвки молошницы играла та Актриса, которая въ Донъ Карлосѣ представляла Королеву: какое превращеніе! Однакожъ дѣвку молошни-

цу играетъ она лучше, нежели Королеву.

Берлинъ, Іюля 7.

Нравственность здѣшнихъ жителей прославлена отчасти съ худой стороны. Г. Ц*** называетъ Берлинъ Содомомъ и Гоморомъ; однакожъ Берлинъ еще не провалился, и Небесной гнѣвъ не обращаетъ его въ пепелъ. Въ самомъ дѣлѣ Г. Ц***, писавъ сіе, забылъ, что во всѣхъ семьяхъ бываютъ уроды, и что по симъ уродамъ не льзя заключать о всей семьѣ. Мудрено и людямъ считаться между собою въ добродѣтеляхъ или порокахъ, а городамъ еще мудренѣе. — Однимъ словомъ, естьли бы Г. Лейбъ-Медикъ и Кавалеръ былъ непристрастенъ; естьли бы *нѣкоторыя* люди въ Берлинѣ не зацѣпили его за живое, то бы

онъ конечно не заговорилъ такимъ не-философскимъ, для Космополита и Филантропа оскорбительнымъ языкомъ.

Говорятъ, что въ Берлинѣ много распутныхъ женщинъ; но естьли бы Правительство не терпѣло ихъ, то оказалось бы, можетъ быть, болѣе распутства въ семействахъ — или надлежало бы выслать изъ Берлина тысячи солдатъ, множество холостыхъ, праздныхъ людей, которые конечно не по Руссовой системѣ воспитаны, и которые по своему состоянію не могутъ жениться.

Мнѣ сказывали, что однажды ввечеру въ звѣринцѣ развращенныя Берлинскія Вакханты какъ Фуріи бросились на одного нещастнаго Орфея, которой уединенно гулялъ въ темнотѣ алей; отняли у него деньги, часы, и сорвали бы съ него самое платье, естьли бы подошедшія люди не принудили ихъ раз-

бѣжаться. Но когда бы разсказали мнѣ и тысячу такихъ анекдотовъ, то я все не предалъ бы анаѳемѣ такого прекраснаго города, какъ Берлинъ.

Въ похвалу Берлинскихъ гражданъ говорятъ, что они трудолюбивы, и что самыя богатыя и знатныя люди не расточаютъ денегъ на суетную роскошь, и соблюдаютъ строгую экономiю въ столѣ, платьѣ, экипажѣ, и проч. Я видѣлъ старика Ф***, ѣдущаго верьхомъ на такой лошади, на которой бы, можетъ быть, и я постыдился ѣхать по городу, и въ такомъ кафтанѣ, которой сшитъ конечно въ первой половинѣ текущаго столѣтiя. Нынѣшнiй Король живетъ пышнѣе своего предшественника; однако жь окружающiе его держатся по большой части старины. — Въ публичныхъ собранiяхъ бываетъ много хорошо

одѣтыхъ молодыхъ людей; въ уборѣ Дамъ видѣнъ вкусъ.

Берлинъ, Іюля 8.

Естьли бы изъ народной брани можно было заключать о народномъ характерѣ, то бы изъ schwer Noth (*), любимаго Нѣмецкаго слова, путешественникъ заключилъ, что въ Нѣмцахъ много желчи; но что бы тогда должно было заключить изъ любимой брани нашего народа?

Здѣсь стоятъ на улицахъ наемныя кареты, такъ какъ у насъ извощичьи дрожки или сани. За восемь грошей — что по нынѣшнему курсу составитъ 40 копѣекъ — можно ѣхать въ городѣ куда угодно, только въ одно мѣсто. Карета и лошади очень изрядны.

(*) Т. е. падучая болѣзнь.

Справедливо говорятъ, что путешественнику надобно всегда останавливаться въ первыхъ трактирахъ, не только для лучшей услуги, но и для самой экономіи. Тамъ есть всему опредѣленная цѣна, и лишняго ни съ кого не потребуютъ; а въ худыхъ трактирахъ стараются взять съ васъ какъ можно болѣе, есть ли примѣтятъ, что въ кошелькѣ вашемъ есть золото. У Г. Блума плачу я за обѣдъ, которой состоитъ изъ четырехъ блюдъ, 80 коп., за порцію кофе 15 коп., а за комнату въ день 50 коп. Наемной лакей всегда благодарилъ меня, когда я давалъ ему въ день полтину.

Нынѣ счелъ я, что дорога отъ Кенигсберга стоитъ мнѣ не болѣе пятнадцати червонныхъ. На ординарной почтѣ платятъ за милю 6 грошей или 30 копѣекъ; сверьхъ того надобно давать постилліонамъ на вино.

За двѣ мили отъ Дрездена,
10 Іюля, 1789.

И такъ вашъ другъ уже въ Саксоніи!—Осьмаго числа отправилъ я къ вамъ свой пакетъ изъ Берлина, и думалъ еще пробыть тамъ по крайней мѣрѣ недѣлю; но l'homme propose, Dieu dispose. Въ тотъ же вечеръ стало мнѣ такъ грустно, что я не зналъ, куда дѣваться. Бродилъ по городу, нахлучивъ себѣ на глаза шляпу, и тростью своею считалъ на мостовой камни; но грусть въ сердцѣ моемъ не утихала. Прошелъ въ звѣринецъ, переходилъ изъ алеи въ алею, но мнѣ все было грустно. Что же дѣлать? спросилъ я самъ у себя, остановясь въ концѣ длинной липовой алеи, приподнявъ шляпу и взглянувъ на солнце, которое въ тихомъ величествіи сіяло на западѣ. Минуты двѣ искалъ я отвѣта на лазуревомъ небѣ и въ душѣ своей; въ

третью нашелъ его: — сказалъ: *поѣдемъ далѣе!* и тростью своею провелъ на пескѣ длинную змѣйку, подобную той, которую въ *Тристрамѣ Шанди* начертилъ Капралъ Тримъ (vol. VI. chap. XXIV), говоря о пріятностяхъ свободы. Чувства наши были конечно сходны. Такъ, добродушной Тримъ! nothing can be so sweet as liberty (*), думалъ я, возвращаясь скорыми шагами въ городъ; и кто еще не запертъ въ клѣтку — кто можетъ, подобно птичкамъ небеснымъ, быть здѣсь и тамъ, и тамъ и здѣсь — тотъ можетъ еще наслаждаться бытіемъ своимъ, и можетъ быть щастливъ, и долженъ быть щастливъ.

И такъ, не дожидаясь торжественнаго собранія Берлинской Академіи, рѣшился я на другой день

(*) Т. е. ничего не можетъ быть пріятнѣе свободы.

ѣхать. Мнѣ надлежало бы еще побывать у Гр. К*, которая звала меня къ себѣ черезъ Господина М*; однакожъ и это не могло меня остановить. — Вечеръ провелъ я очень пріятно съ любезнымъ Д*, а на другой день по утру, уклавъ свой чемоданъ и расплатясь съ Господиномъ Блумомъ, отправился въ Саксонію — на ординарной почтѣ, въ открытой коляскѣ, съ двумя Студентами и однимъ молодымъ Лейпцигскимъ купцомъ.

Съ другой перемѣны поѣхалъ я на такъ называемой экстренной почтѣ. Въ проклятой Нѣмецкой фурѣ такъ растрясло меня, что и теперь чувствую боль въ груди. Сверьхъ того остался у меня на щекѣ рубецъ, и я долженъ еще благодарить Судьбу, что глаза мои цѣлы. Надобно знать, что дорога къ Саксонскимъ границамъ идетъ по большой части лѣсомъ; а какъ почтовая коляска открыта и очень

высока, что сидящіе въ ней безпрестанно должны нагибаться, чтобы не зацѣпиться головою за дерева. Ввечеру я задремалъ, и схватилъ отъ какого-то вѣтьвистаго дерева такую пощечину, что у меня искры изъ глазъ посыпались. Все это вмѣстѣ заставило меня проститься съ веселыми Студентами.

Экстренная почта стоитъ почти вчетверо дороже ординарной. Мнѣ даютъ пару лошадей съ колясочкою, и берутъ съ меня за милю по талеру (120 коп).

Саксонскіе постилліоны отмѣнны отъ Прусскихъ только цвѣтомъ своихъ кафтановъ (на послѣднихъ синіе съ краснымъ воротникомъ, а на первыхъ желтые съ голубымъ); впрочемъ они такъ же жалѣютъ своихъ лошадей, также любятъ пить въ корчмахъ, и такъ же грубы.

Дороги въ Саксоніи очень дурны,

и отъ Берлина до сего мѣста не встрѣчалось глазамъ моимъ ни одного пріятнаго вида; только земля здѣсь, кажется, лучше обработана, нежели въ Брандсибургѣ. По крайней мѣрѣ извѣстно то, что Саксонскіе земледѣльцы вообще гораздо богатѣе Прусскихъ.

Я долженъ описать вамъ одну встрѣчу, которая оставила во мнѣ пріятныя впечатлѣнія.

Въ мѣстечкѣ или въ маленькомъ городкѣ, гдѣ я нынѣ въ полдень перемѣнялъ лошадей, Почтмейстеръ не отправлялъ меня очень долго. Я прохаживался по двору, и думалъ — не знаю, о чемъ. Знаю только, что стукъ коляски, подъѣхавшей къ крыльцу почтоваго дома, перервалъ нить моихъ мыслей. Я взошелъ на крыльцо, и увидѣлъ молодую, прекрасную, нѣжную, бѣлокурую женщину, — въ маленькой черной шляпкѣ, въ Амазонскомъ зеленомъ платьѣ, съ

бѣлымъ платкомъ въ рукахъ, — вышедшую изъ коляски съ пожилымъ, горбатымъ, долгоносымъ мущиною, котораго изображеніе было бы не послѣднею піесою между Гогардскими каррикатурами. Онъ подалъ ей руку, и когда они проходили мимо меня, я снялъ шляпу и поклонился красавицѣ, — правда, не очень низко, для того, чтобы ни на секунду не выпустить изъ глазъ прелестей лица ея. Надобно думать, что взоръ мой стоилъ комплимента: на меня взглянули умильно, и даже ласково! Почтмейстеръ встрѣтилъ гостей въ сѣняхъ, отвелъ имъ комнату, и самъ побѣжалъ за ключевою водою, въ которой имѣла нужду красавица для освѣженія своихъ прелестей. Дверь затворилась, и я остался одинъ въ сѣняхъ. Но развѣ эта дверь не отворяется! вздумалъ я, и тихонько отворилъ ее. Красавица стояла передъ зерка-

ломъ, и бѣлымъ платкомъ отирала пыль съ бѣлаго лица своего; а сопутникъ ея сидѣлъ на креслахъ и зѣвалъ. Извините, сказалъ я: у меня здѣсь осталась книга. Горбатой кавалеръ кивнулъ головою, и указалъ мнѣ книгу мою, которая лежала на столѣ. Красавица отворотилась отъ зеркала, и взглянула на меня такими быстрыми, проницательными глазами, что я вѣрно бы закраснѣлся, естьли бы у меня что нибудь дурное было на мысли; но я съ спокойствіемъ невинности смотрѣлъ на ея прекрасные голубые глаза, на ея правильной Греческой носъ, на ея розовыя губы и щеки, и любовался прелестями ея такъ, какъ молодой ваятель любуется Микель-Анджеловою статуею, или живописецъ Рафаелевою картиною. — Красавица сѣла, а я стоялъ противъ нее, и все еще не бралъ своей книги. „День очень жарокъ," —

сказала она пріятнымЪ голосомЪ, взглянувЪ на своего сопутника и на меня. ОнЪ зѣвнулЪ, а я повторилЪ ся слова: „день очень жарокЪ." ТушЪ послѣдовало молчаніе. Зная, что женщины вЪ *рѣшительныхъ* случаяхЪ жизни никогда не говорятЪ перваго слова, я спросилЪ наконецЪ: „не вЪ ДрезденЪ ли вы ѣдете, сударыня?" — „НѣтЪ, отвѣчала она: мы ѣдемЪ вЪ деревню кЪ своему пріятелю. А вы конечно сами вЪ ДрезденЪ ѣдете?" — ТакЪ, сударыня: я надѣюсь бынь тамЪ завтра очень рано. — „Вы конечно иностранецЪ, естьли смѣю спросить?" — ТакЪ, сударыня. — „Конечно АнгличанинЪ? потому что Англичане хорошо говорятЪ по-Нѣмецки." — Извините, сударыня: я МосковитянинЪ. — „МосковитянинЪ? АхЪ, Боже мой! я еще отЪ роду не видывала МосковитянЪ." — А я видалЪ, сказалЪ горбатой кавалерЪ,

и началъ снова зѣвать. — „Да скажите пожалуйте, какъ вы къ намъ заѣхали?“ — Изъ любопытства, сударыня. — „Надобно, чтобы вы были очень любопытны. Вѣдь вы конечно оставили въ отечествѣ своемъ много любезнаго?“ — Много, сударыня, много: я оставилъ отечество и друзей. — Не знаю, до чего бы мы съ нею договорились, естьли бы не пришелъ Почтмейстеръ съ водою, и не сказалъ мнѣ, что коляска моя готова. Я низко поклонился красавицѣ, а она пожелала мнѣ щастливаго пути. — „И только?“ — Чтожь дѣлать! Не хочу лгать.

Прекрасной лужекъ, прекрасная рощица, прекрасная женщина — однимъ словомъ, все прекрасное меня радуетъ, гдѣ бы и въ какомъ бы видѣ ни находилъ его. Образъ милой Саксонки остался въ моихъ мысляхъ, къ украшенію картинной галлереи моего воображенія. —

На сей послѣдней перемѣнѣ я рѣшился ночевать. Теперь бьетъ 10 часовъ. Въ четыре меня разбудятъ.

Дрезденъ, 12 Іюля.

Утро было прекрасное; птички пѣли, и молодые олени играли на дорогѣ. Тутъ вдругъ открылся мнѣ Дрезденъ, на большой долинѣ, по которой течетъ кроткая Эльба. Зеленые холмы на одной сторонѣ рѣки, и величественной городъ, и обширная плодоносная долина, составляютъ великолѣпной видъ. — Съ пріятными чувствами въѣхалъ я въ Дрезденъ, и при первомъ взглядѣ показался онъ мнѣ огромнѣе самаго Берлина.

Я остановился въ трактирѣ на почтовомъ дворѣ, и, одѣвшись, пошелъ къ Господину П*, къ которому было у меня письмо изъ Москвы. Онъ принялъ меня очень

ласково, и вызвался-было доставить мнѣ пріятныя знакомства въ Дрезденѣ; но какъ я пробуду здѣсь не болѣе трехъ дней, и слѣдственно не буду имѣть времени пользоваться знакомствами, то мнѣ оставалось только благодарить его за добрую волю. Мы пошли съ нимъ ходить по городу.

Дрезденъ едва ли уступаетъ Берлину въ огромности домовъ; но только улицы здѣсь гораздо тѣснѣе. Жителей считается въ Дрезденѣ около 35000: очень не много по обширности города и величинѣ домовъ! Правда, что на улицахъ и немного людей встрѣчается; и на рѣдкомъ домѣ не прибито обЪявленія объ отдачѣ въ наемъ комнатъ. За двѣ или за три порядочно убранныя горницы платятъ здѣсь въ мѣсяцъ не болѣе семи или осьми талеровъ. — Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ города видны еще слѣды опустошенія,

произведеннаго въ Дрезденѣ Прусскими ядрами въ 1760 году. — Съ часъ стоялъ я на мосту, соединяющемъ такъ называемой *новой городъ* съ Дрезденомъ, и не могъ насытиться разсматриванiемъ прiятной картины, которую образуютъ обѣ части города и прекрасные берега Эльбы. — Сей мостъ, длиною въ 670 шаговъ, считается лучшимъ въ Германiи; на обѣихъ сторонахъ сдѣланы ходы для пѣшихъ и мѣста для отдохновенiя.

Господинъ П* хотѣлъ, чтобы я у него обѣдалъ. Вы увидите мое семейство, сказалъ онъ. Насъ встрѣтила женщина лѣтъ въ сорокъ, почтеннаго вида, и молодая дѣвушка лѣтъ въ двадцать, не прекрасная, но миловидная и нѣжная. Вотъ все мое семейство! сказалъ мнѣ Господинъ П* — и я поцѣловалъ руку у той и другой. Обѣдъ былъ самой умѣренной, од-

накожь и не голодной. Хозяинъ и хозяйка разспрашивали меня о Госсіи, и вопросы ихъ были такъ умны, что отвѣты не приводили меня въ затрудненіе. Господинъ П* хотя и не есть Ученой, однакожь много читалъ; и за бутылкою стараго Реинскаго вина, которую принесла намъ сама хозяйка, говорилъ съ великимъ жаромъ о твореніяхъ нѣкоторыхъ Нѣмецкихъ Поэтовъ. Миловидная Шарлота по большой части молчала, но взоры и улыбки ея были красноречивы. Послѣ обѣда она играла на клавесинѣ, хотя въ Нѣмецкомъ вкусѣ, однакожь не безъ пріятности. — Отъ нихъ пошелъ я въ славную картинную галлерею, которая почитается одною изъ первыхъ въ Европѣ. Я былъ тамъ три часа, но на многія картины не успѣлъ и глазъ оборотить; не три часа, а нѣсколько мѣсяцевъ надобно на то, чтобы хоро-

тенько осмотрѣть сію галлерею. Я разсматривалъ со вниманіемъ Рафаелову (*) Марію (которая

(*) Рафаель, глава Римской школы, признанъ единогласно первымъ въ своемъ искусствѣ. Никто изъ живописцевъ не вникалъ столько въ красоты антиковъ, никто не учился Анатоміи съ такою прилѣжностію, какъ Рафаель — и потому никто не могъ превзойти его въ рисовкѣ. Но знанія, которыя симъ средствомъ пріобрѣлъ онъ въ формѣ человѣческой, не сдѣлали бы его такимъ великимъ живописцемъ, естьли бы Натура не одарила его творческимъ духомъ, безъ котораго живописецъ есть ничто иное, какъ бѣдной копистъ. Небесный огнь оживляетъ черты кисти его, когда онъ изображаетъ Божество; въ чертахъ Героевъ его видно непобѣдимое мужество; въ образѣ Венеры или Роксаны умѣлъ онъ соединить всѣ женскія прелести, въ образѣ Маріи красоту, невинность и святость.

держитъ на рукахъ Младенца, и передъ которою стоятъ на колѣняхъ Св. Сикстусъ и Варвара); Корреджіеву (*) *ночь*, о которой

Лица Тирановъ, имъ изображенныя, приводятъ въ ужасъ; въ лицахъ мучениковъ его надобно удивляться живымъ чертамъ небеснаго терпѣнія. — Правда, что картины его неравной цѣны; послѣднія несравненно превосходнѣе первыхъ. Преображеніе Христово считается лучшимъ его произведеніемъ. — Сей великой художникъ скончалъ жизнь свою преждевременно, отъ чрезмѣрной склонности къ женскому полу, склонности, которая вовлекла его въ распутство. Онъ родился въ Урбино въ 1483, а умеръ въ Римѣ въ 1520 году.

(*) Корреджіо, первой Ломбардской живописецъ, почти безъ всякаго руководства достигъ до высочайшей степени совершенства въ своемъ искусствѣ, не выѣзжавъ никогда изъ своего отечества, и не видавъ почти никакихъ хорошихъ картинъ, ниантиковъ.

столько писано и говорено было, и въ которой наиболѣе удивляюпі-

Кисть его ставится въ примѣръ нѣжности и пріятности. Рисовка не совсѣмъ правильна, однакожь искусна; головы прекрасны, а краски несравненны. Нагое тѣло писалъ онъ весьма живо, а лица его говорятъ. Однимъ словомъ, картины его отмѣнно милы даже и для незнатоковъ; и естьли бы Корреджіо видѣлъ всѣ прекрасныя творенія искусства въ Римѣ и въ Венеціи, то онъ былъ бы конечно правильнѣе въ рисовкѣ, и превзошелъ бы, можетъ быть, самого Рафаеля.—Всю жизнь свою провелъ онъ въ бѣдности, былъ скроменъ, доволенъ малымъ и человѣколюбивъ. Причина его смерти достойна замѣчанія. Продавъ въ Пармѣ одну картину свою, взялъ онъ за нее мѣшокъ мѣдныхъ денегъ и пошелъ съ нимъ пѣшкомъ въ Корреджіо. День былъ жарокъ, и ему надлежало перейти четыре мили. Радуясь тому, что полученными деньгами можетъ на нѣкоторое вре-

ся смѣси свѣта со тьмою; Микель-Анджелову (*) картину, пред-

мя вывести изъ нужды семейство свое, не чувствовалъ онъ усталости; но пришедши домой, занемогъ горячкою, которая черезъ нѣсколько дней скончала жизнь его. Онъ родился въ 1532, а умеръ въ 1588 году.

(*) Микель-Анджело былъ великой Архитекторъ, живописецъ и рѣщикъ. Построенный имъ куполъ церкви Св. Петра служитъ доказательствомъ искусства его въ Архитектурѣ. Что принадлежитъ до картинъ его, то онѣ не столько пріятны, сколько удивительны; для того что онъ всегда хотѣлъ представлять трудное и чрезвычайное. Зная хорошо Анатомію, старался онъ слишкомъ сильно означать мускулы въ своихъ фигурахъ; а тѣло писалъ всегда кирпичнаго цвѣта. Но естьли Микель-Анджело не первой живописецъ по своей кисти, то едва ли кто нибудь превзошелъ его въ рисовкѣ. — Въ Скульптурѣ былъ онъ, кажет-

ставляющую осужденнаго на смерть человѣка, и вдали городъ;

ся, еще искуснѣе. Его Купидонъ, Бахусъ и молодой Сатиръ, считаются лучшими твореніями сего художества. — Микель-Анджело былъ остроуменъ. Когда Папа Юлій спросилъ у него съ неудовольствіемъ, для чего онъ въ писанныхъ имъ картинахъ изъ Ветхаго Завѣта не употребилъ золота, по примѣру старинныхъ живописцевъ: то онъ съ покорнымъ видомъ отвѣчалъ, что святые мужи, имъ изображенные, считали блескъ одежды за ложное украшеніе человѣка. Желая дать знать Рафаелю, что онъ видѣлъ въ Фарнезскихъ палатахъ картину его, Галатею, начертилъ онъ углемъ на стѣнѣ фаунову голову, которую и нынѣ тамъ показываютъ. Рафаель, увидѣвъ ее, сказалъ, что никто, кромѣ Микеля-Анджело, не могъ начертить такой головы. — Показывая Микель-Анджелову картину распятія Христова, разсказываютъ всегда, будто

картины Юлія Романа (*): Папа, которой учить на флейтѣ молодаго пастуха; играющую Цецилію, окруженную Святыми, и проч.—

что бы онъ, желая естественнѣе представить умирающаго Спасителя, умертвилъ человѣка, которой служилъ ему моделью; но анекдотъ сей совсѣмъ невѣроятенъ. — Онъ родился въ 1474, а умеръ въ 1564 году.

(*) Юлій Романъ, лучшій Рафаеловъ ученикъ, имѣлъ плодотворное воображеніе, и былъ весьма искусенъ въ рисовкѣ. Всѣ фигуры его вообще очень хороши. Только жаль, что онъ слѣдовалъ антикамъ болѣе, нежели Натурѣ! Можно сказать, что рисунки его слишкомъ правильны, и отъ того всѣ его лица слишкомъ единообразны. Тѣло писалъ онъ кирпичнаго цвѣта, такъ какъ Микель-Анджело, и краски его вообще темны. Онъ родился въ 1492, а умеръ въ 1546 году.

Веронезовы (*): воскресеніе, похищеніе Европы, и проч. — Карач-

(*) Картины Павла Веронеза превосходны по живости и пріятности фигуръ, и по свѣжести красокъ. Натура была образцемъ его; однакожь, какъ великой художникъ, умѣлъ онъ исправлять ея недостатки. — Между прочимъ разсказываютъ объ немъ слѣдующій анекдотъ. Однажды, въ окрестностяхъ Венеціи, застала его на дорогѣ буря съ дождемъ, и онъ принужденъ былъ требовать убѣжища въ загородномъ домѣ Прокуратора Пизани, который принялъ его такъ ласково и дружелюбно, что живописецъ не могъ выѣхать отъ него нѣсколько дней. Въ то время написалъ онъ тихонько Даріеву фамилію (картину, на которой изображены двадцать фигуръ во весь ростъ) и спряталъ ее подъ кровать; а прощаясь съ хозяиномъ, сказалъ ему, что онъ оставилъ тамъ нѣчто въ знакъ своей благодарности за его угощеніе. —

чіевы (*): Генія славы, летящаго по воздуху; Марію со младенцемъ, Матѳеемъ и Іоанномъ, и проч. — Тинторетовы (**): Аполлона съ

Онъ родился въ 1532, а умеръ въ 1588 году.

(*) Немногіе изъ живописцевъ имѣли такое плодотворное воображеніе, какъ Аннибалъ Караччи, и немногіе превзошли его въ рисовкѣ; а въ послѣднихъ его картинахъ, писанныхъ въ Римѣ, и самыя краски очень хороши. Лучшее произведеніе его кисти есть Фарнезская галлерея въ Римѣ, надъ которою онъ восемь лѣтъ трудился, и за которую заплатили ему весьма худо, для того, что у него было много завистниковъ и непріятелей. Онъ родился въ 1560, а умеръ въ 1609 году. Его погребли подлѣ Рафаеля, котораго онъ любилъ болѣе всѣхъ живописцевъ.

(**) Тинторетъ, Венеціянской живописецъ, старался въ своихъ картинахъ соединить вкусъ Микелл-Ан-

Музами, паденіе Ангеловъ, и проч. — Бассановы (*): Израильской народъ въ пустынѣ, Ноево семейство, и проч. — Джіордановы (**):

джело съ Тиціановымъ: т. е. первому подражалъ онъ въ рисункахъ, а второму въ краскахъ. (Тиціанъ считается первымъ колористомъ въ свѣтѣ). Картины его весьма неравной цѣны, и потому говорили объ немъ, что онъ пишетъ иногда золотою, иногда серебряною, а иногда желѣзною кистію. Онъ родился въ 1512, а умеръ въ 1594 году.

(*) Въ Бассановыхъ картинахъ надобно удивляться живости красокъ; а въ рисовкѣ былъ онъ не весьма искусенъ, подобно всѣмъ Венеціянскимъ живописцамъ. Тѣло писалъ очень живо, а платье не хорошо. Ландшафты его прекрасны. — Онъ родился въ 1570, а умеръ въ 1592 году.

(**) Во всѣхъ Джіордановыхъ картинахъ видна отмѣнная легкость ки-

похищеніе Сабинокъ, умирающаго Сократа, Сусанну въ купальнѣ, и проч. — Розовы (*) : собственной его портретъ и ландшафтъ съ деревьями, гдѣ сидящій старикъ

сти; но какъ онъ писалъ слишкомъ много, то почти всѣ картины его не додѣланы, и вообще рисовка не очень правильна. Главною его моделью былъ Павелъ Веронезъ; но онъ умѣлъ подражать всѣмъ лучшимъ живописцамъ, такъ что самые знатоки иногда обманывались, и принимали его подражаніе за оригиналъ. — Онъ родился въ Неаполѣ въ 1632, а умеръ въ 1705 году.

(*) Салваторъ Роза, Неаполитанской живописецъ, писалъ лучше ландшафты, нежели историческія картины. Фигуры его по большой части неправильны; однакожь въ нихъ видна смѣлая кисть и отмѣнная живость. Дерева, горы и вообще всякіе виды писалъ онъ прекрасно. Онъ родился въ 1615, а умеръ въ 1673 году.

говоритъ съ двумя стоящими — Пусеневы (*): Ноево жертвоприношеніе, ландшафтъ съ двумя сидящими нимфами и съ Нарциссомъ, которой смотрится въ воду, и еще другой, гдѣ спитъ нагая Нимфа, которую разсматриваютъ изъ-за дерева двое мущинъ — Рубенсовы (**): сидящую Марію съ

(*) Въ картинахъ Николая Пуссеня, славнаго Французскаго живописца, видны высокія мысли и живое выраженіе страстей; рисовка его правильна, но краски не очень хороши. Въ семъ подобенъ онъ Римскимъ живописцамъ, которые вообще не уважаютъ колорита. Ландшафты его прекрасны. Онъ родился въ 1594, а умеръ въ 1663 году.

(**) Рубенсъ по справедливости называется Фландрскимъ Рафаелемъ. Какой піитической духъ виденъ въ его картинахъ! какія богатыя мысли! какое согласіе въ цѣломъ! какія живыя краски, лица, платья! Онъ никакъ не хотѣлъ подражать анти-

Младенцемъ, которому Ангелы подаютъ плоды; страшный Судъ, Христа спящаго на кораблѣ во время бури, похищеніе Прозерпины, пьянаго Силена съ Нимфами, Венеру съ Адонисомъ, наказываемаго Купидона, котораго одна женщина держитъ на рукахъ, а другая сѣчетъ лозою; Нептуна, укрощающаго море, и проч. — Фанъ

камъ, и писалъ все съ натуры. Къ совершенству его картинъ не достаетъ только той правильности въ рисовкѣ, которою славится Римская школа. — Рубенсъ способенъ былъ не только къ живописи, но и къ важнымъ государственнымъ дѣламъ, и будучи Посланникомъ въ Англіи, умѣлъ согласить Карла I на миръ съ Гишпаніею. Возвратясь во Фландрію, женился онъ на Еленѣ Форманъ, славной красавицѣ, которая часто служила ему моделью. Онъ родился въ 1577, а умеръ 1640 году.

Диковы (*) изображенія Королей Карла II и Якова II; Іеронима, у ногъ котораго лежитъ левъ, и проч. — и наконецъ Менгсовы, которыхъ очень много. Между прочими картинами есть прекрасныя перспективы и такія живыя изображенія винограда и другихъ плодовъ, что хочется ихъ взять. — Самыя лучшія картины перешли въ Дрезденскую галлерею изъ

(*) Фанъ Дикъ, Рубенсовъ ученикъ, есть конечно первой портретной живописецъ въ свѣтѣ. Колоритъ его не уступаетъ Рубенсову; головы и руки писалъ онъ прекрасно. Но для исторической живописи былъ уже не такъ способенъ, для того что не имѣлъ Рубенсова піитическаго духа. Король Карлъ I призвалъ его въ Англію, гдѣ онъ могъ бы обогатиться отъ своей работы, естьли бы жилъ умѣреннѣе и не прилѣпился къ Алхиміи. Онъ родился въ 1599, а умеръ въ 1641 году.

Моденской, на прим. Корреджіева *ночь*. Августъ III, Польской Король, былъ великой любитель живописи, и не жалѣлъ денегъ на покупку хорошихъ картинъ.

Надзиратель сказывалъ, что за нѣсколько недѣль передъ тѣмъ украли изъ галлереи картинъ десять, и притомъ самыхъ лучшихъ; но что, къ щастію, воровъ скоро отыскали, и картины возвратились на прежнее свое мѣсто. — Выходя, вручилъ я Господину Надзирателю Голландской червонецъ.

Надобно было еще видѣть такъ называемую *зеленую кладовую* (das Grüne Gewölbe), или собраніе драгоцѣнныхъ камней, которому въ цѣломъ свѣтѣ едва ли есть подобное; и чтобы взглянуть на этотъ блестящій кабинетъ Саксонскаго Курфирста и послѣ сказать: *я видѣлъ рѣдкости!* надобно

заплатить Голландской червонецъ. Мнѣ сказывали, что одинъ знатной Французъ, смотря на камни, сказалъ Курфирсту: *Хорошо, очень хорошо; а что это стоитъ Вашей Свѣтлости?*

Послѣ картинной галлереи и *зеленой кладовой* третія примѣчанія достойная вещь въ Дрезденѣ есть библіотека, и всякой путешественникъ, имѣющій нѣкоторое требованіе на ученость, считаетъ за должность видѣть ее, т. е. взглянуть на ряды переплетенныхъ книгъ и сказать: *какая огромная библіотека!* — Между Греческими манускриптами показываютъ весьма древній списокъ одной Эврипидовой трагедіи, проданной въ библіотеку бывшимъ Московскимъ Профессоромъ Маттеемъ; за сей манускриптъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими, взялъ онъ съ Курфирста около

1500 талеровъ. Спрашивается, гдѣ Г. Маттей досталъ сіи рукописи?

Ввечеру гулялъ я въ саду, которой называется Zwinger Garten, и которой хотя не великъ, однакожь пріятенъ. Посланника нашего нѣтъ въ Дрезденѣ. Онъ поѣхалъ въ Карлсбадъ.

Іюля 12.

Нынѣ поутру вошелъ я въ придворную Католицкую церковь во время обѣдни. Великолѣпіе храма, громкое и пріятное пѣніе, сопровождаемое согласными звуками органа; благоговѣніе молящихся, къ небу воздѣтыя руки Священниковъ — все сіе вмѣстѣ произвело во мнѣ нѣкоторой восхитительной трепетъ. Мнѣ казалось, что я вступилъ въ міръ Ангельской, и слышу гласы блаженныхъ Духовъ, славословящихъ Непре-

ченнаго. Ноги мои подогнулись; я спалъ на колѣни и молился отъ всего сердца.

Іюля 12, въ 10 часовъ вечера.

Послѣ обѣда былъ я въ гостяхъ у нашего молодаго Священника, гдѣ познакомился еще съ Секретаремъ нашего Министра; а оттуда пошелъ одинъ гулять за городъ, въ такъ называемой *большой садъ*. Длинная алея вывела меня на обширной зеленой лугъ. Тутъ на лѣвой сторонѣ представилась мнѣ Эльба и цѣпь высокихъ холмовъ, покрытыхъ лѣскомъ, изъ за-котораго выставляются кровли разсѣянныхъ домиковъ и шпицы башенъ. На правой сторонѣ поля, обогащенныя плодами; вездѣ вокругъ меня разстилались зеленые ковры, усѣянные цвѣтами. Вечернее солнце кроткими лучами сво-

ими освѣщало сію прекрасную картину. Я смотрѣлъ и наслаждался; смотрѣлъ, радовался и — даже плакалъ: что обыкновенно бываетъ, когда сердцу моему очень, очень весело! — Вынулъ бумагу, карандашъ; написалъ: *любезная Природа!* и болѣе ни слова!! Но едва ли когда нибудь чувствовалъ такъ живо, что мы созданы наслаждаться и быть щасливыми; и едва ли когда нибудь въ сердцѣ своемъ, былъ такъ добръ и такъ благодаренъ противъ моего Творца, какъ въ сіи минуты. Мнѣ казалось, что слезы мои льются отъ живой любви къ Самой Любви, и что онѣ должны смыть нѣкоторыя черныя пятна въ книгѣ жизни моей.

А вы, цвѣтущіе берега Эльбы, зеленые лѣса и холмы! вы будете благословляемы мною и тогда, когда, возвратясь въ сѣверное, отдаленное отечество мое, въ ча-

сы уединенія буду воспоминать прошедшее!

Мейсенъ, Іюля 13.

Я рѣшился нынѣ поутру ѣхать въ Лейпцигъ въ публичной почтовой коляскѣ (которая называется *желтою*, Gelbe Kutsche, для того что обита желтымъ сукномъ). Въ десять часовъ надлежало намъ отправиться. Отдавъ свой чемоданъ Шафнеру (такъ называется въ Саксоніи проводникъ почты), и сказавъ ему, что буду дожидаться коляски на дорогѣ, пошелъ я изъ Дрездена пѣшкомъ въ 9 часовъ утра. Наемной слуга согласился за нѣсколько грошей быть моимъ путеводителемъ.

Скорыми шагами вышелъ я изъ города; но вышедши, почти на каждомъ шагу останавливался и любовался прекрасною Натурою и

плодами трудолюбія. Дорога идетъ вдоль по берегу Эльбы. На лѣвой сторонѣ за рѣкою видны горы, покрытыя частымъ зеленымъ березникомъ и ольхами; а на правой плодоносная равнина съ полями и деревеньками, которую въ отдаленіи ограничиваютъ виноградные сады.

Какъ ясно было небо, такъ ясна была душа моя. Я видѣлъ вездѣ благоденствіе, щастіе и миръ. Птички, которыя порхали и плавали по чистому воздуху надъ головою моею, изображали для меня веселье и безпечность. Онѣ чувствуютъ бытіе свое, и наслаждаются имъ! Каждой поселянинъ, идущій по лугу, казался мнѣ благополучнымъ смертнымъ, имѣющимъ съ избыткомъ все то, что потребно человѣку. Онъ здоровъ трудами — думалъ я — веселъ и щастливъ въ часъ отдохновенія, будучи окруженъ мирнымъ семей-

ствомъ, сидя подлѣ вѣрной своей жены, и смотря на играющихъ дѣтей. Всѣ его желанія, всѣ его надежды ограничиваются обширностію его полей; цвѣтутъ поля, цвѣтетъ душа его. — Молодая крестьянка съ посошкомъ была для меня Аркадскою пастушкою. Она спѣшитъ къ своему пастуху — думалъ я — которой ожидаетъ ее подъ тѣнію каштановаго дерева, — тамъ, на правой сторонѣ, близь виноградныхъ садовъ. Онъ чувствуетъ электрическое потрясеніе въ сердцѣ, встаетъ и видитъ любезную, которая издали грозитъ ему посошкомъ своимъ. Какъ же бѣжитъ онъ на встрѣчу къ ней! Пастушка улыбается; идетъ скорѣе, скорѣе — и бросается въ отверстыя объятія милаго своего пастуха. — Потомъ видѣлъ я ихъ (разумѣется, мысленно) сидящихъ другъ подлѣ друга въ тѣни каштановаго

дерева. Они цѣловались какъ нѣжныя горлицы.

Я сѣлъ на дорогѣ, и дождался почтовой коляски. У меня было довольно товарищей; между прочими Магистеръ, или деревенской Проповѣдникъ, въ рыжемъ парикѣ, и двое молодыхъ Студентовъ, Лейпцигской и Прагской, которой сидѣлъ подлѣ меня, и тотчасъ вступилъ со мною въ разговоръ — о чемъ, думаете вы? Непосредственно о Мендельзоновомъ Федонѣ, о душѣ и тѣлѣ. „Федонъ, сказалъ онъ, есть можетъ быть самое *остроумнѣйшее* философическое сочиненіе; однакожь всѣ доказательства безсмертія нашего основываетъ Авторъ на одной гипотезѣ. Много вѣроятности, но нѣтъ увѣренія; и едва ли не тщетно будемъ искать его въ твореніяхъ древнихъ и новыхъ Философовъ!" — Надобно искать его въ сердцѣ, сказалъ я. — „О! го-

сударь мой! возразилъ Студентъ: *сердечное* увѣреніе не есть еще *философическое* увѣреніе; оно ненадежно; теперь чувствуете его, а черезъ минуту оно исчезнетъ, и вы не найдете его мѣста. Надобно, чтобы увѣреніе основывалось на доказательствахъ, а доказательства на тѣхъ врожденныхъ понятіяхъ чистаго разума, въ которыхъ заключаются всѣ вѣчныя необходимыя истины. Сего-то увѣренія ищетъ Метафизикъ въ уединенныхъ сѣняхъ, во мракѣ ночи, при слабомъ свѣтѣ лампады, забывая сонъ и отдохновеніе. — Ежели бы могли мы узнать точно, что такое есть душа *сама въ себѣ*, то намъ все бы открылось; но"— — —Тутъ вынулъ я изъ записной книжки своей одно письмо добраго Лафатера, и прочиталъ Студенту слѣдующее:

„Глазъ, по своему образованію,

„не можетъ смотрѣть на себя безъ „зеркала. Мы созерцаемся только „въ другихъ предметахъ. Чувство „бытія, личность, душа — все сіе „существуетъ единственно по „тому, что внѣ насъ существу- „етъ, — по феноменамъ или явле- „ніямъ, которыя до насъ касают- „ся.“ — Прекрасно! сказалъ Студентъ, — прекрасно! Но естьли думаетъ онъ, что“ — — Тутъ коляска остановилась; Шафнеръ отворилъ дверцы и сказалъ: „Госпожи и господа! изволите обѣдать.“

Мы вошли въ трактиръ, гдѣ уже накрытъ былъ столъ. Намъ подали пивной супъ съ лимономъ, часть жареной телятины, салатъ и масло, — за что взяли послѣ съ каждаго копѣекъ по сороку.

Дорога до самаго Мейсена очень пріятна. Земля вездѣ наилучшимъ образомъ обработана. Виноградные сады, которые сперва видны были въ отдаленіи, подходятъ бли-

же къ Эльбѣ, и наконецъ только одна дорога отдѣляетъ ихъ отъ рѣки. Тутъ стоятъ перпендикулярно огромныя гранитныя скалы. Нѣкоторыя изъ нихъ—чего не дѣлаетъ трудолюбіе!—покрыты землею и превращены въ сады, въ которыхъ родится лучшій Саксонскій виноградъ. — На другой сторонѣ Эльбы представляются развалины разбойничьихъ замковъ. Тамъ гнѣздятся нынѣ летучія мыши, свистятъ и воютъ вѣтры.

Одинъ древній Поэтъ сказалъ:

Est locus, Albiacis ubi Misna rigatur ab undis
Fertilis et viridi totus amœnus humo.

Въ этомъ мѣстѣ теперь я.——— Мейсенъ лежитъ частію на горѣ, частію въ долинѣ. Окрестности прекрасны; только городъ самъ по себѣ очень не красивъ. Улицы не ровны и не прямы; домы всѣ готическіе, и показываютъ странной вкусъ прошедшихъ вѣковъ.

Главная церковь есть большое зданіе, почтенное своею древностію. Старой дворецЪ возвышается на горѢ. НѢкогда воспитывались тамЪ Герои отЪ племени Виттекиндова (сего славнаго Саксонскаго Принца, которой столь храбро защищалЪ свободу своего отечества, и котораго КарлЪ Великій побѢдилЪ не оружіемЪ, а великодушіемЪ своимЪ). НынѢ вЪ семЪ дворцѢ дѢлаютЪ славной Саксонской фарфорЪ. Чтобы видѢть фабрику, надобно выпросить билетЪ у главнаго Надзирателя.

Г. Маттей былЪ нѢсколько лѢтЪ ДиректоромЪ здѢшней школы; но недѢль за шесть передЪ симЪ оставилЪ МейсенЪ и уѢхалЪ вЪ ВиттенбергЪ. Ему конечно вездѢ дадутЪ мѢсто. ОнЪ считается вЪ Германіи однимЪ изЪ лучшихЪ ФилологовЪ.

Надобно садиться вЪ коляску, и проститься сЪ перомЪ до Лейпцига.

Лейпцигъ, Іюля 14.

Дорога отъ Мейсена идетъ сперва по берегу Эльбы. Рѣка, кроткая и величественная въ своемъ теченіи, журчитъ на правой сторонѣ; а на лѣвой возвышаются скалы, увѣнченныя зеленымъ кустарникомъ, изъ за - котораго въ разныхъ мѣстахъ показываются сѣдые мшистые камни.

Отъѣхавъ отъ Мейсена съ полмили, вышли мы съ Прагскимъ Студентомъ изъ коляски, которая ѣхала очень тихо, и версты двѣ шли пѣшкомъ. Послѣ вопроса женатъ ли я? Студентъ мой началъ говорить о женщинахъ, и притомъ не въ похвалу ихъ. „На гробѣ друга моего — сказалъ онъ — друга, который пошелъ въ землю отъ нещастной любви къ одной вѣтреной, легкомысленной женщинѣ, клялся я удаляться отъ этова опаснаго для насъ пола, и вѣчно быть холостымъ. Науки занимаютъ всю

мою душу — и, благодаря Бога! могу быть щасшливъ самъ собою.“ — Тѣмъ лучше для васъ, сказалъ я.

Стали находить облака, и мы сѣли опять въ коляску. Тутъ Магистеръ шумѣлъ съ Лейпцигскимъ Студентомъ о теологическихъ истинахъ. Сей послѣдній предлагалъ разныя сомнѣнія. Магистеръ брался все рѣшить; но, по мнѣнію Студента, не рѣшилъ ничего. Это его очень сердило. „Наконецъ я долженъ вспомнить — сказалъ онъ, потирая рукою свой красной лобъ — что нѣкоторыя люди совсѣмъ не имѣютъ чувства истины. Головы ихъ можно уподобить бездонному сосуду, въ которой ничего влить не льзя; или желѣзному шару, въ которой ничто проникнуть не можетъ, и отъ котораго все отпрыгиваетъ“ —— И такія головы, перервалъ Студентъ, часто бываютъ покрыты рыжими париками, и торчатъ на каѳедрахъ. — Госу-

дарь мой! закричалъ Магистеръ, поправивъ свой парикъ: о комъ вы говорите? — О тѣхъ людяхъ, о которыхъ вы сами говорить начали, — спокойно отвѣчалъ Студентъ. Лучше замолчать, сказалъ Магистеръ. — Какъ вамъ угодно, отвѣчалъ Студентъ.

Между тѣмъ наступила ночь. Магистеръ снялъ съ себя парикъ, положилъ его подлѣ себя, надѣлъ на голову колпакъ и началъ пѣть вечернія молитвы нестройнымъ, дикимъ голосомъ. Лейпцигской Студентъ тотчасъ присталъ къ нему, и они, какъ добрые ослы, затянули такое дуо, что надобно было зажать уши. — Къ щастію, пѣвцы скоро унялись; въ коляскѣ все замолкло, и я заснулъ.

На разсвѣтѣ остановились мы перемѣнять лошадей, и когда стали выходить изъ коляски, чтобы итти въ трактиръ пить кофе,

Магистеръ хватился своего парика, искалъ его подлѣ себя и на землѣ, и не могши найти, поднялъ крикъ и вопль: „Куда онъ дѣвался! Какъ мнѣ быть безъ него! какъ я бѣдной покажусь въ городъ!“—Онъ приступилъ къ Шафнеру, и требовалъ, чтобы парикъ его непремѣнно былъ отыскан. Шафнеръ искалъ и не находилъ. Лейпцигской Студентъ тирански смѣялся надъ горестію бѣднаго Магистера, и наконецъ, какъ будто бы сжалясь надъ нимъ, совѣтовалъ ему поискать у себя въ карманахъ. Чего тутъ искать! сказалъ онъ; однако жь опустилъ руку въ карманъ своего кафтана, и — вытащилъ парикъ. Какая минута для живописца! Магистеръ отъ внезапной радости разинулъ ротъ, держалъ парикъ передъ собою, и не могъ сказать ни одного слова. „Вы ищете за милю того, что у васъ подъ носомъ“—сказалъ ему

Шафнеръ съ сердцемъ; но душа его была въ сію минуту такъ полна, что ничто извнѣ не могло войти въ нее, и Шафнерова риторическая фигура проскочила естьли не мимо ушей его, то по крайней мѣрѣ сквозь ихъ, то есть (сообразно съ Боннетовою гипотезою о происхожденіи идей) не тронувъ въ его мозгу никакой новой или *дѣвственной* фибры (fibre vierge). Конечно долѣе минуты продолжалось его безмолвное восхищеніе. Наконецъ онъ засмѣялся, и надѣвая на себя парикъ, увѣрялъ насъ, что онъ Магистеръ не клалъ его въ карманъ; а какъ парикъ зашелъ туда, о томъ вѣдаетъ Сатана и ——Тутъ взглянулъ онъ на Лейпцигскаго Студента и замолчалъ.

Безъ всякихъ дальнѣйшихъ приключеній доѣхали мы до Лейпцига.

Здѣсь-то, милые друзья мои, желалъ я провести свою юность; сюда стремились мысли мои за

нѣсколько лѣтъ передъ симъ; здѣсь хотѣлъ я собрать нужное для исканія той истины, о которой съ самыхъ младенческихъ лѣтъ тоскуетъ мое сердце!—Но Судьба не хотѣла исполнить моего желанія.

Воображая, *какъ бы* я могъ провести тѣ лѣта, въ которыя, такъ сказать, образуется душа наша, и *какъ* я провелъ ихъ, чувствую горесть въ сердцѣ и слезы въ глазахъ.— Не льзя возвратить потеряннаго! —

Въ 11 часовъ ночи. Я остановился въ трактирѣ у Мемеля противъ почтоваго двора. Комната у меня чиста и свѣтла, а хозяинъ услужливъ и говорливъ до крайности. Между тѣмъ, какъ я разбиралъ свой чемоданъ, разсказывалъ онъ мнѣ о порядкѣ, заведенномъ въ его домѣ,—о своемъ безкорыстіи, честности и проч. „Всѣ тѣ, которые жили у меня —говорилъ

онъ—были мною довольны. Я получаю конечно не много барыша, да за то идетъ обо мнѣ добрая слава; за то у меня совѣсть чиста и покойна—а у кого покойна совѣсть, тотъ щастливъ въ здѣшней жизни, и ничего не боится, и ни отъ чего не блѣднѣетъ"——
Въ самую сію секунду грянулъ громъ, и Г. Мемель испугался и поблѣднѣлъ. Что съ вами сдѣлалось? спросилъ я. „Ничего, отвѣчалъ онъ запинаясь, ничего; только надобно затворить окно, чтобы не было сквознаго вѣтру."

Въ нынѣшнее лѣто я еще не видалъ и не слыхалъ такой грозы, какая была сегодни. Въ нѣсколько минутъ покрылось небо тучами; заблистала молнія, загремѣлъ громъ, буря съ градомъ зашумѣла, и — черезъ полчаса все прошло, солнце снова освѣтило небо и землю, и шпакширщикъ мой опять началъ говорить о неустра-

жимости того, кто беретъ за все умѣренную цѣну, и, подобно ему, имѣетъ чистую совѣсть.

За ужиномъ познакомился я съ Гм. фонъ-Клейстомъ, которой служилъ Прусскому Королю Тайнымъ Совѣтникомъ, но по нѣкоторымъ непріятнымъ обстоятельствамъ долженъ былъ оставить Пруссію, и которой, выгнавъ изъ воображенія своего всѣ призраки льстящей надежды, живетъ здѣсь въ философическомъ спокойствіи, наслаждаясь пріятностію дружбы и обхожденія съ просвѣщеннѣйшими мужами.— Ночь провелъ я въ коляскѣ безпокойно. Теперь глаза мои смыкаются.

Іюля 15.

Нынѣ познакомился я съ Гм. Мелли, молодымъ Женевцемъ, къ которому было у меня письмо изъ

Петербурга отъ Ш * *, Англійскаго купца, и которой, принявъ меня учтиво, взялъ на себя продать здѣсь одинъ изъ векселей моихъ, а другой, Голландской, промѣнять на Французской. — Отъ него зашелъ я въ теологическую Аудиторію; видѣлъ множество присутствующихъ, но мало слушающихъ. Дѣло шло о нѣкоторыхъ Еврейскихъ словахъ — это не мое дѣло — и я, постоявъ у дверей, ушелъ.

Потомъ бродилъ я нѣсколько часовъ изъ улицы въ улицу и вокругъ города, занимаясь мѣстными наблюденіями. Собственно такъ называемой городъ очень не великъ, но съ предмѣстіями, гдѣ много садовъ, занимаетъ уже довольное пространство. Мѣстоположеніе Лейпцига не такъ живописно, какъ Дрездена: онъ лежитъ среди равнинъ — но какъ сіи равнины хорошо обработаны и, такъ сказать,

убраны полями, садами, рощицами и деревеньками, то взоръ находитъ тутъ довольно разнообразія, и не скоро утомляется. Окрестности Дрезденскія прекрасны, а Лейпцигскія милы. Первыя можно уподобить такой женщинѣ, о которой всѣ при первомъ взглядѣ кричатъ: *какая красавица!* а послѣднія такой, которая всѣмъ же нравится, но только *тихо*; которую всѣ же хвалятъ, но только безъ восторга; о которой съ кроткимъ, пріятнымъ движеніемъ души говорятъ: *она миловидна*!

Домы здѣсь такъ же высоки, какъ и въ Дрезденѣ, т. е. по большой части въ четыре этажа; что принадлежитъ до улицъ, то онѣ очень не широки. Хорошо, что здѣсь по городу не ѣздятъ въ каретахъ, и пѣшіе не боятся быть раздавлены!

Я не видалъ еще въ Германіи такого многолюднаго города, какъ

Лейпцигъ. Торговля и Университетъ привлекаютъ сюда множество иностранцевъ. —

Послѣ обѣда былъ я у Г. Бека, молодаго, но весьма уважаемаго, по его знаніямъ и талантамъ, Профессора. Я отдалъ ему письмо къ Магистеру Р*, которой у него жилъ, но котораго здѣсь уже нѣтъ. Г. Бекъ разсказалъ мнѣ, что Р* за нѣсколько времени передъ симъ былъ вызванъ изъ Лейпцига однимъ деревенскимъ дворяниномъ, съ тѣмъ, чтобъ быть Проповѣдникомъ въ его деревнѣ; но что пріѣхавъ туда, нашелъ онъ много препятствій со стороны Духовныхъ; что ему надлежало выдержать престрогой экзаменъ, на которомъ старались его разбить и запутать въ словахъ; что онъ, вышедши наконецъ изъ себя, схватилъ шляпу, пожелалъ высокоученымъ своимъ испытателямъ поболѣе любви къ

ближнему, ушелъ и скрылся, неизвѣстно куда.

Профессоръ Бекъ есть тихой, скромной человѣкъ, осторожной въ своихъ сужденіяхъ, и говорящій съ великою пріятностію. Отъ него узналъ я о славѣ Анахарсиса, сочиненія Аббата Бартелеми. Лишь только онъ вышелъ въ свѣтъ, всѣ Французскіе Литтераторы преклонили колѣна свои, и признали, что древняя Греція, столь для насъ любопытная—Греція, которой удивляемся въ ея развалинахъ и въ малочисленныхъ, до насъ дошедшихъ памятникахъ ея славы—никогда еще не была описана столь совершенно. Геттингенской Профессоръ Гейне, одинъ изъ первыхъ знатоковъ Греческой Литтературы и Древностей, рецензировалъ Анахарсиса въ Геттингенскихъ Ученыхъ Вѣдомостяхъ, и прославилъ его въ Германіи. Г.

Бекъ съ великимъ нетерпѣніемъ ожидаетъ своего экземпляра.

Никто изъ Лейпцигскихъ Ученыхъ такъ не славенъ, какъ Докторъ Платнеръ, Эклектической Философъ, которой ищетъ истины во всѣхъ системахъ, не привязываясь особенно ни къ одной изъ нихъ; которой на прим. въ иномъ согласенъ съ Кантомъ, въ иномъ съ Лейбницемъ, или противорѣчитъ и тому и другому. Онъ умѣетъ писать ясно, и кто хотя нѣсколько знакомъ съ Логикою и Метафизикою, тотъ легко можетъ понимать его. *Афоризмы* его весьма уважаются, и человѣку, хотящему пуститься въ лабиринтъ философскихъ системъ, могутъ онѣ служить Аріадниною нитью. Мнѣ хотѣлось его видѣть, и отъ Г. Бека пошелъ я къ нему. Онъ живетъ за городомъ въ саду. Въ алеѣ встрѣтилась мнѣ молодая жена его, Вейсеева дочь, и сказа-

ла, что Господинъ Докторъ дома. Минуты черезъ двѣ явился онъ самъ — высокой, сухощавой человѣкъ лѣтъ за сорокъ, съ острыми глазами, съ ученою миною и съ величавою осанкою. „Я уже слышалъ объ васъ отъ Г. Клейста" — сказалъ онъ и ввелъ меня въ свой кабинетъ. „Признаюсь вамъ, что я теперь занятъ, продолжалъ онъ: мнѣ надобно писать письма; завтра, въ этотъ часъ, прошу васъ къ себѣ" — и проч. Я извинялся, что пришелъ не во время, и кланялся, подвигаясь къ дверямъ. „Какой, или какимъ наукамъ вы особенно себя посвятили?" спросилъ онъ. *Изящнымъ*, отвѣчалъ я, и закраснѣлся, — знаю, отъ чего — можетъ быть и вы, друзья мои, знаете.

Ввечеру я бродилъ по садамъ и по алеямъ. Рихтеровъ садъ великъ и хорошъ. Дѣвушка въ бѣломъ корсетѣ, лѣтъ двѣнадцати, подала

мнѣ при выходѣ букетъ цвѣтовъ. Это мнѣ очень полюбилось. Я изъявилъ ей свою благодарность двумя грошами!!

Въ Вендлеровомъ саду видѣлъ я Геллертовъ монументъ, сдѣланной изъ бѣлаго мрамора Профессоромъ Эзеромъ. Тутъ, смотря на сей памятникъ добродѣтельнаго мужа, дружбою сооруженной, вспомнилъ я то щастливое время моего ребячества, когда Геллертовы басни составляли почти всю мою Библіотеку; когда, читая его *Инкле* и *Ярико*, обливался я горькими слезами, или, читая *зеленаго осла*, смѣялся отъ всего сердца; когда Профессоръ * *, преподавая намъ, маленькимъ своимъ ученикамъ, мораль по Геллертовымъ лекціямъ (Moralische Vorlesungen), съ жаромъ говаривалъ: „Друзья мои! будьте таковы, какими учитъ васъ быть Геллертъ, и вы будете щастливы!“ Воспоминанія растрога-

ли мое сердце. Исторія жизни моей представилась мнѣ въ картинѣ: довольно тѣни! И что еще въ будущемъ ожидаетъ меня?

Я пошелъ изъ саду въ церковь Св. Іоанна, гдѣ поставленъ Геллерту учениками и друзьями его другой памятникъ, представляющій Религію, которая изъ металла вылитой и лаврами увѣнченной образъ его подаетъ Добродѣтели (прекрасная мысль!). Обѣ статуи сдѣланы изъ бѣлаго мрамора. Внизу имя его и слѣдующая надпись, сочиненная другомъ его Гейне: „Сему учителю и примѣру добродѣтели и Религіи посвятило сей памятникъ общество друзей его и современниковъ, бывшихъ свидѣтелями его достоинствъ.“—Пріятно, восхитительно для всякаго чувствительнаго сердца видѣть такія надписи, и знать, что не лесть, а истина начертала ихъ. Всѣ, знавшіе покойнаго Геллерта,

единогласно называли его мужемъ добродѣтельнымъ. Жизнь его была сильнѣйшимъ опроверженiемъ мнѣнiя тѣхъ людей, которые, находя порокъ во всякомъ уголкѣ сердца человѣческаго, считаютъ добродѣтель за одно пустое имя, — и тѣхъ, которые утверждаютъ, что Религiя не дѣлаетъ людей лучшими. „Всѣмъ, что есть во мнѣ добраго—говаривалъ покойникъ тысячу разъ друзьямъ своимъ—всѣмъ обязанъ я Христiянству.“ —Описанiе его жизни заключается сими словами: „Невѣрно то удивленiе и безсмертiе, котораго ожидать могутъ произведенiя творческаго духа, ибо вкусъ нацiй перемѣняется со временемъ; но честь его нравственнаго характера нетлѣнна и непреходяща, подобно Религiи и Добродѣтели, которыхъ вѣкъ есть—-вѣчность!“

Нѣтъ, Г. Мемель, я не пойду ужинать. Сяду подъ окномъ, буду

читать Вейсееву Элегію на смерть Геллерта, Крамерову и Денисову Оду; буду читать, чувствовать и — можетъ быть плакать. Нынѣшній вечеръ посвящу памяти добродѣтельнаго. Онъ здѣсь жилъ и училъ добродѣтели!

Іюля 16.

Нынѣ поутру слышалъ я Эстетическую лекцію Доктора Платнера.

Эстетика есть *наука вкуса*. Она трактуетъ о чувственномъ познаніи вообще. Баумгартенъ первой предложилъ ее какъ особливую, отдѣленную отъ другихъ науку, которая — оставляя Логикѣ образованіе вышшихъ способностей души нашей, т. е. разума и разсудка — занимается исправленіемъ чувствъ и всего чувственнаго, т. е. воображенія съ его дѣйствія-

ми. Однимъ словомъ, Эстетика учитъ наслаждаться изящнымъ.

Превеликая зала была наполнена слушателями, такъ что не гдѣ было упасть яблоку. Я долженъ былъ остановиться въ дверяхъ. Платнеръ говорилъ уже на каѳедрѣ. Все молчало и слушало. Никакой шорохъ не мѣшалъ голосу Г. Доктора распространяться по залѣ. Я былъ далеко отъ него, однако же не проронилъ ни одного слова. Онъ говорилъ о великомъ духѣ или о Геніѣ. Геній, сказалъ онъ, не можетъ заниматься ничѣмъ, кромѣ важнаго и великаго — кромѣ Натуры и человѣка въ цѣломъ. И такъ Философія, въ высочайшемъ смыслѣ сего слова, есть его наука. Онъ можетъ иногда заниматься и другими науками, но только всегда въ отношеніи къ сей; имѣетъ *особливую* способность находить сокровенныя сходства, аналогію, тайныя согласія въ ве-

щахЪ, и часто видитЪ связь тамЪ, гдѣ обыкновенной человѣкЪ никакой не видитЪ; и потому часто находитЪ важнымЪ то, что обыкновенному человѣку, котораго взорЪ простирается не далеко, кажется бездѣлкою. ЛейбницЪ, великой ЛейбницЪ, проѣхалЪ всю Германію и Италію, рылся во всѣхЪ архивахЪ, вЪ пыли и вЪ гнили молью источенныхЪ бумагЪ, для того чтобы собрать матеріалы для Исторіи — Брауншвейгскаго Дому! Но проницательной ЛейбницЪ видѣлЪ связь сей Исторіи сЪ иными предметами, важными для человѣчества вообще. — НаконецЪ во всѣхЪ дѣлахЪ такого великаго человѣка видѣнЪ особливой духЪ ревности, которой, такЪ сказать, оживляетЪ ихЪ и отличаетЪ отЪ дѣлЪ людей обыкновенныхЪ. Я вамЪ поставлю вЪ примѣрЪ Франклина, не какЪ Ученаго, но какЪ Политика. Видя оскорбляемыя права человѣчества,

съ какимъ жаромъ берется онъ быть его ходатаемъ! Съ сей минуты перестаетъ жить для себя, и въ общемъ благѣ забываетъ свое частное. Съ какимъ рвеніемъ видимъ его текущаго къ своей великой цѣли, которая есть благо человѣчества! — Сей же духъ ревности оживляетъ и отличаетъ сочиненія великихъ Геніевъ. Естьли бы можно было извлечь его, на прим., изъ Мендельзоновыхъ Философическихъ Писемъ, или Іерузалемовой книги о Религіи, то въ первыхъ осталось бы одно схоластическое мудрованіе, а во второй обыкновенные догматы Теологіи; но, одушевляемыя симъ огнемъ, возвышаютъ онѣ душу читателя." —

Платнеръ говоритъ такъ свободно, какъ бы въ своемъ кабинетѣ, и очень пріятно. Всѣ, сколько я могъ видѣть, слушали съ великимъ вниманіемъ. Сказываютъ,

что Лейпцигскіе Студенты никого изъ Професоровъ такъ не любятъ и не почитаютъ, какъ его.— Когда онъ сошелъ съ каѳедры, то ему, какъ Царю, дали просторную дорогу до самыхъ дверей. „Я никакъ не думалъ васъ здѣсь увидѣть — сказалъ онъ мнѣ — а естьли бы зналъ, что вы сюда придете, то велѣлъ бы приготовить для васъ мѣсто.“ Онъ пригласилъ меня къ себѣ послѣ обѣда, и сказалъ, что хочетъ ужинать со мною въ такомъ мѣстѣ, гдѣ я увижу нѣкоторыхъ *интересныхъ людей.*

Іюля 16, въ 2 часа по полудни.

Говорятъ, что въ Лейпцигѣ жить весело, — и я вѣрю. Нѣкоторые изъ здѣшнихъ богатыхъ купцовъ часто даютъ обѣды, ужины, балы. Молодые щеголи изъ Студентовъ являются съ блескомъ въ сихъ со-

браніяхъ: играютъ въ карты, танцуютъ, *куртизируютъ*. Сверьхъ того здѣсь есть особливыя ученыя общества или клубы; тамъ говорятъ объ ученыхъ или политическихъ новостяхъ, судятъ книги, и проч. — Здѣсь есть и Театръ; только Комедіанты уѣзжаютъ отсюда на цѣлое лѣто въ другіе города, и возвращаются уже осенью къ такъ называемой Михайловой ярманкѣ. — Для того, кто любитъ гулять, много вокругъ Лейпцига пріятныхъ мѣстъ: а для того, кто любитъ услаждать вкусъ, есть здѣсь отмѣнно вкусные жаворонки, славные пироги, славная спаржа и множество плодовъ, а особливо вишни, которая очень хороша и теперь такъ дешева, что за цѣлое блюдо надобно заплатить не болѣе десяти копѣекъ. — Въ Саксоніи вообще жить не дорого. За столъ безъ вина плачу здѣсь 30 коп., за комнату также 30

коп.; то же платилЪ я и вЪ ДрезденѢ.

Почти на всякой улицѢ найдете вы нѢсколько книжныхЪ лавокЪ, и всѢ Лейпцигскіе книгопродавцы богатѢютЪ, — что для меня удивительно. Правда, что здѢсь много УченыхЪ, имѢющихЪ нужду вЪ книгахЪ; но сіи люди почти всѢ или Авторы или переводчики, и, собирая библіотеки, платятЪ они книгопродавцамЪ не деньгами, а сочиненіями или переводами. КЪ тому же во всякомЪ НѢмецкомЪ городѢ есть публичныя библіотеки, изЪ которыхЪ можно брать для чтенія всякія книги, платя за то бездѢлку.—Книгопродавцы изо всей Германіи съѢзжаются вЪ ЛейпцигЪ на ярманки (которыхЪ бываетЪ здѢсь три вЪ годЪ: одна начинается сЪ перваго Января, другая сЪ Пасхи, а третья сЪ Михайлова дня) и мѢняются между собою новыми книгами. Безчестными почитаются изЪ нихЪ

тѣ, которые перепечатываютъ въ своихъ типографіяхъ чужія книги, и дѣлаютъ черезъ то подрывъ тѣмъ, которые купили манускрипты у Авторовъ. Германія, гдѣ книжная торговля есть едва ли не самая важнѣйшая, имѣетъ нужду въ особливомъ и строгомъ для сего законѣ. — Вы пожелаете можетъ быть знать, какъ дорого платятъ книгопродавцы Авторамъ за ихъ сочиненія? Смотря по сочинителю. Естьли онъ еще не извѣстенъ Публикѣ съ хорошей стороны, то едва ли дадутъ ему за листъ и пять талеровъ; но когда онъ прославится, то книгопродавецъ предлагаетъ ему десять, двадцать и болѣе талеровъ за листъ.

Въ 11 часовъ вечера. Въ назначенной часъ я пришелъ къ Платнеру. Вы конечно поживете съ нами, сказалъ онъ, посадивъ меня. — Нѣсколько дней, отвѣчалъ я. —„ „Только? А я думалъ, что вы прі-

ѣхали *пользоваться* Лейпцигомъ. Здѣшніе Ученые сочли бы за удовольствіе способствовать вашимъ успѣхамъ въ наукахъ. Вы еще молоды, и знаете Нѣмецкой языкъ. Вмѣсто того, чтобы переѣзжать изъ города въ городъ, лучше вамъ пожить въ такомъ мѣстѣ, какъ Лейпцигъ, гдѣ многіе изъ вашихъ единоземцовъ искали просвѣщенія, и, надѣюсь, не тщетно.“ — Я почелъ бы за особливое щастіе быть вашимъ ученикомъ, Г. Докторъ; но обстоятельства, обстоятельства — — „И такъ мнѣ остается жалѣть, естьли онѣ не позволяютъ вамъ на сей разъ остаться съ нами.“

Онъ помнитъ К*, Р* и другихъ Рускихъ, которые здѣсь учились. „Всѣ они были моими учениками, сказалъ онъ: только я былъ тогда еще не то, что теперь.“ — По крайней мѣрѣ ваши Афоризмы еще не были изданы ....

И въ самую ту минуту, какъ я,

упомянувъ объ Афоризмахъ, хотѣлъ просить у него объясненія на нѣкоторыя мѣста изъ нихъ, пришли къ нему съ Университетскими дѣлами. Онъ отправляетъ должность Ректора.—У меня не много свободнаго времени, сказалъ онъ: однако жь вы должны нынѣ со мною ужинать. Въ восемь часовъ велите себя проводить въ трактиръ *голубаго Ангела.* —

Я имѣлъ время погулять въ Рихтеровомъ саду (гдѣ дѣвушка въ бѣломъ корсетѣ опять вручила мнѣ букетъ цвѣтовъ), и въ восемь часовъ пришелъ въ трактиръ *голубаго Ангела.* Меня провели въ большую комнату, гдѣ накрытъ былъ столъ на двадцать кувертовъ, но гдѣ еще никого не было. Черезъ полчаса явился Платнеръ съ ученою братіею. Онъ каждому представлялъ меня, и сказывалъ мнѣ имена ихъ; но всѣ они были мнѣ неизвѣстны, кромѣ ста-

раго Профессора Эзера и Биргермейстера Миллера, издавшаго Сульцерову Теорію Изящныхъ Наукъ съ своими примѣчаніями. Сѣли за ужинъ, — самой Аѳинской; только что вино пили мы не изъ чашъ, цвѣтами оплетенныхъ, а изъ простыхъ Саксонскихъ рюмокъ. Всѣ были веселы и говорливы; хотѣли, чтобы и я говорилъ, и спрашивали меня о нашей Литтературѣ. Они очень удивились, слыша отъ меня, что десять пѣсней Мессіады переведены на Руской языкъ. „Я не думалъ бы — сказалъ молодой Профессоръ Поэзіи — чтобы въ вашемъ языкѣ можно было найти выраженія для Клопштоковыхъ идей." Еще то скажу вамъ, примолвилъ я, что переводъ вѣренъ и ясенъ. — Въ доказательство, что нашъ языкъ не противенъ ушамъ, читалъ я имъ Рускіе стихи разныхъ мѣръ, и они чувствовали ихъ *опредѣленную* гармонію. Говоря о

нашихъ оригинальныхъ произведеніяхъ, прежде всѣхъ наименовалъ я двѣ Эпическія Поэмы, Россіяду и Владиміра, которыя должны имя творца своего сдѣлать незабвеннымъ въ Исторіи Россійской Поэзіи.—Платнеръ игралъ за ужиномъ первую ролю, т. е. онъ управлялъ разговоромъ. Естьли вообще справедливо укоряютъ Нѣмецкихъ Ученыхъ нѣкоторою неловкостію въ обхожденіи, то по крайней мѣрѣ Докторъ Платнеръ (и конечно вмѣстѣ со многими другими) долженъ быть исключенъ изъ сего числа. Онъ самой свѣтской человѣкъ: любитъ и умѣетъ говорить; говоритъ смѣло, для того что знаетъ свою цѣну.—Старикъ Эзеръ любезенъ по своему простосердечію. Къ нему имѣютъ уваженіе; слушаютъ его анекдоты, и смѣются, примѣчая, что онъ хочетъ смѣшить. Во время царствованія Императрицы Елисаветы Петров-

ны сбирался онъ ѣхать въ Россію, но раздумалъ.—Что принадлежитъ до Бургермейстера Миллера, то онъ, кажется, очень важничаетъ.— Въ десять часовъ встали, пожелали другъ другу добраго вечера, и разошлись. Платнеръ не позволилъ мнѣ заплатить за ужинъ, что для меня не совсѣмъ пріятно было. — Такимъ образомъ избранные Лейпцигскіе Ученые ужинаютъ вмѣстѣ одинъ разъ въ недѣлю, и проводятъ вечеръ въ пріятныхъ разговорахъ.

Милые друзья мои! я вижу людей, достойныхъ моего почтенія, умныхъ, знающихъ, ученыхъ, славныхъ—но всѣ они далеки отъ моего сердца. Кто изъ нихъ имѣетъ во мнѣ хотя малѣйшую нужду? Всякой занятъ своимъ дѣломъ, и никто не заботится о бѣдномъ странникѣ. Никто не хватится меня завтра, естьли нынѣшняя ночь на черныхъ своихъ крыльяхъ уне-

сетъ мою душу изъ здѣшняго міра; ни чей вздохъ не полетитъ въ слѣдъ за мною — и вы бы долго, долго не узнали о преселеніи вашего друга!

Іюля 17.

Въ шестомъ часу вышелъ я за городъ съ покойнымъ и веселымъ духомъ; бросился на траву бальзамическаго луга, наслаждался утромъ, — и былъ щастливъ!

Солнце взошло высоко, и жаръ лучей его далъ мнѣ чувствовать, что полдень недалеко. Деревня, въ которой живетъ Вейсе, была у меня въ виду. Пожелавъ добраго утра молодой крестьянкѣ, которая мнѣ встрѣтилась, я спросилъ у нее, гдѣ домъ Господина Вейсе? — „Тамъ, на правой сторонѣ, большой домъ съ садомъ!“ —

Вейсе, любимецъ драматической

и лирической Музы—другъ добродѣтели и всѣхъ добрыхъ — другъ дѣтей, которой ученіемъ и примѣромъ своимъ распространилъ въ Германіи правила хорошаго воспитанія—Вейсе проводитъ лѣто въ маленькой деревенькѣ, верстахъ въ двухъ отъ Лейпцига, среди честныхъ поселянъ и семейства своего. Я вошелъ въ горницу, и видѣлъ въ окно, какъ любезной хозяинъ, маленькой человѣчекъ въ красномъ халатѣ и въ бѣлой шляпѣ, спѣшилъ къ дому по алеѣ, узнавъ отъ служанки, что какой-то Московитянинъ его дожидается. Онъ вошелъ въ горницу въ томъ же красномъ халатѣ, но только уже не въ бѣлой шляпѣ, а въ напудренномъ парикѣ съ кошелькомъ. Я съ примѣчаніемъ смотрѣлъ на портретъ твой, любезной Вейсе, и узналъ бы тебя между тысячами!—Ему уже слишкомъ шестьдесятъ лѣтъ; но румяное и свѣ-

жее лицо его не показываетъ ни пятидесяти — и во всякой чертѣ лица сего видна добрая душа!

Онъ обошелся со мною ласково, сердечно, просто; жалѣлъ, что я пришелъ къ нему, а не онъ ко мнѣ — и въ такой жаръ; подчивалъ меня лимонадомъ, и проч.

Я сказалъ ему, что разныя піесы изъ его *Друга Дѣтей* переведены на Руской, и нѣкоторыя мною. Въ Германіи многіе писали и пишутъ для дѣтей и для молодыхъ людей; но никто не писалъ и не пишетъ лучше Вейсе. Онъ самъ отецъ, и отецъ нѣжной, посвятившій себя воспитанію юныхъ сердецъ. Со всѣхъ сторонъ осыпали его благодарностію, когда онъ издавалъ свои еженедѣльные листы: дѣти благодарили за удовольствіе, а отцы за видимую пользу, которую сіе чтеніе приносило ихъ дѣтямъ. — Онъ издаетъ нынѣ *Переписку Фамиліи Друга Дѣтей,*

пріятную и полезную молодымъ людямъ.

Вейсе съ великою скромностію говоритъ о своихъ сочиненіяхъ; однакожь безъ всякаго притворнаго смиренія, которое для меня такъ же противно, какъ и самохвальство.— Съ какимъ чувствомъ описываетъ семейственное свое щастіе! „Благодарю Бога, сказалъ онъ сквозь слезы — благодарю Бога! Онъ далъ мнѣ вкусить въ здѣшней жизни самыя чистнѣйшія удовольствія; и я осмѣлился бы назвать свое щастіе совершеннымъ, естьли бы небесная Благость возвратила здоровье дочери моей, которая нѣсколько лѣтъ больна и которой искусство врачей не помогаетъ.“—Однимъ словомъ, естьли я любилъ Вейсе какъ Автора, то теперь, узнавъ его лично, еще болѣе полюбилъ какъ человѣка.

У него есть рукописная Исторія нашего Театра, переведенная

съ Рускаго. Г. Дмитревской, будучи въ Лейпцигѣ, сочинилъ ее; а нѣкто изъ Рускихъ, которые учились тогда въ здѣшнемъ Университетѣ, перевелъ на Нѣмецкой и подарилъ Господину Вейсе, которой хранитъ сію рукопись, какъ нѣкоторую рѣдкость, въ своей библіотекѣ.

Наконецъ я съ нимъ простился. „Путешествуйте щастливо, сказалъ онъ, и наслаждайтесь всѣмъ, что можетъ принести удовольствіе чистому сердцу! Однакожь я постараюсь еще увидѣться съ вами въ Лейпцигѣ." — А вы наслаждайтесь яснымъ вечеромъ своей жизни! сказалъ я, вспомнивъ ла-Фонтеновъ стихъ: sa fin (т. е. конецъ мудраго) est le soir d'un beau jour — и пошелъ отъ него, будучи совершенно доволенъ въ своемъ сердцѣ. Одинъ взглядъ на добраго есть щастіе для того,

вѣ комѣ не загрубѣло чувство добра.

Возвратясь вѣ Лейпцигѣ, зашелѣ я вѣ книжную лавку и купилѣ себѣ на дорогу Оссіанова Фингала и Vicar of Wakefield.—

Вѣ полночь. Нынѣшній вечерѣ провелѣ я очень пріятно. Вѣ шесть часовѣ пошли мы сѣ Гм. Мелли вѣ загородной садѣ. Тамѣ было множество людей: и Студентовѣ и Филистровѣ (*). Одни, сидя подѣ тѣнію деревѣ, читали или держали передѣ собою книги, не удостоивая проходящихѣ взора своего; другіе, сидя вѣ кругу, курили трубки и защищались отѣ

(*) Такѣ Студенты называютѣ гражданѣ, и Господину Аделунгу угодно почитать это слово за испорченное, вышедшее изѣ Латинскаго слова Balistarii. Симѣ именемѣ назывались городскіе солдаты и простые граждане.

солнечныхъ лучей густыми табашными облаками, которыя извивались и клубились надъ ихъ головами; иные въ темныхъ аллеяхъ гуляли съ дамами, и — проч. Музыка гремѣла, и человѣкъ, ходя съ тарелкою, собиралъ деньги для музыкантовъ; всякой давалъ, что хотѣлъ.

Г. Мелли удивилъ меня, начавъ говорить со мною по Руски. „Я жилъ четыре года въ Москвѣ, сказалъ онъ — и хотя уже давно выѣхалъ изъ Россіи, однакожь не забылъ еще вашего языка.“ — Къ намъ присоединились Гг. Шнейдеръ и Годи, путешествующіе съ Княгинею Бѣлосельскою, которая теперь въ Лейпцигѣ. Перваго видалъ я въ Москвѣ, и мы обрадовались другъ другу какъ старинные знакомые. Г. Мелли угостилъ насъ въ тракшрѣ хорошимъ ужиномъ. Мы пробыли шутъ до полуночи, и вмѣстѣ пошли назадъ въ городъ.

Ворота были заперты, и каждой изъ насъ заплатилъ по нѣскольку копѣекъ за то, что ихъ отворили. Таковъ законъ въ Лейпцигѣ: или возвращайся въ городъ ранѣе, или плати штрафъ.

Іюля 19.

Нынѣ получилъ я вдругъ два письма отъ А*, которыхъ содержаніе для меня очень непріятно. Я не найду его во Франкфуртѣ. Онъ ѣдетъ въ Парижъ на нѣсколько недѣль, и хочетъ, чтобы я дождался его или въ Мангеймѣ или въ Стразбургѣ; но мнѣ никакъ не льзя исполнить его желанія. Такимъ образомъ разрушилось то зданіе пріятностей и удовольствій, которое основывалъ я на свиданіи съ любезнымъ другомъ! И такимъ образомъ во всемъ своемъ путешествіи не увижу ни

одного человѣка, близкаго къ моему сердцу! Эта мысль сдѣлала меня печальнымъ, и я пошелъ безъ цѣли бродить по городу и по окрестностямъ. Мнѣ встрѣтился Г. Бр. молодой Ученой, съ которымъ я здѣсь познакомился. Оба вмѣстѣ пошли мы въ Розенталь, большой паркъ. Я вспомнилъ, что извѣстной обманьщикъ Шрепферъ кончилъ тутъ жизнь свою пистолетнымъ выстрѣломъ. Кто не хотѣлъ бы знать его подлинной, таинственной исторіи? Сей человѣкъ долгое время былъ слугою въ одномъ кофейномъ домѣ въ Лейпцигѣ, и никто не примѣчалъ въ немъ ничего чрезвычайнаго. Вдругъ онъ скрылся, и черезъ нѣсколько лѣтъ опять явился въ Лейпцигѣ подъ именемъ Барона Шрепфера, нанялъ себѣ большой домъ и множество слугъ; обьявилъ себя мудрецомъ, повелѣвающимъ Натурою и духами, и въ громкую трубу

звалъ къ себѣ всѣхъ легковѣрныхъ людей, обѣщая имъ золотыя горы. Со всѣхъ сторонъ стекались къ нему ученики. Иные подлинно хотѣли отъ него научиться тому, чему ни въ какихъ Университетахъ не учатъ; а другимъ болѣе всего нравился его хорошій столъ. Съ почты приносили ему большіе пакеты, надписанные на имя *Барона Шрепфера*, а Банкиры, получая вексели, давали ему большія суммы денегъ. Съ разительнымъ краснорѣчіемъ говорилъ онъ о своихъ таинствахъ, будто бы въ Италіи ему сообщенныхъ, и разгорячивъ воображеніе слушателей, показывалъ имъ духовъ, тѣни умершихъ знакомыхъ, и проч. *Пріиди и виждь!* кричалъ онъ всѣмъ, которые сомнѣвались — приходили и видѣли тѣни и разные страхи, отъ которыхъ у трусливыхъ людей волосы дыбомъ становились. Надобно замѣтить, что

кругъ ревностныхъ его почитателей состоялъ не изъ ученыхъ, т. е. не изъ тѣхъ, которые привыкли разсуждать по Логикѣ (сихъ людей не могъ онъ терпѣть, какъ такихъ, которые вѣрятъ разуму болѣе, нежели глазамъ), а изъ дворянъ и купцовъ, со всѣмъ незнакомыхъ съ науками. Замѣтить надобно и то, что онъ только *показывалъ* чудеса, а никого въ самомъ дѣлѣ *не научалъ* дѣлать ихъ; и что онъ показывалъ ихъ только у себя дома, въ нѣкоторыхъ, особливо на то опредѣленныхъ комнатахъ. Г. Бр. разсказалъ мнѣ слѣдующій анекдотъ. Нѣкто М* пришелъ къ Шрепферу съ своимъ пріятелемъ, для того, чтобы видѣть его духопризываніе. Онъ нашелъ у него множество гостей, которымъ безпрестанно подносили пуншъ. М* не хотѣлъ пить. Шрепферъ приступалъ къ нему, чтобы онъ выпилъ хотя одинъ

стаканЪ; но М* отговорился. Потомъ ввели всѣхъ въ большую залу, обитую чернымъ сукномъ, и въ которой окна были затворены. Шрепферъ поставилъ всѣхъ зрителей вмѣстѣ, очертилъ ихъ кругомъ, и не велѣлъ никому трогаться съ мѣста. Шагахъ въ трехъ отъ нихъ, на маленькомъ жертвенникѣ, горѣлъ спиртъ, — чѣмъ единственно освѣщалась зала. Передъ симъ жертвенникомъ Шрепферъ, обнаживъ грудь свою и взявъ въ руку большой блестящій мечь, бросился на колѣни и громко началъ молиться, съ такимъ жаромъ, съ такимъ ревніемъ, что М*, пришедшій видѣть обманьщика и обманъ, почувствовалъ трепетъ и благоговѣніе въ своемъ сердцѣ. Огонь блисталъ въ глазахъ молящагося, и грудь его высоко поднималась. Ему надлежало призвать тѣнь одного извѣстнаго человѣка, не давно у-

мершаго. По окончаніи молитвы онъ началъ призываніе сими словами: „О ты, блаженный духъ, преселившійся въ безплотный и смертнымъ неизвѣстный міръ! внемли гласу оставленныхъ тобою друзей, желающихъ тебя видѣть; внемли, и оставя на время новую свою обитель, явися очамъ ихъ!“ и проч. и проч. Зрители почувствовали электрическое потрясеніе въ своихъ нервахъ, услышали ударъ, подобной громовому, и увидѣли надъ жертвенникомъ легкой паръ, которой мало-помалу густѣлъ, и наконецъ образовалъ человѣческую фигуру; однакожь М* не примѣтилъ въ ней большаго сходства съ покойникомъ. Образъ носился надъ жертвенникомъ, а Шрепферъ, которой сдѣлался блѣденъ какъ смерть, махалъ мечемъ вокругъ головы своей. М* рѣшился выйти изъ круга и приближиться къ Шреп-

феру; но сей, примѣтивъ его движеніе, вскочилъ, бросился на него, и устремивъ мечь къ его сердцу, закричалъ страшнымъ голосомъ: *ты умрешь, нещастной, естьли хотя одинъ шагъ впередъ ступишь!* У М* подкосились ноги: такъ онъ испугался грознаго голоса и блестящаго меча его! Тѣнь исчезла. Шрепферъ отъ усталости растянулся на полу, и велѣлъ вытти всѣмъ зрителямъ въ другую комнату, гдѣ подали имъ на блюдахъ свѣжіе плоды.— Многіе приходили къ Шрепферу какъ въ спектакль, и хотя знали, что вся тайная мудрость его состояла въ шарлатанствѣ, однакожь съ удовольствіемъ смотрѣли на важныя комедіи, имъ играемыя. Все это продолжалось нѣсколько времени. Но вдругъ Шрепферъ задолжалъ въ Лейпцигѣ многимъ купцамъ, и притомъ такимъ, которые, не имѣя никакого желанія

видѣть его духовъ, требовали немедленнаго платежа. Векселей къ нему уже не присылали, Банкиры не давали ему ни гроша, и нещасшной мудрецъ, доведенной до крайности, застрѣлился въ Розентталѣ. — По сіе время не извѣстно, откуда получалъ Шрепферъ деньги, и какую имѣлъ цѣль, выдавая себя за духопризывателя. По гипотезѣ ученыхъ Берлинцовъ, онъ былъ орудіе тайныхъ Іезуитовъ (такъ же какъ и Каліостро, которой въ самомъ дѣлѣ есть второй Шрепферъ) — Іезуитовъ, хотящихъ снова овладѣть умами человѣческими. Естьли это правда — въ чемъ однакожь я очень, очень сомнѣваюсь — то съ дозволенія Господъ тайныхъ Іезуитовъ можно сказать, что они напрасно льстятся нынѣ подчинить себѣ Европу посредствомъ такихъ шарлатановъ — тогда, какъ законы разума всенародно возглашаются,

и просвѣщеніе болѣе и болѣе распространяется — просвѣщеніе, котораго одна искра можетъ освѣтить бездну заблужденій. — Вы скажете можетъ быть, что Шрепферъ бралъ деньги съ обольщенныхъ имъ людей? Но точно не извѣстенъ ни одинъ человѣкъ, съ котораго бы онъ бралъ ихъ.

Сію минуту получилъ я записку отъ Платнера, въ которой изъявляетъ онъ свое желаніе, чтобы я когда нибудь пожилъ въ Лейпцигѣ долѣе, и подалъ ему случай *заслужить мою благодарность.* — Профессоръ Бекъ, которой очень обязалъ меня своею ласкою, взялъ на себя искать Гофмейстера для П*** Онъ будетъ писать ко мнѣ въ Цирихъ. — Простите, любезные друзья!

Веймарѣ, Іюля 20.

Въ путешествіи своемъ отъ Лейпцига до Веймара не замѣтилъ я ничего, кромѣ прекрасной долины, на которой лежитъ городъ Наумбургъ, и маленькой деревеньки, гдѣ ребятишки набросали множество цвѣтовъ къ намъ въ коляску — къ *намъ*, говорю, потому что я ѣхалъ до Буттельштета съ однимъ молодымъ Французомъ, которой былъ чѣмъ-то въ свитѣ Французскаго Посланника въ Дрезденѣ. Разумѣется, что ребятишки хотѣли денегъ; мы бросили имъ нѣсколько грошей, и они громко закричали намъ: *спасибо!* — Французъ, которой не разумѣлъ ни одного слова по-Нѣмецки, и которому я служилъ переводчикомъ, почти заплакалъ, когда намъ пришлось разставаться. Впрочемъ онъ былъ для меня совсѣмъ не занимателенъ.

На разсвѣтѣ пріѣхали мы въ

Буттельштетъ, гдѣ Почтмейстеръ далъ мнѣ до Веймара маленькую колясочку. Я подарилъ постилліону фарфоровую трубку, купленную мною на Берлинской фабрикѣ, а онъ изъ благодарности привезъ меня въ Веймаръ довольно скоро.

Мѣстоположеніе Веймара изрядно. Окрестныя деревеньки съ полями и рощицами составляютъ пріятной видъ. Городъ очень не великъ, и кромѣ Герцогскаго дворца, не найдешь здѣсь ни одного огромнаго дома. — У городскихъ воротъ меня допрашивали; послѣ чего предложилъ я караульному Сержанту свои вопросы, а имянно: „здѣсь ли Виландъ? здѣсь ли Гердеръ? здѣсь ли Гете?“ Здѣсь, здѣсь, здѣсь, отвѣчалъ онъ — и я велѣлъ постилліону везти себя въ трактиръ *слона*.

Наемный слуга немедленно былъ отправленъ мною къ Виланду, спро-

сить, дома ли онъ? *Нѣтъ, онъ во дворцѣ.* — Дома ли Гердеръ? *Нѣтъ, онъ во дворцѣ.* — Дома ли Гете? *Нѣтъ, онъ во дворцѣ.*

Во дворцѣ! во дворцѣ! повторилъ я, передразнивая слугу, — взялъ трость и пошелъ въ садъ. Большой зеленой лугъ, обсаженной деревьями и называемой *звѣздою*, мнѣ очень полюбился; но еще болѣе полюбились мнѣ дикіе, мрачные берега стремительно текущаго ручья, подъ шумомъ котораго, сѣвъ на мшистомъ камнѣ, прочиталъ я первую книгу Фингала. — Люди, которые встрѣчались мнѣ въ саду, глядѣли на меня съ такимъ любопытствомъ, съ какимъ не смотрятъ на людей въ большихъ городахъ, гдѣ на всякомъ шагу встрѣчаются незнакомыя лица.

Узнавъ, что Гердеръ наконецъ дома, пошелъ я къ нему. *У него одна мысль,* сказалъ объ немъ ка-

кой-то Нѣмецкой Авторъ, *и сїя мысль есть цѣлой мiръ.* Я читалъ его Urkunde des menschlichen Geschlechts, читалъ, многова не понималъ; но что понималъ, то находилъ прекраснымъ. Въ какихъ картинахъ изображаетъ онъ творенiе! Какое восточное великолѣпiе! — Я читалъ его *Бога*, одно изъ новѣйшихъ сочиненiй, въ которомъ онъ доказываетъ, что Спиноза былъ глубокомысленной Философъ и ревностной чтитель Божества, отъ пантеизма и атеизма равно удаленной, и по сему поводу сообщаетъ собственныя свои мысли о Божествѣ и творенiи, прекрасныя, утѣшительныя для человѣка мысли. Чтенiе сей маленькой книжки усладило нѣсколько часовъ въ моей жизни. Я выписалъ изъ нее многiя мѣста, которыя мнѣ отмѣнно полюбились. Постойте—не найду ли чего нибудь въ записной книжкѣ

своей? . . . Нашелъ одно мѣсто, которое можетъ быть и вамъ полюбится — и для того включу его въ свое письмо. Авторъ говоритъ о смерти. „Взглянемъ на лилію „въ полѣ; она вниваетъ въ себя „воздухъ, свѣтъ, всѣ стихіи — и „соединяетъ ихъ съ существомъ „своимъ, для того, чтобы расти, „накопить жизненнаго соку и расцвѣсть; цвѣтетъ, и потомъ исчезаетъ. Всю силу, любовь и „жизнь свою истощила она на то, „чтобы сдѣлаться матерью, оставить по себѣ образы свои и „размножить свое бытіе. Теперь „исчезло явленіе лиліи; она истлѣла въ неутомимомъ служеніи „Натуры; готовилась къ разрушенію съ начала жизни. Но что „разрушилось въ ней, кромѣ явленія, которое не могло быть долѣе, — которое, достигнувъ до „высочайшей степени, — заключавшей въ себѣ видъ и мѣру кра-

„сопы ея, — назадъ обратилось? „и не съ тѣмъ, чтобы, лишась „жизни, уступить мѣсто юнѣй-„шимъ живымъ явленіямъ — сіе „было бы для насъ весьма печаль-„нымъ символомъ — нѣтъ! напро-„тивъ того она, какъ живая, со „всею радостію бытія произвела „бытіе ихъ, и въ зародышѣ лю-„безнаго вида предала его вѣчно-„цвѣтущему саду времени, въ ко-„торомъ и сама цвѣтетъ. Ибо „лилія не погибла съ симъ явле-„ніемъ; сила корня ея существу-„етъ; она вновь пробудится отъ „зимняго сна своего и возстанетъ „въ новой весенней красотѣ, под-„лѣ милыхъ дочерей бытія своего, „которыя стали ея подругами и „сестрами. И такъ нѣтъ смерти „въ твореніи; или смерть есть „ничто иное, какъ *удаленіе того, „что не можетъ быть долѣе*, т. „е. *дѣйствіе вѣчноюной, неутоми-„мой силы*, которая по своему

„свойству не можетъ ни минуты „быть праздною или покоиться. „По изящному закону Премудро„сти и Благости, все въ быстрѣй„шемъ течении стремится къ но„вой силѣ юности и красоты — „стремится, и всякую минуту „превращается.“—Въ семъ сочинении все ясно и понятно и согласно. Тутъ не бурнопламенное воображение юноши кружится на высотахъ, и сверкаетъ во мракѣ, подобно ночному метеору, блестящему и въ минуту исчезающему; но мысль мудраго мужа, разумомъ освѣщаемая, тихо несется на легкихъ крыльяхъ вѣющаго зефира — несется ко храму вѣчной Истины, и свѣтлою струею свой путь означаетъ. — Я читалъ еще его *Парамиѳіи* (*),

(*) Т. е. *отдохновенія.* Симъ именемъ называютъ еще и нынѣшніе Греки свои забавныя краткія повѣсти.

нѣжныя произведенія цвѣтущей фантазіи, которыя дышатъ Греческимъ духомъ, и прекрасны какъ утренняя роза.

Онъ встрѣтилъ меня еще въ сѣняхъ, и обошелся со мною такъ ласково, что я забылъ въ немъ великаго Автора, а видѣлъ передъ собою только любезнаго, привѣтливаго человѣка — Онъ разспрашивалъ меня о политическомъ состояніи Россіи, но съ отмѣнною скромностію. Потомъ разговоръ обратился на Литтературу, и слыша отъ меня, что я люблю Нѣмецкихъ Поэтовъ, спросилъ онъ, кого изъ нихъ предпочитаю всѣмъ другимъ? Сей вопросъ привелъ меня въ затрудненіе. Клопштока, отвѣчалъ я запинаясь, почитаю самымъ *выспреннимъ* изъ Пѣвцовъ Германскихъ. „И справедливо, сказалъ Гердеръ: только его читаютъ менѣе, нежели другихъ, и я знаю многихъ, которые въ Мессіадѣ на

десятой пѣсни остановились съ тѣмъ, чтобъ уже никогда не приниматься за эту славную Поэму." — Онъ хвалилъ Виланда, а особливо Гете — и велѣвъ маленькому своему сыну принести новое изданіе его сочиненій, читалъ мнѣ съ живостію нѣкоторыя изъ его прекрасныхъ мѣлкихъ стихотвореній. Особливо правится ему маленькая піеса, подъ именемъ Meine Göttin, которая такъ начинается:

Welcher Unsterblichen
Soll der höchste Preis seyn?
Mit niemand streit'ich,
Aber ich geb' ihn
Der ewig beweglichen,
Immer neuen,
Seltsamsten Tochter Iovis,
Seinem Schooskinde,
Der Phantasie, и проч.

„Это совершенно по-Гречески, сказалъ онъ — и какой языкъ! какая чистота! какая легкость!" —

Гердеръ, Гете и подобные имъ, присвоившіе себѣ духъ древнихъ Грековъ, умѣли и языкъ свой сблизить съ Греческимъ, и сдѣлать его самымъ богатымъ и для Поэзіи удобнѣйшимъ языкомъ; и потому ни Французы, ни Англичане не имѣютъ такихъ хорошихъ переводовъ съ Греческаго, какими обогатили нынѣ Нѣмцы свою Литтературу. Гомеръ у нихъ Гомеръ: та же неискусственная, благородная простота въ языкѣ, которая была душею древнихъ временъ, когда Царевны ходили по воду, и Цари знали счетъ своимъ баранамъ. — Гердеръ любезной человѣкъ, друзья мои. Я простился съ нимъ до завтрашняго дня.

Въ церковь Св. Якова надобно было зайти для того, чтобы видѣть тамъ на стѣнѣ барельефъ покойнаго Профессора Музеуса, сочинителя *физіогномическаго путешествія* и *Нѣмецкихъ народ-*

ныхъ сказокъ. Подъ барельефомъ стоитъ на книгѣ Урна, съ надписью: *незабвенному Музеусу.* — Чувствительная Амалія (*)! потомство будетъ благодарить тебя за то, что ты умѣла чтить дарованія.

21 *Іюля.*

Вчера два раза былъ я у Виланда, и два раза сказали мнѣ, что его нѣтъ дома. Нынѣ пришелъ къ нему въ восемь часовъ утра, и увидѣлъ его. Вообразите себѣ человѣка довольно высокаго, тонкаго, долголицаго, рябоватаго, бѣлокураго, почти безволосаго, у котораго глаза были нѣкогда сѣрые, но отъ чтенія стали красные — таковъ Виландъ. Желаніе

(*) Герцогиня Веймарская, мать владѣющаго Герцога.

видѣть васъ привело меня въ Веймаръ — сказалъ я. „Это не стоило труда!“ отвѣчалъ онъ съ холоднымъ видомъ и съ такою ужимкою, которой я совсѣмъ не ожидалъ отъ Виланда. Потомъ спросилъ онъ, какъ я, живучи въ Москвѣ, научился говорить по Нѣмецки? Отвѣчая, что мнѣ былъ случай говорить съ Нѣмцами, и притомъ съ такими, которые хорошо знаютъ свой языкъ, упомянулъ я о Л*. Тутъ разговоръ обратился на сего нещастнаго человѣка, которой нѣкогда былъ ему очень знакомъ. Между тѣмъ мы все стояли; изъ чего и надлежало мнѣ заключить, что онъ не намѣренъ удерживать меня долго въ своемъ кабинетѣ. Конечно я пришелъ не во время? спросилъ я. Нѣтъ, отвѣчалъ онъ: впрочемъ поутру мы обыкновенно чѣмъ нибудь занимаемся. — „И такъ позвольте мнѣ притти въ другое вре-

мя; назначьте только часъ. Еще повторяю вамъ, что я пріѣхалъ въ Веймаръ единственно для того, чтобы васъ видѣть." — *Виландъ.* Чего вы отъ меня хотите? — *Я.* Ваши сочиненія заставили меня любить васъ, и возбудили во мнѣ желаніе узнать Автора лично. Я ничего не хочу отъ васъ, кромѣ того, чтобы вы позволили мнѣ видѣть себя. — *В.* Вы приводите меня въ замѣшательство. Сказать ли вамъ искренно? — *Я.* Скажите. — *В.* Я не люблю новыхъ знакомствъ, а особливо съ такими людьми, которыя мнѣ ни по чему не извѣстны. Я васъ не знаю. — *Я.* Правда; но чего вамъ опасаться? — *В.* Нынѣ въ Германіи вошло въ моду путешествовать и описывать путешествія. Многіе переѣзжаютъ изъ города въ городъ, и стараются говорить съ извѣстными людьми только для того, чтобы послѣ все слышанное отъ

нихъ напечатать. Что сказано было между четырехъ глазъ, то выдается въ публику. Я на себя не надеженъ; иногда могу быть *слишкомъ* откровсненъ. — *Я.* Вспомните, что я не Нѣмецъ, и не могу писать для Нѣмецкой Публики. Къ тому же вы могли бы обязать меня словомъ честнаго человѣка. — *В.* Но какая польза намъ знакомиться? Положимъ, что мы сойдемся образомъ мыслей и чувствъ: да наконецъ не надобно ли будетъ намъ разстаться? Вѣдь вы здѣсь не будете жить? — *Я.* Для того, чтобы имѣть удовольствіе васъ видѣть, могу остаться въ Веймарѣ дней десять, и разставшись съ вами, радовался бы тому, что узналъ Виланда — узналъ какъ отца среди семейства, и какъ друга среди друзей. — *В.* Вы очень искренны. Теперь мнѣ должно васъ остерегаться, чтобы вы съ этой стороны не примѣтили

во мнѣ чего нибудь дурнаго. — *Я.* Вы шутите. — *В.* Ни мало. Сверьхъ того мнѣ бы совѣстно было, естьли бы вы точно для меня остались здѣсь жить. Можетъ быть въ другомъ Нѣмецкомъ городѣ, на прим. въ Готѣ, было бы вамъ веселѣе. — *Я.* Вы Поэтъ, а я люблю Поэзію: какъ бы пріятно для меня было, естьли бы вы дозволили мнѣ хотя часъ провести съ вами въ разговорѣ о плѣнительныхъ красотахъ ея? — *В.* Я не знаю, какъ мнѣ говорить съ вами. Можетъ быть вы учитель мой въ Поэзіи. — *Я.* О! много чести. И такъ мнѣ остается проститься съ вами въ первой и въ послѣдній разъ. — *В.* (*посмотрѣвъ на меня, и съ улыбкою*) Я не физіогномистъ; однакожь видъ вашъ заставляетъ меня имѣть къ вамъ нѣкоторую довѣренность. Мнѣ нравится ваша искренность; и я вижу еще перваго Рускаго такого, какъ вы.

Я видѣлъ вашего Ш***, остраго человѣка, напитаннаго духомъ этова старика (*указывая на бюстъ Вольтеровъ*). Обыкновенно ваши единоземцы стараются подражать Французамъ; а вы — — *Я.* Благодарю. — *В.* И такъ естьли вамъ угодно провести со мною часа два-три, то приходите ко мнѣ нынѣ послѣ обѣда въ половинѣ третьяго. — *Я.* Вы хотите быть только снисходительнымъ! — *В.* Хочу имѣть удовольствіе быть съ вами, говорю я, и прошу васъ не думать, чтобы вы одни на свѣтѣ были искренны. — *Я.* Простите! — *В.* Въ третьемъ часу васъ ожидаю. — *Я.* Буду. — Простите!

Вотъ вамъ подробное описаніе нашего разговора, которой сперва зацѣпилъ заживо мое самолюбіе. Окончаніе успокоило меня нѣсколько; однакожь я все еще въ волненіи пришелъ отъ Виланда къ

Гердеру, и рѣшился на другой день ѣхать изъ Веймара.

Гердеръ принялъ меня съ такою же кроткою ласкою, какъ и вчера — съ такою же привѣтливою улыбкою, и съ такимъ же видомъ искренности.

Мы говорили объ Италіи, откуда онъ не давно возвратился, и гдѣ остатки древняго искусства были достойнымъ предметомъ его любопытства. Вдругъ пришло мнѣ на мысль: что, естьли бы я изъ Швейцаріи пробрался въ Италію, и взглянулъ на Медицейскую Венеру, Бельведерскаго Аполлона, Фарнезскаго Геркулеса, Олимпійскаго Юпитера — взглянулъ бы на величественныя развалины древняго Рима, и вздохнулъ бы о тлѣнности всего подлуннаго? А сія мысль сдѣлала то, что я на минуту совсѣмъ забылся.

Я признался Гердеру, обратитъ разговоръ на его сочиненія, что

die Urkunde des menschlichen Geschlechts казалась мнѣ по большой части непонятною. „Эту книгу сочинялъ я въ молодости, отвѣчалъ онъ, когда воображенiе мое было во всей своей бурной стремительности, и когда оно еще не давало разуму отчета въ путяхъ своихъ.“ — Духъ вашъ, сказалъ я прощаясь съ нимъ, извѣстенъ мнѣ по вашимъ творенiямъ; но мнѣ хотѣлось имѣть вашъ образъ въ душѣ моей, и для того я пришелъ къ вамъ — теперь видѣлъ васъ, и доволенъ.

Гердеръ не высокаго росту, посредственной толщины, и лицемъ очень не бѣлъ. Лобъ и глаза его показываютъ необыкновенной умъ — (но я боюсь, чтобы вы, друзья мои, не почли меня какимъ нибудь физiогномическимъ колдуномъ). Видъ его важенъ и привлекателенъ; въ минѣ его нѣтъ ничего принужденнаго, ничего па-

кого, что бы показывало желаніе *казаться тѣмъ нибудь*. Онъ говоритъ тихо и внятно; даетъ вѣсъ словамъ своимъ, но не излишній. Едва ли, по разговору его, можно подозрѣвать въ Гердерѣ скромнаго любимца Музъ; но великой Ученой и глубокомысленной Метафизикъ скрытъ въ немъ весьма искусно.

Пріятно, милые друзья мои, видѣть наконецъ того человѣка, которой былъ намъ прежде столько извѣстенъ и дорогъ по своимъ сочиненіямъ; котораго мы такъ часто себѣ воображали или вообразить старались. Теперь, мнѣ кажется, я еще съ большимъ удовольствіемъ буду читать произведенія Гердерова ума, воспоминая видъ и голосъ Автора.

Въ 9 часовъ вечера. Я пришелъ къ Виланду въ назначенное время. Маленькія прекрасныя дѣти его окружили меня на крыльцѣ. *Ба-*

тюшка вас дожидается, сказалъ одинъ. *Подите къ нему*, сказали двое вмѣстѣ. *Мы вас проводимъ*, сказалъ четвертой. Я ихъ всѣхъ перецѣловалъ, и пошелъ къ ихъ батюшкѣ.

Простите — сказалъ, вошедши къ нему — простите, естьли давешнее мое посѣщеніе было для васъ не совсѣмъ пріятно. Надѣюсь, что вы не сочтете наглостію того, что было дѣйствіемъ энтузіазма, произведеннаго во мнѣ вашими прекрасными сочиненіями. — „Вы не имѣете нужды извиняться, отвѣчалъ онъ: я радъ, что этотъ жаръ къ Поэзіи такъ далеко распространяется, тогда, какъ онъ въ Германіи пропадаетъ.“ — Тутъ сѣли мы на канапе. Начался разговоръ, которой минута отъ минуты становился живѣе и для меня занимательнѣе. Говоря о любви своей къ Поэзіи, сказалъ онъ: „Естьли бы Судьба опредѣ-

лила мнѣ жить на пустомъ острровѣ, то я написалъ бы все тоже, и съ такимъ же стараніемъ вырабатывалъ бы свои произведенія, думая, что Музы слушаютъ мои пѣсни." Онъ желалъ знать, пишу-ли я? и не переведено ли что нибудь изъ моихъ бездѣлокъ на Нѣмецкой? Я сыскалъ въ записной своей книжкѣ переводъ *печальной весны*. Прочитавъ его, сказалъ онъ: „Жалѣю, естьли вы часто бываете въ такомъ расположеніи, какое здѣсь описано. Скажите, — потому что теперь вы вселили въ меня желаніе узнать васъ короче — скажите, что у васъ въ виду?" Тихая жизнь, отвѣчалъ я. Окончавъ свое путешествіе, которое предпринялъ единственно для того, чтобы собрать нѣкоторыя пріятныя впечатлѣнія и обогатить свое воображеніе новыми идеями, буду жить въ мирѣ съ Натурою и съ добрыми, любить

изящное и наслаждаться имъ. — „Кто любитъ Музъ и любимъ ими, сказалъ Виландъ, тотъ въ самомъ уединеніи не будетъ празденъ, и всегда найдетъ для себя *пріятное* дѣло. Онъ носитъ въ себѣ источникъ удовольствія, творческую силу свою, которая дѣлаетъ его щастливымъ.“

Разговоръ нашъ касался и до Философовъ. — „Никто изъ Систематиковъ, сказалъ Виландъ, не умѣетъ такъ *обольщать* своихъ читателей, какъ Боннетъ; а особливо такихъ читателей, которые имѣютъ живое воображеніе. Онъ пишетъ ясно, пріятно, и заставляетъ любить себя и Философію свою.“ — О Кантѣ говоритъ Виландъ съ почтеніемъ; но, кажется, не ломаетъ головы надъ его Метафизикою. Онъ показывалъ мнѣ новое сочиненіе своего зятя, Профессора Реингольда, подъ титуломъ Versuch einer neuen The-

orie des menschlichen Vorstellungsvermögens, которое только что отпечатано, и которое должно объяснить Кантову Метафизику. Прочтите его, сказалъ онъ мнѣ, естьли вы читаете книги такого рода. Вашъ Агатонъ, или Оберронъ, для меня пріятнѣе, отвѣчалъ я: однакожь иногда изъ любопытства заглядываю и въ область Философіи. — „А развѣ Агатонъ не есть философическая книга? сказалъ онъ: въ немъ рѣшены самые важнѣйшіе вопросы Философіи.“ — Правда, сказалъ я: и такъ прошу извинить меня. —

Съ любезною искренностію открывалъ мнѣ Виландъ мысли свои о нѣкоторыхъ важнѣйшихъ для человѣчества предметахъ. Онъ ничего не отвергаетъ, но только полагаетъ различіе между чаяніемъ и увѣреніемъ. Его можно назвать Скептикомъ, но только въ хорошемъ значеніи сего слова.

Ему, казалось, пріятно было слышать отъ меня, что нѣкоторыя изъ важнѣйшихъ его сочиненій переведены на-Руской. „Но каковъ переводъ?“ спросилъ онъ.— Не можетъ нравиться тѣмъ, которые знаютъ оригиналъ,— отвѣчалъ я. „Такова моя участь, сказалъ онъ: и Французскіе и Англійскіе переводчики меня обезобразили.“

Въ шесть часовъ я всталъ. Онъ взялъ мою руку, и сказалъ, что отъ всего сердца желаетъ мнѣ щастія въ жизни. „Вы видѣли меня таковымъ, каковъ я подлинно, примолвилъ онъ. Простите, и хотя изрѣдка увѣдомляйте меня о себѣ. Я всегда буду отвѣчать вамъ, гдѣ бы вы ни были. Простите!“— Тутъ мы обнялись. Мнѣ казалось, что онъ былъ нѣсколько тронутъ; а это самого меня тронуло. На крыльцѣ мы въ послѣдній разъ пожали другъ у друга руку, и разстались — мо-

жетъ быть навѣчно. Никогда, никогда не забуду Виланда! Естьли бы вы видѣли, друзья мои, съ какою откровенностію, съ какимъ жаромъ говоритъ сей почти шестидесятилѣтній человѣкъ, и какъ всѣ черты лица его оживляются въ разговорѣ! Душа его еще не состарѣлась и силы ея не истощились. Клелія и Синибальдъ, послѣдняя изъ его поэмъ, писана съ такою же полнотою духа, какъ Оберронъ, какъ Музаріонъ, и проч. Кажется еще, что онъ въ послѣднихъ своихъ твореніяхъ ближе и ближе къ совершенству подходитъ. Тридцать пять лѣтъ извѣстенъ Виландъ въ Германіи какъ Авторъ. Самыя первыя его сочиненія, на прим. *нравоучительныя повѣсти*, *Симпатіи* и проч., обратили на него вниманіе Публики. Хотя строгая критика, которая тогда уже начиналась въ Германіи, и находила въ нихъ много недостатковъ;

однакожъ отдавала Автору справедливость въ томъ, что онъ имѣетъ изобрѣтательную силу, богатое воображенiе и живое чувство. Но эпоха славы его началась съ *комическихъ повѣстей*, признанныхъ въ своемъ родѣ превосходными и на Нѣмецкомъ языкѣ тогда единственными. Удивлялись его остротѣ, вкусу, красотѣ языка, искусству въ повѣствованiи. Потомъ издавалъ онъ поэму за поэмою, и послѣдняя всегда казалась лучшею. Давно уже Германiя признала его однимъ изъ первыхъ своихъ Пѣвцевъ; онъ покоится на лаврахъ своихъ, но не засыпаетъ. Естьли Французы оставили наконецъ свое старое худое мнѣнiе о Нѣмецкой Литтературѣ (которое нѣкогда она въ самомъ дѣлѣ заслуживала, т. е. тогда, какъ Нѣмцы прилѣжали только къ сухой учености) — естьли знающiе и справедливѣй-

шіе изъ нихъ соглашаются, что Нѣмцы не только во многомъ сравнялись съ ними, но во многомъ и превзошли ихъ: то конечно произвели это отчасти Виландовы сочиненія, хотя и не хорошо на Французской языкъ переведенныя.

Вчера ввечеру, идучи мимо того дома, гдѣ живетъ Гете, видѣлъ я его смотрящаго въ окно, — остановился и разсматривалъ его съ минуту: важное Греческое лице! Нынѣ заходилъ къ нему; но мнѣ сказали, что онъ рано уѣхалъ въ Ену. — Въ Веймарѣ есть еще и другіе извѣстные Писатели: Бертухъ, Боде, и проч. Бертухъ перевелъ съ Гишпанскаго Донъ-Кишота, и выдавалъ *магазинъ Гишпанской и Португальской Литтературы;* а Боде славится переводомъ Стернова *Путешествія* и Тристрама Шанди. Герцогиня Амалія любитъ дарованія. Она призвала къ своему двору Виланда и

поручила ему воспитаніе молодаго Герцога; она призвала Гете, когда онъ прославился своимъ Вертеромъ; она же призвала и Гердера въ начальники здѣшняго духовенства.

Простите, друзья мои! Ясная ночь вызываетъ меня изъ комнаты. Беру свой страннической посохъ — иду смотрѣть на засыпающую Природу, и странствовать глазами по звѣздному небу.

Веймаръ, Іюля 22.

Мнѣ разсказывали здѣсь разные анекдоты о нашемъ Л*. Онъ пріѣхалъ сюда для Гете, друга своего, которой вмѣстѣ съ нимъ учился въ Стразбургѣ, и былъ тогда уже при Веймарскомъ дворѣ. Его приняли очень хорошо, какъ человѣка съ дарованіями; но скоро примѣтили въ немъ великія

странности. На прим. однажды явился онъ на придворной балъ въ доминѣ, въ маскѣ и въ шляпѣ, и въ ту минуту, какъ всѣ обратили на него глаза и ахнули отъ удивленія, спокойно подошелъ къ знатнѣйшей дамѣ и звалъ ее танцовать съ собою. Молодой Герцогъ любилъ фарсы и радъ былъ сему забавному явленію, которое доставило ему удовольствіе смѣяться отъ всего сердца; но чиновные господа и госпожи, составляющіе Веймарской дворъ, думали, что дерзостному Л* надлежало за то по крайней мѣрѣ отрубить голову. — Съ самаго своего пріѣзда Л* объявилъ себя влюбленнымъ во всѣхъ молодыхъ, хорошихъ женщинъ, и для каждой изъ нихъ сочинялъ любовныя пѣсни. Молодая Герцогиня печалилась тогда о кончинѣ сестры своей. Онъ написалъ ей на сей случай прекрасные стихи; но не преминулъ

въ нихъ уподобить себя Иксіону, дерзнувшему влюбиться въ Юпитерову супругу. — Однажды онъ встрѣтился съ Герцогинею за городомъ, и вмѣсто того, чтобы поклониться ей, упалъ на колѣни, поднялъ вверьхъ руки, и такимъ образомъ далъ ей мимо себя проѣхать. На другой день Л* всѣмъ знакомымъ разослалъ по бумажкѣ, на которой нарисована была Герцогиня и онъ самъ, стоящій на колѣняхъ съ поднятыми вверьхъ руками. — Но ни Поэзія, ни любовь не могли занять его совершенно. Онъ могъ еще думать о реформѣ, которую, по его мнѣнію, надлежало сдѣлать въ войскѣ Его Свѣтлости; и для того подавалъ Герцогу разные планы, писанные на большихъ листахъ. — За всѣмъ тѣмъ его терпѣли въ Веймарѣ, а дамы находили пріятнымъ. Но Гете наконецъ съ нимъ поссорился и принудилъ его вы-

ѣхать изъ Веймара. Одна дама взяла его съ собою въ деревню, гдѣ нѣсколько дней читалъ онъ ей Шекспира, и потомъ отправился странствовать по бѣлому свѣту. —

Эрфуртъ 22 Iюля.

Въ два часа прiѣхалъ я сюда изъ Веймара, остановился въ трактирѣ (котораго имени, право, не знаю); выпилъ чашку кофе, пошелъ на такъ называемую *Петрову гору* въ Бенедиктинской монастырь, и просилъ тамъ перваго встрѣтившагося мнѣ отца указать то мѣсто, гдѣ погребенъ Графъ Глейхенъ. *Толстой* отецъ (NB. монастырь очень богатъ) охриплымъ голосомъ сказалъ мнѣ, чтобы я шелъ къ отцу церковнику. Мнѣ надлежало итти черезъ длинныя сѣни или коридоръ, гдѣ въ печаль-

номъ сумракѣ представились глазамъ моимъ распятія и угасшія лампады. Вожатой оставилъ меня въ коридорѣ и пошелъ искать отца церковника. Трудно описать, что чувствовалъ я, прохаживаясь одинъ въ глубокой тишинѣ по сему темному коридору, и смотря на распятія, на лампады и на старыя картины, на которыхъ изображены были разныя страшныя сцены. Мнѣ казалось, что я пришелъ въ мрачное жилище Фанатизма. Воображеніе мое представило мнѣ сіе чудовище во всей его гнусности, съ поднявшимися отъ ярости волосами, съ клубящеюся у рта пѣною, съ пламенными, бѣшеными глазами, и съ кинжаломъ въ рукѣ, прямо на сердце мое устремленнымъ. Я затрепеталъ, и холодной ужасъ разлился по моимъ жиламъ. Изъ глубины прошедшихъ вѣковъ загремѣли въ мой слухъ адскія закли-

нанія; но, къ щастію, въ самую сію минуту пришелъ мой вожатой, и фантомы моего воображенія исчезли. Отецъ церковникъ, сказалъ онъ, вмѣстѣ съ другими отцами сидитъ за вечернею трапезою. Да не можешь ли ты самъ показать мнѣ гробъ Глейхена? спросилъ я. Могу, отвѣчалъ онъ, естьли вы только его хотите видѣть.—Вошедши въ церковь, поднялъ онъ двѣ широкія скованныя доски, и я увидѣлъ большой камень.—Выслушайте исторію.

Когда святая ревность, выгнать невѣрныхъ изъ земли обѣтованной, заразила всю Европу, и благочестивые рыцари, крестомъ ознаменованные, устремились къ востоку: тогда и Глейхенъ, Имперской Графъ, оставилъ свое отечество, и съ вѣрною дружиною направилъ путь свой къ странамъ Азіатскимъ. Не буду описывать вамъ великихъ дѣлъ его мужества.

Скажу только, что самые храбрѣйшіе рыцари Христіянства удивлялись его подвигамъ. Но Небесамъ угодно было искусить нещастіемъ вѣру Героя — Графъ Глейхенъ попался въ плѣнъ къ невѣрнымъ, и сталъ невольникомъ знатнаго Магометанца, которой велѣлъ ему смотрѣть за своимъ садомъ. Графъ, нещастной Графъ поливалъ цвѣты, и стеналъ въ тяжкомъ рабствѣ. Но тщетны были бы всѣ его стенанія и всѣ обѣты, естьли бы прекрасная Сарацынка, милая дочь господина его, не обратила взоровъ нѣжной любви на злощастнаго Героя. Часто въ густыхъ тѣняхъ вечера внимала она жалобнымъ пѣснямъ его; часто видѣла невольника молящагося со слезами, и сама слезы проливала. Робкая стыдливость долгое время не допускала ее изъясниться и сказать ему, что она беретъ участіе въ его печали. Наконецъ

искра воспылаха — стыдливость исчезла — любовь не могла уже таиться въ сердцѣ, и огненною рѣкою излилась изъ устъ ея въ душу изумленнаго Графа. Ангельская невинность ея, цвѣтущая красота и способъ разорвать цѣпь неволи, не дали ему вспомнить, что у него была супруга. Онъ клялся Сарацынкѣ вѣчно любить ее, естьли она согласится оставить своего отца, отечество, и бѣжать съ нимъ въ страны Христіянскія. Но она уже не помнила ни отца, ни отечества—Графъ былъ для нее все. Прекрасная летитъ, приноситъ ключь, отпираетъ дверь въ поле — летитъ съ своимъ возлюбленнымъ, и тихая ночь, одѣвъ ихъ мрачнымъ своимъ покровомъ, благопріятствуетъ ихъ побѣгу. Щастливо достигаютъ они до отечества Графскаго. Подданные лобызаютъ своего Государя и отца, котораго счи-

тали они погибшимъ, и съ любопытствомъ смотрятъ на его статную сопутницу, покрытую флеромъ. При входѣ во дворецъ Графиня бросается въ его объятія. „Ты опять меня видишь, любезная супруга! говоритъ Графъ: благодари ее (*указывая на свою избавительницу*) — она все для меня оставила. Ахъ! я клялся любить ее!" — Графъ хочетъ рукою закрыть текущія слезы свои. Сарацынка открываетъ свое лице, бросается на колѣни передъ Графинею, и рыдая говоритъ: *я теперь раба твоя!* — „Ты сестра моя, отвѣчаетъ Графиня, подымая и цѣлуя Сарацынку: супругъ мой будетъ твоимъ супругомъ; раздѣлимъ сердце его." — Графъ удивляется великодушію супруги — прижимаетъ ее къ своему сердцу — всѣ обнимаются и клянутся любить другъ друга до гроба. Небеса благословили сей тройственной союзъ, и самъ

Папа подтвердилъ его. Миръ и щастіе обитали въ Графскомъ домѣ, и вѣрные супруги были погребены вмѣстѣ — въ Эрфуртѣ, въ церкви Бенедиктинскаго монастыря — и покрыты однимъ большимъ камнемъ, на которомъ рука усерднаго художника вырѣзала ихъ изображенія. Я видѣлъ сей большой камень, и благословилъ память супруговъ.

Взглянувъ съ *Петровой горы* на городъ и окрестности, пошелъ я въ сиротской домъ, и видѣлъ тамъ келью, въ которой Мартинъ Лютеръ жилъ отъ 1505 до 1512 года. На стѣнахъ сей маленькой, темной горницы написана его исторія. На столикѣ лежитъ Нѣмецкая Библія перваго изданія, которую употреблялъ самъ Лютеръ, и въ которой всѣ бѣлыя страницы исписаны его рукою. Можно ли, думалъ я, чтобы простой монахъ, жившій во мракѣ

этой кельи, сдѣлалъ не только великую реформу въ Римской церкви, вопреки Императору и Папѣ, но и великую моральную революцію въ свѣтѣ! — Вышедши изъ кельи, увидѣлъ я въ коридорѣ множество странныхъ картинъ. На одной изображенъ Императоръ, къ которому смерть, въ видѣ скелета, подходитъ и докладываетъ съ низкимъ поклономъ, что ему пора сложить съ себя земное величіе и отправиться на тотъ свѣтъ. На другой представлена актриса, а позади ее смерть въ царскомъ одѣяніи, поднимающая кинжалъ съ маскою. На третьей изображены содержатель Типографіи въ шлафрокомъ халатѣ и въ большомъ парикѣ, помощникъ его и смерть, хотящая подкосить ноги перваго; а внизу подписано, что и содержатели Типографій умереть должны! и проч. и проч.

Гота, 23 Іюля, въ полночь.

Я пріѣхалъ сюда въ одиннадцать часовъ утра, и остановился въ трактирѣ *колокольчика*. Сильная головная боль заставила меня пролежать весь день. Ввечеру я всталъ, ходилъ по городу, и видѣлъ передъ дворцомъ иллюминацію и феерверкъ, которымъ Готской Герцогъ веселилъ маленькаго Веймарскаго Принца, пріѣхавшаго къ нему въ гости.

Франкфуртъ на Майнѣ, Іюля 28.

Вчера, милые друзья мои, пріѣхалъ я во Франкфуртъ. Дорога отъ Готы была для меня очень скучна. Почти на каждой станціи надлежало мнѣ ночевать—(я ѣхалъ на ординарной почтѣ) — или по крайней мѣрѣ стоять по нѣскольку часовъ. Дороги вездѣ прескверныя, такъ что надобно ѣхать все

шагомъ, и даже самыя улицы въ маленькихъ городкахъ и мѣстечкахъ такъ дурны, что съ трудомъ проѣхать можно. Правда, я сидѣлъ въ колясkѣ очень просторно, т. е. почти все одинъ; но чрезмѣрно тихая ѣзда и остановки были для меня несносны. Къ тому же почти ничего занимательнаго не встрѣчалось глазамъ моимъ, и я сомнѣваюсь, чтобы самъ Йорикъ нашелъ тутъ много интереснаго для своего сердца.

Только дикія окрестности Эйзенаха произвели во мнѣ нѣкоторыя пріятныя чувства, напомнивъ мнѣ первобытную дикость всей Натуры. Еще замѣтилъ я замокъ Вартбургъ, которой лежитъ на горѣ не далеко отъ Эйзенаха, и въ которомъ послѣ Вормскаго Сейма содержанъ былъ Мартинъ Лютеръ. Тутъ возвышаются два камня, въ которыхъ воображеніе находитъ нѣчто похожее на чело-

вѣческія фигуры, и о которыхъ, по старому преданію, разсказывается слѣдующая сказка:

Молодой монахъ влюбился въ молодую монахиню. Тщетно сражался онъ съ своею любовію; напрасно хотѣлъ умерщвлять плоть свою постомъ и трудами! Кровь его кипѣла и волновалась. Образъ нѣжной монахини всегда присутствовалъ въ душѣ его. Онъ хотѣлъ молиться; но языкъ его, послушной сердцу, не могъ произнести ничего, кромѣ: *люблю! люблю! люблю!* Часто ходилъ онъ въ тотъ монастырь, гдѣ заключена была прекрасная; часто, смотря на нее, лилъ пламенныя слезы, и видѣлъ огненной румянецъ на лицѣ своей возлюбленной, — видѣлъ симпатическія слезы въ глазахъ ея. Сердца ихъ разумѣли другъ друга, страшились своихъ чувствъ и — питали ихъ. Наконецъ молодой монахъ трепещу-

щею рукою вручилъ своей любезной слѣдующее письмо: *Милая сестра! не далеко отъ монастырскихъ воротъ, въ правую сторону, возвышается крутая гора. Я буду тамъ при наступленіи ночи. Или ты, прекрасная, будешь тамъ же, или я свергнусь съ высокаго утеса, и умру временною и вѣчною смертію.* Сердце ея затрепетало. „Мнѣ видѣть его — думаетъ она — мнѣ видѣть его за стѣною монастырскою, и быть съ нимъ одной въ тишинѣ ночи? Но я должна спасти его отъ страшнаго грѣха самоубійства.“ — Она находитъ способъ выпти ночью изъ монастыря — идетъ во мракѣ и страшится всякаго шороха — всходитъ на гору, и вдругъ чувствуетъ себя въ объятіяхъ своего страстнаго обожателя. Они забываютъ все, трепещутъ въ восторгѣ — но вдругъ кровь ихъ хладѣетъ, нѣмѣютъ члены, сердца пе-

рестаютъ биться, и Небесной гнѣвъ превращаетъ ихъ въ два камня. „Вы видите ихъ“ — сказалъ мнѣ постилліонъ, указывая на верьхъ горы. — — Изъ сей народной сказки сочинилъ Виландъ прекрасную поэму, подъ типуломъ: der Mönch und die Nonne.

Проѣзжая черезъ маленькое мѣстечко близь Гиршфельда, постилліонъ мой остановился у дверей одного дому. Я счелъ этотъ домъ тракттиромъ, вошелъ въ него, и первому человѣку, которой встрѣтилъ меня съ низкимъ поклономъ, велѣлъ принести бутылку воды и рейнвейна; сѣлъ на стулъ, и не думалъ снимать своей шляпы. Въ комнатѣ было еще человѣка три, которые съ великою учтивостію начинали говорить со мною. Принесли рейнвейнъ. Я пилъ, хвалилъ вино, и наконецъ спросилъ, что надобно заплатить за него? „Ничего, отвѣчали мнѣ съ покло-

номъ: вы не въ трактирѣ, а въ гостяхъ у честнаго мѣщанина, которой очень радъ тому, что вамъ полюбился его рейнвейнъ." Вообразите мое удивленіе! Я схватилъ съ себя шляпу и сталъ извиняться. „Ничего! ничего! сказалъ мнѣ хозяинъ: только прошу васъ быть благосклоннымъ къ моей дочери, которая поѣдетъ съ вами въ коляскѣ." Буду почтителенъ, и все, что вамъ угодно, — отвѣчалъ я. Пришла дочь его, дѣвушка лѣтъ въ двадцать, изрядная собою, въ зеленомъ суконномъ сертукѣ и въ черной шляпѣ. Мы рекомендовались другъ другу и сѣли въ коляскѣ рядомъ. Каролина (такъ называлась дѣвушка) сказала мнѣ, что она ѣдетъ въ деревню къ своей теткѣ. Я не хотѣлъ безпокоить ее никакими дальнѣйшими вопросами, вынулъ изъ кармана своего Vicar of Wekefield и началъ читать. Сопутница моя стала зѣ-

вать, жмуриться, дремать, и наконецъ голова ея упала ко мнѣ на плечо. Я не смѣлъ тронуться, чтобы не разбудить ее; но вдругъ насъ такъ тряхнуло, что она отлетѣла отъ меня въ другой уголъ коляски. Я предложилъ ей большую свою подушку. Она взяла ее, положила себѣ подъ голову и опять заснула. Между тѣмъ смерклось, и наступила ночь. Каролина спала крѣпкимъ сномъ, и не просыпалась до самаго того мѣста, гдѣ надлежало намъ съ нею разстаться. Что принадлежитъ до меня, то я велъ себя такъ честно, какъ цѣломудренной рыцарь, боящійся однимъ нескромнымъ взоромъ оскорбить стыдливость ввѣренной ему невинности. Рѣдки такіе примѣры въ нынѣшнемъ свѣтѣ, друзья мои, рѣдки! Каролина, по своей невинности, не думала благодарить меня за мою воздержность, и простилась со

мною очень сухо. Богъ съ нею!

Нигдѣ во всю дорогу не было мнѣ такъ грустно, какъ въ Гиршфельдѣ. Я прiѣхалъ туда въ пять часовъ вечера, и долженъ былъ пробыть тамъ до полуночи. Городъ не представлялъ мнѣ ничего любопытнаго, и я не зналъ, что дѣлать. Читать не могъ — писать также, хотя Почтмейстерша, по моему требованiю, и принесла мнѣ цѣлую тетрадь бумаги. Сидя подгорюнившись, думалъ я о друзьяхъ отдаленныхъ, чувствовалъ сиротство свое и грустилъ.

Сюда прiѣхалъ я ночью въ дождь, и остановился въ трактирѣ *звѣзды*, гдѣ отвели мнѣ хорошую комнату.

Франкфуртъ, 29 Iюля.

Ненастье продолжается. Сижу въ своей горницѣ, подъ растворенымъ окномъ; и хотя косой

дождь мочитъ меня и разливаетъ дрожь по моей внутренности, однакожь каменная Руская грудь не боится простуды, и питомецъ желѣзнаго сѣвера смѣется надъ слабымъ усиліемъ Маинскихъ бурь.

Но такой ли погоды ожидалъ я въ здѣшнемъ кроткомъ климатѣ? Болѣе и болѣе удаляясь отъ сѣвера, радовался я мыслію, что оставляю за собою холодъ и сырость, все сердитое, жестокое и угрюмое въ натурѣ. Тамъ, гдѣ течетъ Маинъ и Реинъ, думалъ я, тамъ небо чисто, дни красны, и одни зефиры струятъ воздухъ; тамъ цвѣтущая Природа ликуетъ въ яркомъ свѣтѣ лучей солнечныхъ. Но — пріѣзжаю, и нахожу пасмурную осень середи лѣта. Только я намѣренъ переупрямить погоду; и клянусь Титанами и страшнымъ Стиксомъ, что не выѣду изъ Франкфурта не дождавшись ясныхъ дней.

Вчера былъ я только у Виллемера, богатаго здѣшняго Банкира. Мы говорили съ нимъ о новыхъ Парижскихъ происшествiяхъ. Что за дѣла тамъ дѣлаются! Думалъ ли нашъ А* (которой уѣхалъ отсюда недѣли за двѣ передъ симъ) видѣть въ Парижѣ такiя сцены?

Не воображайте, чтобы мнѣ скучно было сидѣть въ своей горницѣ. Публичная библiотека въ трехъ шагахъ отъ тракшира. Вчера я бралъ изъ нее Фiеско, Шиллерову трагедiю, и читалъ ее съ великимъ удовольствiемъ отъ первой страницы до послѣдней. Едва ли не всего болѣе тронулъ меня монологъ Фiеска, когда онъ, уединясь въ тихiй часъ утра, размышляетъ, лучше ли ему остаться простымъ гражданиномъ, и за услуги, оказанныя имъ отечеству, не требовать никакой награды, кромѣ любви своихъ сограждан, или воспользоваться обстоятель-

ствами и присвоить себѣ верьховную власть въ Республикѣ. Я готовъ былъ упасть передъ нимъ на колѣни и воскликнуть: *избери первое!* Какая сила въ чувствахъ! Какая живопись въ языкѣ! Вообще Фіеско тронулъ меня болѣе, нежели Донъ-Карлосъ, хотя сего послѣдняго видѣлъ я на театрѣ, и хотя критика отдаетъ ему преимущество. — Нынѣ читалъ я также съ великимъ удовольствіемъ Ифландовы драмы, которыя можно назвать прекрасными семейственными картинами, и которыя вѣрно полюбились бы нашей Публикѣ, естьли бы искусной человѣкъ обработалъ ихъ для Рускаго театра.

Въ одномъ трактирѣ со мною живетъ молодой Докторъ Медицины, которой вчера пришелъ ко мнѣ пить чай, и просидѣлъ у меня весь вечеръ. По его мнѣнію все зло въ мірѣ происходитъ отъ то-

го, что люди не берегутъ своего желудка. „Испорченной желудокъ, сказалъ онъ, бываетъ источникомъ не только всѣхъ болѣзней, но и всѣхъ пороковъ, всѣхъ дурныхъ навыковъ, всѣхъ злыхъ дѣлъ. Отъ чего моралисты такъ мало исправляютъ людей? Отъ того, что они считаютъ ихъ здоровыми, и говорятъ съ ними какъ со здоровыми, тогда, когда они больны, — тогда, когда бы, вмѣсто всѣхъ словесныхъ убѣжденій, надлежало имъ дать нѣсколько пріемовъ чистительнаго. Безпорядокъ душевной бываетъ всегда слѣдствіемъ тѣлеснаго безпорядка. Когда въ машинѣ нашей находится все въ совершенномъ равновѣсіи; когда всѣ сосуды дѣйствуютъ и отдѣляютъ исправно разныя жидкости; однимъ словомъ, когда всякая часть отправляетъ ту должность, которую поручила ей Натура: тогда и душа бываетъ

здорова; тогда человѣкъ разсуждаетъ и дѣйствуетъ хорошо; тогда бываетъ онъ мудръ и добродѣтеленъ, и веселъ и щастливъ."
— И такъ естьли бы у Калигулы не былъ испорченъ желудокъ, то онъ не вздумалъ бы построить мосту на Средиземномъ морѣ? спросилъ я. — „Безъ сомнѣнія, отвѣчалъ мой Докторъ: и естьли бы лекарь его догадался дать ему нѣсколько чистительныхъ пилюль, то смѣшное предпріятіе было бы черезъ часъ оставлено. Отъ чего въ златомъ вѣкѣ были люди и добры и щастливы? Конечно отъ того, что они, питаясь только растѣніями и молокомъ, никогда не обременяли и не засоряли своего желудка. Наконецъ скажу вамъ, что естьли бы я былъ Государемъ, то велѣлъ бы всѣхъ преступниковъ вмѣсто наказанія, отсылать въ больницы и лечить до того, пока они сдѣлались бы добрыми

людьми и полезными гражданами. Со временемъ предложу Публикѣ свои мнѣнія и доказательства, которыя, можетъ быть, сдѣлаютъ революцію въ Философіи. Тогда вспомните, государь мой, что вы отъ меня слышали." —- Я удивлялся логикѣ Господина Доктора.

Іюля 30.

Наконецъ Франкфуртское небо перестало хмурить брови, и прояснилось. Пользуясь хорошимъ временемъ, ходилъ я такъ много, что теперь чувствую боль въ ногахъ.

Трактирщикъ мой водилъ меня по здѣшнимъ садамъ. Въ одномъ изъ нихъ встрѣтились мы съ хозяиномъ, почтеннымъ старикомъ и, какъ сказываютъ, очень богатымъ человѣкомъ. Узнавъ отъ моего вожатаго, что я путешеству-

ющій иностранецъ, онъ взялъ меня за руку и сказалъ: „Я самъ покажу вамъ все то, что можно назвать изряднымъ въ моемъ саду. Какова эта темная алея?“— Въ жаркое время тутъ хорошо прохлаждаться, отвѣчалъ я. — „А эта маленькая беседка подъ вѣтьвями каштановыхъ деревъ?“ — Тутъ прекрасно сидѣть ввечеру, когда луна покажется на небѣ и свѣтъ свой прольетъ сквозь развѣсистыя вѣтьви на эту бархатную зелень.—„А этотъ холмикъ?“ —Ахъ! какъ бы я желалъ встрѣтить тутъ восходящее солнце! —„А этотъ маленькой лѣсокъ?“ —Тутъ вѣрно поютъ весною соловьи, такъ спокойно и весело, какъ въ самыхъ дикихъ мѣстахъ Природы, ни мало не подозрѣвая, чтобы сюда заманивало ихъ искусство. — „Что-вы скажете объ этомъ домикѣ?“—Онъ построенъ на то, чтобъ быть жилищемъ

Философа, любящаго простоту, уединеніе и тишину. — „Теперь вамъ надобно согласиться выпить у меня чашку кофе.“ —— Мы вошли въ домикъ, и сѣли на деревянныхъ стульяхъ вокругъ маленькаго столика. Намъ подали кофе. Я съ удовольствіемъ поблагодарилъ хозяина за его гостепріимство.

Въ ненастное время казалось мнѣ, что Франкфуртъ пустъ; а теперь кажется, что онъ очень многолюденъ — отъ того, что въ дурную погоду сидѣли всѣ дома, кромѣ тѣхъ, которымъ уже по крайней нуждѣ надлежало корчиться подъ дождемъ и топтать ногами грязь на улицахъ; а теперь, обрадовавшись солнцу, всѣ какъ муравьи ползутъ изъ своихъ норъ.

По своей цвѣтущей и обширной коммерціи, Франкфуртъ есть одинъ изъ богатѣйшихъ городовъ въ Германіи. Кромѣ нѣкоторыхъ дво-

рянскихъ фамилій, здѣсь поселившихся, всякой житель купецъ, то есть, производитъ какой нибудь торгъ. На всякой улицѣ множество лавокъ, наполненныхъ товарами. Вездѣ знаки трудолюбія, *промышленности* (*), изобилія. Ни одинъ нищій не подходилъ ко мнѣ на улицѣ просить милостыни.

Только не льзя назвать Франкфурта хорошо выстроеннымъ городомъ. Домы почти всѣ старинные, и расписаны разными красками, — что для глазъ весьма странно.

Еще скажу то, что здѣсь въ трактирахъ столъ очень дешевъ. Мнѣ приносятъ всегда пять хорошо приготовленныхъ блюдъ и еще десертъ, на двухъ или трехъ тарелкахъ, и за это плачу не бо-

(*) Это слово сдѣлалось нынѣ обыкновеннымъ: Авторъ употребилъ его первый.

лѣе 50 коп. Вино также очень дешево. Бутылка молодаго рейнвейна стоитъ 10 коп., а стараго 40.— После обѣда, когда солнце укротило жаръ лучей своихъ, вышелъ я за городъ. Сады, сельскіе домики, луга и виноградные огороды представились глазамъ моимъ. Сколько ландшафтовъ, достойныхъ кисти Салватора Розы или Пуссеневой!

Уединенной домикъ съ садикомъ, не далеко отъ большой дороги, прельстилъ меня, и я пошелъ къ нему по узенькой тропинкѣ. Два мальчика, игравшіе на травѣ, бросились ко мнѣ на встрѣчу; но закричавъ: *это не онъ! это не Каспаръ!* побѣжали назадъ и скрылись въ домикъ. Старое каштановое дерево призывало меня въ свою тѣнь — я сѣлъ подъ его вѣтьвями. Минутъ черезъ пять мальчики опять выбѣжали, а за ними вышла женщина лѣтъ въ тридцать,

пріятная лицемъ, въ бѣлой кофточкѣ и въ соломенной шляпкѣ. Она сѣла на крыльцѣ, и смотрѣла съ улыбкою на играющихъ мальчиковъ, съ такою улыбкою, по которой легко было узнать, что она мать ихъ. Они уговорились бѣгать въ запуски; взявшись за руки, отошли отъ крыльца шаговъ тридцать, остановились, выставили впередъ грудь и правую ногу, и дожидались, чтобы мать подала имъ знакъ. Она махнула имъ платкомъ, и они пустились какъ изъ лука стрѣла. Большой опередилъ меньшаго, прибѣжалъ къ матери, и закричавъ: *я первой!* бросился цѣловать ее. Меньшой прибѣжалъ, и также кинулся къ ней на шею. Любезная картина семейственнаго щастія! Можетъ быть въ городѣ она бы меньше меня тронула; но среди сельскихъ красотъ сердце наше живѣе чувствуетъ все то, что принадлежитъ къ

суммѣ истиннаго щастія, вліяннаго благодѣтельнымъ Существомъ въ сосудъ жизни человѣческой.—Прости, уединенной домикъ! Миръ, тишина и покой да будутъ всегда наслѣдственнымъ добромъ твоихъ обитателей! А ты, вѣтьвистое дерево! долго, долго еще принимай странниковъ въ тѣнь свою — и подъ кровомъ шумящихъ листьевъ твоихъ да веселятся они веселіемъ невинности и добродѣтели!

КОНЕЦЪ ВТОРАГО ТОМА.

Duke University Libraries
D02870917Y